

"Иван Любенко - Черная магнолия"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Иван Любенко

Черная магнолия

1

Секретное совещание

Санкт-Петербург, марта, 10-го дня, 1912 г.

Черные свинцовые тучи низко нависли над Невой, грозя опрокинуть на город все небесные воды, скопившиеся на небесах за долгую зиму. Случайные прохожие торопились домой, пытаясь спрятаться от подступающей с запада стихии. Ветер рвал пологи извозчичьих колясок и нещадно трепал брезентовые крыши суетливых, грозно урчащих автомобилей. Под козырьками каменных зданий испуганно жались нахохлившиеся голуби. И только безмолвный ангел на Александровской колонне невозмутимо взирал на Зимний дворец, не обращая внимания на приближающиеся со стороны Финского залива раскаты грома. Пахло морем и холодной мартовской сыростью. На землю сорвались первые крупные капли дождя. Часы в проеме арки Генерального штаба показывали без четверти восемь. Стемнело. Дворцовая площадь почти совсем обезлюдела.

Несмотря на поздний час в окнах военного ведомства все еще горел электрический свет. В кабинете находился и полковник Ладыженский. Заведующий особым отделом делопроизводства, помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления генерального штаба ждал гостей из Министерства иностранных дел.

За плечами сорокалетнего офицера остались дерзкие кавалерийские рейды по тылам противника во время русско-японской кампании и командование отдельным корпусом пограничной стражи в составе 3-й Маньчжурской армии. Но с июня 1911 года, когда военный министр Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных организациях», Александр Петрович возглавил первую в России структуру, призванную бороться со шпионством. Тогда же Ладыженский был представлен Государю. Николай Александрович встретил нового назначенца с доброй улыбкой. Его Величество спрашивал о жене и детях полковника, интересовался его предыдущей службой, в общем, говорили о том, что не имело ни малейшего отношения к контрразведке. А узнав, что кандидат на новую должность любитель побродить с ружьишком, император пустился в обсуждение деталей охоты с русскими борзыми. Аудиенция продлилась почти час — вдвое дольше отведенного времени, и самодержец проводил гостя до самых дверей.

Вскоре молодая спецслужба получила отдельное финансирование и право на проведение любых акций, в том числе и ликвидаций. Словом, еще и года не прошло с того времени, как Россия-матушка обзавелась собственной *Sûreté générale*. Видимо, по этой причине и штат новой структуры был еще не укомплектован. И не то чтобы желающих не было — нет, таковых хоть отбавляй! Для новой работы требовались люди, умеющие взглянуть на решение проблемы неординарно, с необычного, так сказать, ракурса.

Зачастую работа контрразведчика — кабинетное сидение, от которого впору титулярную болезнь схлопотать. Тут уж не до лихих сабельных атак или жандармских засад на явочных квартирах. Здесь все, как в шахматах: кто умнее и терпеливее — тот и победитель. «Благо, с заместителем повезло. А впрочем, в этом нет ничего удивительного, — похвалил себя полковник. — Сам выбирал, из своих, из пограничной стражи». Ладыженский мысленно

усмехнулся: «А капитан Мяличкин во всем старается походить на меня. Даже усы фабрикат же... Но офицер не промах — на десять лет моложе, а столько знает! Пятью языками владеет в совершенстве, а на трех свободно читает и весьма неплохо изъясняется. Куда уж мне тут со своим французским и немецким... Но ничего, — он бросил взгляд на лежащий рядом с настольной лампой «Учебник английской речи» Берлица, — глядишь, и наверстаем!»

Начальник российской контрразведки поднялся из-за стола и, с удовольствием разминая затекшие ноги, прошелся по кабинету. Не успели напольные часы ударить восемь раз, как в дверь постучали. На пороге кабинета появился невысокий капитан в сопровождении двух незнакомцев.

— Разрешите, господин полковник?

— Входите.

Статный господин с мушкетерскими усами и жокейской бородкой протянул руку:

— Позвольте представиться — князь Мирский, Иннокентий Всеволодович — начальник Азиатского департамента МИДа, а это мой заместитель, — он повернулся к стоящему рядом молодому мужчине с бритым лицом, — Аркадий Никитович Чирков.

— Ладыженский, Александр Петрович. Прошу садиться. Итак, господа, я вас внимательно слушаю.

— Начну с самого главного, — чиновник устремил на хозяина кабинета внимательный взгляд, — буквально на днях мы получили информацию от нашего источника. По его сведениям, в ближайшее время англичане планируют провести операцию по устранению Григория Распутина.

— Ох, господи! — не удержался полковник. — С чего бы этот прохиндей удостоился внимания Альбиона?

— Тут все дело в политике. На Балканах, как вам известно, медленно тлеет костер войны. Сербия, Черногория, Болгария и Греция не сегодня, так завтра начнут наступление против Турции. Не скрою, что в окружении нашего Императора есть горячие головы, ратующие за присоединение России к этой Балканской коалиции. Если это произойдет, то разразится мировая катастрофа. Австро-Венгрия и Германия незамедлительно поддержат султана. Знаете, — дипломат окинул взглядом присутствующих, — я и сам не в восторге, что этот самый лжепророк крутится вокруг семьи Государя, но, как бы там ни было, именно он отговорил Николая Александровича от участия в Балканском союзе. Говорят, что Распутин даже упал на колени перед императором, упрашивая его не принимать поспешных решений. Как вы понимаете, Даунинг-стрит в этом отнюдь не заинтересована. Британцы, столкнувшиеся с экспансией Германии в Африке и на Ближнем Востоке, спят и видят войну немцев с русскими. Лондон кровно заинтересован в ослаблении как Берлина, так и Санкт-Петербурга.

— М-да, — задумчиво протянул контрразведчик, — а тут появился этот самый сибирский мужик...

Князь кивнул:

— Совершенно верно. Как следует из перехваченной нашим агентом шифрограммы, покушение на Распутина будет возложено на «Союз русского народа». Это патриотическое движение набирает силу и пользуется все большей популярностью. Британцев сие обстоятельство сильно

раздражает. Вот поэтому-то они и попытаются убить двух зайцев: устранить «старца» и свалить вину на Союз. Для России участие в войне может оказаться фатальным. Именно поэтому МИД и обращается в ваше ведомство. Вам, несомненно, известно, что некоторые наши сотрудники выполняют специальные миссии за рубежом, однако для работы внутри страны у нас нет полномочий.

— Да и нашей службе без году неделя, — со вздохом выговорил полковник. Он открыл массивную коробку из красного дерева и предложил сигары.

— Благодарю, но я предпочитаю турецкий табак, — вежливо отказался Мирский, доставая серебряный портсигар с царским вензелем на крышке. Однако его молодой спутник не преминул насладиться ароматом настоящего «Упмана».

«А портсигар-то наградной», — отметил про себя Ладыженский.

Закурив регалию, он сказал:

— К сожалению, в России англичане чувствуют себя довольно спокойно. Мы подозреваем, что в окружении Двора имеются британские осведомители. Но согласитесь, операция по устранению Распутина — дело непростое. В особенности учитывая, что к нему приставлены люди не только из дворцовой полиции, но и из жандармерии.

— Я бы просил вас, господин полковник, принять соответствующие меры по сохранению в тайне нашего сообщения. Видите ли, дело в том, что лет шесть назад мой предшественник — коллежский советник Ардашев, находясь в заграничной командировке, выявил среди дворцовой охраны человека, работавшего на Лондон. Тогда мы обратились в департамент полиции, и его удалось обезвредить. Позже предателя приговорили к восьми годам каторжных работ. Кто знает, как обстоит дело сейчас?

— Полностью с вами согласен.

— Разрешите? — поднимаясь, осведомился Мяличкин.

— Да вы не вставляйте, Константин Юрьевич, — махнул рукой полковник.

— Насколько мне известно, в ближайшие дни вся императорская семья собирается в Ливадию. Обычно Его Величество проводит там не меньше месяца. Не сомневаюсь, что и Распутин отправится следом. Стало быть, и британский агент должен будет оказаться в Крыму. Предлагаю связаться с нашим отделением в штабе Одесского военного округа и, возможно, командировать в Ялту кого-то из тамошних офицеров.

— Этот вопрос мы обсудим позже, — укоризненно заметил начальник и обратился к гостям: — Господа, вы только что упомянули некоего Ардашева. По-моему, совсем недавно я читал в какой-то газете, возможно, в «Новом времени», что где-то на юге адвокат с точно такой же фамилией раскрыл какое-то запутанное преступление.

— Вы совершенно правы, — не удержался помощник начальника Азиатского департамента. — Клим Пантелеевич Ардашев после тяжелого ранения вышел в отставку и теперь — присяжный поверенный Ставропольского окружного суда.

— Кстати, — добавил Мирский, — это ведь англичане постарались: прострелили ему обе ноги.

— Надо же, какая судьба, — удивился полковник, — из секретных агентов МИДа — в адвокаты

захолустной губернии. Однако спасибо за информацию. Что ж, попытаемся обезопасить «старца» и выявить шпиона.

— Желаю вам удачи. А нам позвольте откланяться. Если у нас появится что-то новое, мы тотчас же вас известим.

— Благодарю. Честь имею.

Дождавшись, когда за гостями закроется дверь, Ладыженский вновь подкурил уже потухшую сигару и, глядя в окно, задумчиво произнес:

— А знаете, капитан, говоря откровенно, я бы и не стал мешать британцам. Уж больно пакостен этот Распутин...

— Да, — согласился Мяличкин, — будто чирей на теле.

— Заодно бы и агента их взяли, так сказать, на месте преступления. — Помолчав, он добавил:

— Но пока нам придется его оберегать. Князь прав: война России не нужна. Я не сомневаюсь, что люди Сазонова постараются снять с себя всякую ответственность, и в ближайшее время Его Величеству станет известно о состоявшейся беседе. Так что теперь мы не имеем права на ошибку. Через наш канал в «Биржевых ведомостях» мы пустим слух, что старец решил уехать домой — в Тобольскую губернию. Я попрошу, чтобы мне организовали с ним встречу, и постараюсь отговорить его от поездки в Ливадию. Но если он все-таки будет на ней настаивать, то тогда мы попробуем скрыть появление Распутина в Крыму — я передам ему другой паспорт. Насколько мне известно, Григорий Ефимович человек непредсказуемый, у него на дню семь пятниц. Так что, скорее всего, вам придется отправиться в Ялту и быть готовым обеспечить его безопасность. Если информация МИДа точна, то против вас будет действовать опытный английский шпион. — Он внимательно посмотрел на капитана. — Но я уверен: вы справитесь. К тому же, — полковник едва заметно улыбнулся, — в Крыму сейчас хорошо, тепло.

2

Резидент

Ялта, марта, 12-го дня, 1912 г.

Оберст[1] Людвиг фон Бокль в России находился уже третий год. Опытный агент военной разведки выдавал себя за русского подданного и ничем не отличался от заурядного обывателя из какого-нибудь Вышнего Волочка или Шклова. За это время его отношение к этой варварской стране ничуть не изменилось. В русских его раздражало буквально все: ленивая и праздная беспечность, неряшливость в делах и склонность к чрезмерным возлияниям по любому поводу. Но больше всего его возмущала пронизывающая все слои общества патриотическая уверенность в том, что эта огромная империя имеет свой собственный путь развития, отличный от остального просвещенного западного мира.

Недавние крепостные мужики, надменные бородатые купцы, всеильные вороватые чиновники и даже вечно недовольные жизнью земские врачи с учителями — все были уверены в особом предназначении своей страны. Им казалось, что именно Россия и есть та самая великая держава, которая в скором времени должна солировать на международной арене. Правда, каждый из них видел будущее этого удивительного, построенного на парадоксах государства сообразно его собственным представлениям о нравственности и справедливости.

«Кричат, спорят, революцию чуть было не сделали в пятом году, а ведь сами-то меняться не хотят: куда ни кинь взгляд — повсюду мздоимство, казнокрадство, желание любой ценой получить очередной крест или новый чин; вместо дорог — непроходимая трясина; реки же заменяют собой не только железнодорожное, но и конное сообщение. Так возможно ли им самим навести порядок в своем доме? — мысленно философствовал офицер Австро-Венгерского генерального штаба и тут же нашелся: — Нет. Раз до сих пор не удосужились, значит, не могут... Видимо, дело в том, что русские, как и африканские туземцы в Америке, созданы природой для услужения другим, пусть малочисленным, но более культурным и образованным европейским народам. Так за что же их уважать — этих ивановых, петровых, сидоровых?.. За что?..»

Офицер с наслаждением сделал несколько глотков французского конька и вновь устремил взгляд в безбрежную даль моря. Он с удовольствием отметил, что последнее задание было выполнено им безукоризненно. Весь месяц уроженец Вены провел в Москве на выставке воздухоплавания.

«М-да... Успехи русских вызывали беспокойство. В особенности доставленный из Киева моноплан Сикорского — этого двадцатидвухлетнего студента политехникума. Его летательный аппарат был оснащен девятилопастным мотором «Аргус» с новейшей системой охлаждения и брал на борт пять пассажиров. На высоте в 1000 метров аэроплан развивал невиданную — свыше 110 километров в час! — скорость. А что такое пять пассажиров? Это как минимум десять 35-килограммовых бомб! Да и аппараты завода «Дукс» тоже представляли несомненный интерес. Вообще-то стоит признать, — грустно подумал фон Бокль, — Россия меняется на глазах! Такое количество изобретений! Даже малоизвестный брянский завод представил новый 40-сильный цилиндрический авиационный двигатель. А летательные аппараты со странными названиями «Чур» и «Лямь»?»

«М-да... Успехи русских вызывали беспокойство. В особенности доставленный из Киева моноплан Сикорского — этого двадцатидвухлетнего студента политехникума. Его летательный аппарат был оснащен девятилопастным мотором «Аргус» с новейшей системой охлаждения и брал на борт пять пассажиров. На высоте в 1000 метров аэроплан развивал невиданную — свыше 110 километров в час! — скорость. А что такое пять пассажиров? Это как минимум десять 35-килограммовых бомб! Да и аппараты завода «Дукс» тоже представляли несомненный интерес. Вообще-то стоит признать, — грустно подумал фон Бокль, — Россия меняется на глазах! Такое количество изобретений! Даже малоизвестный брянский завод представил новый 40-сильный цилиндрический авиационный двигатель. А летательные аппараты со странными названиями «Чур» и «Лямь»?»

Но герр оберст не был бы истинным «рыцарем плаща и кинжала», если бы не ухитрился сделать невозможное — скопировать на гектографе два совершенно секретных доклада, предназначенных для Его Высочества Великого князя Александра Михайловича. Первый назывался «О применении аэропланов на маневрах под Москвой в 1911 г.», а второй — «Об использовании артиллерийских орудий особой конструкции для расстрела аэропланов».

Фон Бокль довольно потянулся, припоминая детали операции: «А этому растяпе — генерал-майору стоило бы поменьше пить... Верно, теперь не помнит, с кем в ресторации «шансонеток с гарниром» заказывал».

Он прошелся по комнате и, вновь ощутив привкус любимого напитка, с сожалением подумал: «После такого сногшибательного успеха следовало бы отдохнуть недельку-другую, а тут, как назло, появился этот неугомонный вояка из провинции. Вот и пришлось опять браться за новое задание... Правда, есть в этом и несомненный плюс — считать чаек на южном взморье гораздо

приятней, нежели ворон на заснеженной Ходынке», — разведчик пригубил коньяк и залюбовался вечерней бухтой. Там, за развеваемой ветром занавеской, раскинулось бескрайнее синее море. «Море было большое», — вспомнил он недавно прочитанную фразу и на миг задумался, понимая вдруг, что нашел ответ на мучивший его вопрос.

3

Дорожные раздумья

Ресторан поезда «Петербург — Севастополь» был полон. Недавнее новшество — прицепной вагон, в котором готовили еду, — пришлось по душе многим пассажирам. Шестьдесят часов езды по железной дороге, за которые крымский скорый преодолевал две тысячи верст, уже не казались столь скучными. Теперь не надо было торопливо обедать на вокзалах, опасливо поглядывая через окна станционного ресторана, не ушел ли поезд.

Капитан Мяличкин, покончивший с бифштексом, ожидал, когда подадут кофе. Облаченный в строгий костюм контрразведчик с грустным видом смотрел на мелькающие за окном картинки южнороссийского пейзажа. Степь покрылась зеленым ковром. Среди еще невысокой травы, перемешанной с кустарниками, виднелись сине-желтые полосы полевых цветов. «Надо же, в столице холодно и сыро, а здесь суший рай», — любуясь видом, подумал он. Но мысли настойчиво возвращались к предстоящему заданию. «Итак, полковник решил, что мне не стоит терять время и появляться в штабе Одесского военного округа. Достаточно одной зашифрованной телеграммы и телефонного разговора. Их представитель — ротмистр Берг — будет ждать меня в Ялте. Пароль: «Экскурсии на автомобиле совсем не утомляют». Отзыв: «Да, но местные дороги оставляют желать лучшего». По мнению Ладыженского, отыскать английского агента будет легче, если прибыть в город инкогнито, выдавая себя за гражданское лицо. Он вспомнил, как начальник, пустив сигарное облачко, сказал: «Главное, Константин Юрьевич, не допустить покушения на Распутина. Вы должны спасти его любой ценой. Идеальный вариант — вычислить британского агента заранее и нейтрализовать. Лучше, конечно, взять живым. При аресте не рискуйте — используйте полицейский наряд. И, пожалуйста, не лезьте на рожон. О вашей храбрости я слышан еще по японской кампании. Телефоните мне ежедневно. Офицер из штаба округа подключит местную агентуру. Руководство операцией лежит на вас. Билет возьмите в международный спальный вагон. По прибытии в Ялту остановитесь в приличном отеле. Денег не жалейте. Я распорядился выдать вам повышенные командировочные и солидную сумму на непредвиденные расходы. Когда приедете, первым делом осмотритесь и лишь потом принимайте решение. Ялта — городок небольшой. Местного населения там всего тринадцать тысяч. Сейчас, в пасхальный сезон, отдыхающих немного. Посетите рестораны, клубы, ну... — он снова потянул регалию, — не мне вас учить. План обдумаете на месте и сообщите. Так что с Богом!»

Капитан отхлебнул принесенный кофе и вновь погрузился в раздумья: «Проблема заключается в том, что у меня времени в обрез. Известно, что царский кортеж прибывает в Ялту в Вербное воскресенье — восемнадцатого, то есть всего через три дня. За ним, предположим на следующий день, явится «старец». А я окажусь в Ялте завтра — тринадцатого марта. Выходит, до приезда Государя у меня останется только пять дней, а до появления Распутина минимум шесть-семь. Маловато. Рассчитывать, что, слоняясь по людным местам, я обязательно натолкнусь на англичанина и пойму, что именно он и есть агент, — смешно. Следовательно, у меня остается единственный вариант — следить за Распутиным, фактически его охраняя. Одновременно придется присматриваться к окружающим. Во всяком случае, надобно поставить себя на место этого британца и предугадать его действия. Но заглянуть в

ресторации, клубы и казино все равно не мешает».

Мяличкина отвлекли возгласы двух иностранцев за соседним столиком. Французы о чем-то горячо спорили, уплетая блины с семгой и красной икрой. Рядом с ними находился русский переводчик. Прислушавшись, он понял, что речь идет о разработке какого-то рудного месторождения в Крыму. Оказывается, один из чужеземцев заключил с собственником договор аренды на десять лет, но сам к разработке не приступил, а на пять лет переуступил свое право соотечественнику с очень хорошим куртажем — тридцать процентов от чистой прибыли, получаемой от продажи руды.

«Дельцы, по-моему, самые большие оптимисты — договора заключают на десять лет... А что такое в России десять лет? — усмехнулся собственным мыслям капитан. — За прошедшие десять лет чего только не случилось: война, беспорядки, страну захлестнул такой террор, что до сих пор из него выбраться не можем... Мало того — снова стоим на пороге очередной катастрофы. Ох уж эти англичане! Ради того чтобы удержать власть в колониях, они готовы свергнуть мир в новое кровавое побоище!» Капитан вновь обратил внимание на соседей. Один из иностранцев достал из кармана «Биржевые ведомости», развернул их и, повторяя за переводчиком, принялся читать вслух заголовки — выходило весьма скверно, другой же подшучивал и говорил, что русский язык ему знать совсем необязательно, а достаточно выучить всего несколько слов: «барышня», «чуть-чуть», «давай-давай» и «слава Богу». Переводчик скромно посмеивался.

Мяличкин сделал маленький глоток крепкого кофе и вернулся к собственным мыслям: «Итак, план-минимум у меня есть. Теперь посмотрим, что предложит мой одесский коллега и чего стоят его осведомители».

До прибытия поезда в Севастополь оставалось четыре часа.

4

Тайник

На Старом ялтинском кладбище, что на Поликуровом холме, собрался чуть ли не весь город — в последний путь провожали гласного городской управы Дмитрия Мусатова. Известный некогда в столице баритон по окончании карьеры решил поселиться в Крыму. Энергичный от природы, бывший певец рьяно взялся за благоустройство центральных улиц курорта, за что его не раз хвалили на страницах «Русской Ривьеры». Вскоре заезжую знаменитость избрали гласным управы. Экс-король оперных подмостков облюбовал себе довольно странную должность — заведование очисткой городских улиц от мусора. Этот на первый взгляд не совсем понятный для окружающих выбор позволил ему вскоре приобрести в Ялте несколько дач, благодаря чему он сделался довольно влиятельным домовладельцем. Казалось, счастливой жизни успешного дельца ничто не угрожало. Но всего за неделю до смерти он как-то сник и все чаще стал наведываться в церковь. А третьего дня обошел всех, с кем у него случались ссоры или недоразумения. В разговоре он, как бы между прочим, сожалел, что доставил кому-то обиды, а уходя, тихо извинялся.

Слышали даже, как он оправдывался перед книготорговцем Синани — давним знакомым Чехова, — чью торговлю Мусатов не раз грозился прикрыть. Сказать по правде, хозяин лавки и сам был не подарок — словоохотливый караим и дня не мог прожить, чтобы не покритиковать местную и столичную власть, да и его заведение больше напоминало книжный развал, чем солидный магазин, достойный набережной Ялты. И вот теперь этот неугомонный старик стоял

у гроба своего недавнего обидчика и робко смахивал скупую старческую слезу.

Лица же остальных участников погребальной церемонии, в особенности коллег почившего, выражали скорее недоумение и растерянность, нежели истинную скорбь. Да и природа грустить не хотела: солнце улыбалось и грело землю; от весеннего ветра слегка покачивались кипарисы, а в тополиных кронах весело переговаривались жаворонки и чибисы; с горных склонов доносился запах цветущего кизила.

После отпевания гроб опустили, и по крышке застучали комья земли. Быстро вырос серый холм, украшенный венками. Вкопали массивный дубовый крест. Батюшка размахивал кадиллом и все еще читал молитву. Постепенно люди стали расходиться. Незаметно от толпы отделился человек средних лет в дорогом костюме английского покроя. Он не сразу направился к выходу, а стал прохаживаться по дальней аллее, пытаясь, видимо, отыскать последнее пристанище кого-то из родственников. Остановившись у мраморного надгробия с надписью «Действительный статский советник В. В. Грабс», импозантный господин наклонился и поправил оставленные кем-то красные тюльпаны. Незаметно оглядевшись по сторонам, он отодвинул у самого изголовья камень, быстро извлек тщательно свернутый кусочек папиросной бумаги. Постояв минуту, он перекрестился и как ни в чем не бывало поплелся к главным воротам юдоли, где останавливались извозчики.

Забравшись в коляску, он облегченно выдохнул и приказал вознице:

- Гони на Ауткинскую.
- В рупь обойдется, барин.
- Ладно, трогай.

Через четверть часа он уже сидел за столом снятой им комнаты. Записка, исполненная невидимыми чернилами, проявилась почти сразу, стоило ее подержать над спиртовой горелкой. Сообщение являло собой несколько колонок цифр так называемого «книжного шифра», ключом которого являлась брошюра доктора Дмитриева В. Н. под названием «Лечение морскими купаниями в Ялте и вообще на Южном берегу Крыма». Цифры секретного послания скрывались за координатами букв: первые два значения, разделенные точкой, указывали страницу, вторые, отчеркнутые дробью, — нужную строку сверху, а третьи — место буквы в строке. Скоро столбцы превратились в текст:

«Я буду ждать вас в пятницу, 15 марта, в полдень, у мола».

5

Ротмистр Берг

I

Александр Самсонович Берг в контрразведке служил уже два года. Тридцатидвухлетний офицер для особых поручений контрразведывательного отделения при Штабе Одесского военного округа прошел не особенно тернистый путь. Можно сказать, что во время его движения по карьерной лестнице ему постоянно везло.

Потомок древнего, но уже обедневшего дворянского рода, переселившегося из Пруссии еще при Екатерине II, в 1904 году окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище. Вчерашний юнкер был послан служить в один из дальних гарнизонов Виленского военного округа. Усердное отношение к обязанностям и безупречная репутация позволили молодому корнету обрести звание поручика, а всего через четыре года после выпуска и штабс-ротмистра. Но полковая рутина наскучит любому, даже самому старательному офицеру. Жизнь между летними маневрами, смотрами, строевыми занятиями, неизменным штосом по вечерам и шумными попойками в офицерском собрании все больше набивала оскомину. И когда стало совсем невмоготу, он подал рапорт о переводе в корпус жандармов. Тем более что для этого у Берга имелись все основания: потомственное дворянство, окончание военного училища по первому разряду, православное вероисповедание, отсутствие долгов и шесть лет полковой выслуги.

По прошествии полугода штабс-ротмистр получил наконец приглашение прибыть в Санкт-Петербург для сдачи двух экзаменов — устного и письменного. У Цепного моста, напротив церкви Святого Пантелеймона, располагалось здание Штаба корпуса жандармов.

И если с билетом по истории было проще — пришлось освещать итоги Венского конгресса 1814 года, — то во время письменного испытания попалась весьма заковыристая тема — «Влияние реформ Александра II на развитие экономики России». Словом, за два часа деревянная ручка пера была изрядно искутана. Но все закончилось успешно, и теперь предстояли годичные курсы.

Уголовное право, производство дознаний и расследований, железнодорожный устав, антропометрия и дактилоскопия, фотографирование и основы психологии — неполный перечень предметов, которые пришлось освоить кавалерийскому офицеру.

Сдав на отлично дисциплины, штабс-ротмистр был зачислен в состав Отдельного корпуса жандармов и направлен в распоряжение Виленского губернского жандармского управления. С первых же дней ему удалось удачно зарекомендовать себя — в подвале дешевой съемной квартиры он обнаружил типографию группы «Российского союза освобождения рабочего класса». Помощник провизора местной аптеки Кац изготавливал прокламации, призывающие к террору. Станок для печатания был замаскирован в обычном столе, а касса для шрифта была спрятана в шкафу. Там же была найдена и уже собранная, предназначенная для покушения на Виленского губернатора самодельная бомба. Как выяснилось во время допросов, этот неуравновешенный молодой человек часто ездил за границу, где и был завербован австро-венгерской разведкой. На полученные из-за границы деньги он и приобрел типографское оборудование. Во время производства дознания Берг сумел завербовать Каца. Еще целых шесть месяцев штабс-ротмистр водил за нос его заграничных кураторов, отыскивая связников и обнаруживая явочные квартиры. За успехи в службе он получил Станислава II степени и звание ротмистра. Вскоре его рекомендовали в число жандармов, направленных для работы в контрразведывательные отделения при военных округах. Так он оказался в Одессе.

Сдав на отлично дисциплины, штабс-ротмистр был зачислен в состав Отдельного корпуса жандармов и направлен в распоряжение Виленского губернского жандармского управления. С первых же дней ему удалось удачно зарекомендовать себя — в подвале дешевой съемной квартиры он обнаружил типографию группы «Российского союза освобождения рабочего класса». Помощник провизора местной аптеки Кац изготавливал прокламации, призывающие к террору. Станок для печатания был замаскирован в обычном столе, а касса для шрифта была спрятана в шкафу. Там же была найдена и уже собранная, предназначенная для покушения на Виленского губернатора самодельная бомба. Как выяснилось во время допросов, этот неуравновешенный молодой человек часто ездил за границу, где и был завербован австро-

венгерской разведкой. На полученные из-за границы деньги он и приобрел типографское оборудование. Во время производства дознания Берг сумел завербовать Каца. Еще целых шесть месяцев штабс-ротмистр водил за нос его заграничных кураторов, отыскивая связников и обнаруживая явочные квартиры. За успехи в службе он получил Станислава II степени и звание ротмистра. Вскоре его рекомендовали в число жандармов, направленных для работы в контрразведывательные отделения при военных округах. Так он оказался в Одессе.

Однако он не был аскетом, проводящим все время на работе. Высокий и привлекательный офицер напоминал героя-любовника из французских романов. Его обезоруживающая улыбка, то и дело вспыхивающая на холеном лице, английские усики и голубые глаза точно магнитом притягивали женщин. И в самом деле, это был человек, который помимо службы еще и не прочь поразвлечься в компании с какой-нибудь очаровательной брюнеткой или блондинкой. Некоторые из его пассий становились не только преданными любовницами, но и великолепными осведомительницами.

Именно такого человека и должен был встретить в Ялте капитан Мяличкин, сошедший на севастопольский перрон. Выйдя на противоположную сторону вокзала, он огляделся. Мимо весело бежали вагоны «электрической конки», куда-то торопились извозчики. Чувствовался запах близкого моря. Впереди, у автомобильной стоянки, находился только один «Руссо-Балт». Недавние попутчики — два француза и переводчик — никак не могли сторговаться с водителем. Неожиданно chauffeur, облаченный в кожаную куртку, указал на Мяличкина. Тут же навстречу направился переводчик:

— Прошу прощения, — выговорил он, — мы направляемся в Ялту, и у нас есть одно свободное место. Вам случайно не по пути?

— Прекрасно. Я еду с вами.

Приветственно улыбнувшись попутчикам, капитан забрался на переднее сиденье и щелкнул крышкой «Бонера» — было три часа пополудни. Водитель, облаченный в кожаный шлем, перчатки и очки, покрутил ручку стартера, и мотор загрохотал. Усевшись за руль, похожий на авиатора шофер с треском включил передачу. Машина тронулась.

«Эх, жаль, что не удалось хорошо посмотреть Севастополь, — с сожалением вздохнул контрразведчик и тут же мысленно успокоил себя: — Но ничего, возможно, мне удастся сделать это на обратном пути. А пока придется довольствоваться видами из автомобиля».

По сторонам мостовой стояли аккуратные особняки — все как на подбор из белого камня. Город, почти полностью разрушенный во время Крымской войны, отстроили заново. «В назидание потомству в виде своеобразного памятника следовало бы оставить хоть один дом, разрушенный неприятелями», — отчего-то подумалось Мяличкину.

Закончилась Гоголевская улица, исчез из виду Исторический бульвар и казармы Белостокского полка. Хорошая дорога закончилась. Тридцатисильный автомобиль то и дело подпрыгивал на кочках и ухабах. Зато на выезде началось гладкое, как столешница, шоссе. Так продолжалось целых семнадцать верст. Слева мелькнули военный лагерь и авиационное поле. В окрест высились холмы и возвышались усадьбы, виднелись кладбища союзных воинов, павших в Крымскую кампанию. Показалось татарское селение. Стайка неугомонных ребятишек неслась за «Руссо-Балтом», прося «копеечку». На околице показалась земская школа. Обдав пылью детвору, «механический экипаж» вновь выехал на шоссе и начал взбираться на Байдарский подъем. Вокруг селений хорошо различались табачные плантации, виноградники, фруктовые сады и орешники.

По пути встретились три маджары, запряженные тощими горными лошаденками. Навстречу проскакали два всадника на иноходцах, тихо плелась «извозчичья корзинка» и одна старая, чудом сохранившаяся карета. На двадцатой версте показался столб, разделяющий Севастопольское градоначальство и Ялтинский уезд.

Дорога теперь пошла вниз, и «Руссо-Балт» покатился по зигзагам извилистого склона. Дубовые и буковые рощицы, заросли кизила и шиповника сопровождали автомобиль на всем протяжении пути. Достигнув Кунцевской церкви, он помчался по прямому отрезку южнобережного шоссе, все ближе подбираясь к месту назначения. Царские имения Ореанда и Ливадия первыми встретили пассажиров.

Город открылся не сразу — то мелькнули и вновь пропали из вида аккуратные белые домики на горе, то засинела и вновь исчезла часть бухты с прильнувшими к ней строениями. Массандровский новый дворец, лесничество и еще несколько отдельных усадеб, подобно казачьему дозору, виднелись на вершине холма. Вдали, почти на горизонте, отдавали золотом купола Александровского храма. В гавани за молом чернели трубы пароходов и остроконечные мачты парусников. Морской бриз уже доносил соленую свежесть моря и всплески волн.

— Вот и Ялта! — перекрикивая шум двигателя, радостно прокричал автомедон и осведомился у Мяличкина: — Вас тоже к гостинице «Россия»? Или вы предпочитаете другой отель?

— В «Россию».

Пассажиры оживились, рассматривая публику, гуляющую по улицам. В глаза бросилась характерная особенность Ялты — расположение построек носило дачный порядок, каждый жилой дом стоял в глубине сада, а привычных дворов и вовсе не было. Набережная тянулась от самого Полицейского моста через речку Дерекойку до Ливадийского, перекинутого по берегам быстрой Учан-Су. Любому приезжему было понятно, что на набережной сосредоточена вся публичная жизнь курортного города. Здесь находились лучшие гостиницы и магазины. Городской сад и Александровский сквер составляли с набережной единый природный ансамбль и прекрасно дополняли друг друга. А дальше, вглубь, тянулись улицы: Платановая, Аутская, Морская, Екатерининская и Пушкинский бульвар. Параллельно Набережной шла Виноградная улица, а по холму Дарсан-Садовая.

Прорывав еще несколько минут, «Руссо-Балт» застопорил мотор у дверей лучшей гостиницы города. Капитан достал портмоне, ожидая, пока французы выгрузят багаж.

Прорывав еще несколько минут, «Руссо-Балт» застопорил мотор у дверей лучшей гостиницы города. Капитан достал портмоне, ожидая, пока французы выгрузят багаж.

— Возьмите, — он протянул водителю две красненькие.

Chauffeur опустил купюры в карман и тихо изрек:

— А вам не нужен личный водитель на время отдыха? Экскурсии на автомобиле совсем не утомляют.

— Да, но местные дороги оставляют желать много лучшего, — удивленно пробормотал Мяличкин.

— Здравствуйте. Я ротмистр Берг, Александр Самсонович. Предлагаю встретиться через час у Дерекойского моста — там готовят вкусные шашлыки. Извозчик домчит вас туда за несколько минут. Заодно поужинаем и все обсудим. Да, и возьмите назад ваши двадцать рублей, — он

протянул купюры. — На эту сумму здесь можно откупорить дюжину бутылок местного вина и прикончить целого барашка. Честь имею.

Он вытащил ручку стартера, крутнул пару раз и, заведя мотор, тотчас же умчался. А вечерний сумрак тем временем выкрасил дома, деревья и людей в чернильный цвет. В Ялте наступил вечер.

II

Перед капитаном сидел господин в строгом сьоте и белой сорочке с галстуком. Своим видом он никак не напоминал недавнего разухабистого хозяина «Руссо-Балта». Поданный на лепешке шашлык оказался отменным, а белый и красный соусы придавали нежному мясу еще более утонченный вкус.

— Да, ничего не скажешь, умеют все-таки грузины готовить, — накладывая лобио из красной фасоли, выговорил Мяличкин.

— Вы, Константин Юрьевич, вот это блюдо попробуйте. Оно называется мцвади. Изумительная, скажу я вам, штука. Это баранина, запеченная в баклажанах, — наливая в бокалы «Ливадию», предложил ротмистр.

— Действительно вкусно, — согласился капитан. — Знаете, летом мы с женой обычно снимаем дачу под Санкт-Петербургом, и я, признаться, люблю иной раз покрутить вертел. Вот бы у повара узнать рецепт.

— А я вам его расскажу. Тут все очень просто: нарежьте баранину вдоль волокон так, чтобы куски по длине немного уступали заготовленным ранее баклажанам. А перед этим необходимо их тщательно промыть и сделать глубокие продольные надрезы. Очищать не требуется. Заложите мясо в эти своеобразные карманы. Посолите, поперчите. Главное, чтобы вы смогли надеть на вертел обе части баклажана и баранину. Блюдо жарится на углях и периодически смазывается растительным маслом.

— Действительно, ничего сложного. Непременно приготовлю. — Мяличкин внимательно посмотрел на ротмистра. — И все-таки, Александр Самсонович, для чего нужен был этот маскарад с водительским шлемом, очками, перчатками?

Берг промокнул салфеткой губы и ответил:

— Видите ли, задача, с которой вас сюда послали, очень непростая. И я, как мне объяснило начальство, обязан оказать вам полнейшее содействие. Севастополь, как военно-морская база, всегда интересовал британцев. По моим предположениям, теракт подготовит их человек именно оттуда. Моя основная агентура находится в Одессе и кое-кто в Севастополе. Так что мне придется разрываться между этими городами и Ялтой. Автомобиль — самый быстрый наземный транспорт. Вот потому я и решил выдавать себя за шофера, тем более что совсем недавно мы получили несколько новеньких «Руссо-Балтов». Водитель таксомотора — фигура неприметная. Да и на бензин мне не требуется казенных денег, как вы убедились, зарабатываю я сам. Но в данный момент мне лучше всего походить на человека вашего круга.

Мяличкин кивнул и, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Знаете, в Петербурге за Распутиным был приставлен очень плотный надзор: полиция,

жандармерия, охранники банков и даже люди из дворцовой полиции. Помимо доносительства они осуществляли и его физическую охрану. Но первого марта состоялся довольно неприятный разговор Государя с Председателем Совета Министров. Коковцев, как нам стало известно, убеждал Царя отослать «старца» в деревню. Самодержец весьма холодно на это отреагировал. Уверенный в том, что Григорий теперь навсегда отлучен от двора, Владимир Николаевич приказал министру внутренних дел убрать филеров. Александр Александрович выполнил сие указание слишком поспешно. Но уже через несколько часов мы зарегистрировали телефонный разговор между Распутиным и одним сенатором — близким другом Коковцева. Во время беседы Распутин просил передать министру внутренних дел, что его по-прежнему любит царская семья и он никуда не уедет. Как бы там ни было, но в Ялте «сибирский прорицатель» окажется без защиты. С ним будет только его секретарь, ну и, возможно, госпожа Лохтина — преданная поклонница.

— Вот тут как раз и пригодится мой «Руссо-Балт». Если вы сумеете узнать время прибытия Распутина в Севастополь, то я попытаюсь встретить его еще на железнодорожном вокзале. А уж потом соглашусь возить его по Ялте почти бесплатно.

— А вдруг он решит отправиться морем?

— Это невозможно. Катер начинает ходить на следующий день после Пасхи.

— Что ж, тогда попробуйте, — согласился Мяличкин. — А как вы определили, что я и есть тот самый командированный офицер Генерального штаба?

— Это совсем несложно, — усмехнулся ротмистр. — Во-первых, во всем составе было только два вагона международного класса, о чем свидетельствовала надпись общества Wagon lits. Во-вторых, вы оказались единственным мужчиной средних лет, который вышел на перрон в одиночестве и практически без багажа. Отсутствие больших чемоданов — верный признак военного, привыкшего обходиться малым.

— Вы очень наблюдательны.

— Благодарю вас, — Ротмистр окинул взглядом столики и добавил: — Мой человек в квартирной конторе, ведающей расселением приезжих, завтра передаст мне список лиц, прибывших в Ялту за последние две недели. Может, и отыщется несколько подозрительных личностей. С исправником я уже встречался. В городе тихо. Смертоубийств давно не было. Поднадзорных всего несколько человек; в основном это студенты, отчисленные из университетов за участие в антиправительственных митингах. Примерно два раза в неделю в порт заходят иностранные торговые суда. Пока они стоят под загрузкой, по Ялте гуляют их экипажи. Допускаю, что среди них может оказаться и связной того самого англичанина.

Мяличкин с аппетитом уплетал шашлык и внимательно слушал коллегу. Затем он поднял глаза, промокнул губы салфеткой и спросил:

— Вы где проживаете, Александр Самсонович?

— Снял комнату на Церковной, недалеко от собора Иоанна Златоуста. Дом № 7. Там есть пустующий каретный сарай, в который я и ставлю автомобиль.

— Хорошо. Встретимся завтра, часов в восемь вечера, но уже в каком-нибудь другом месте. Предлагайте, вы здесь ориентируетесь лучше меня.

— Хорошо. Встретимся завтра, часов в восемь вечера, но уже в каком-нибудь другом месте.

Предлагайте, вы здесь ориентируетесь лучше меня.

— Кафе «Флорен». Это на набережной, павильон на сваях.

— Прекрасно. Ну что ж, я, пожалуй, прогуляюсь. Честь имею.

Мяличкин оставил несколько купюр и поднялся из-за стола. Выйдя на тротуар, он неторопливо побрел по улице. «Незнакомый город можно узнать только тогда, когда исходишь его пешком. Малозаметные переулки, проходные дворы, тупики — все может пригодиться. Да и случай — тоже дело немаловажное, — мысленно рассуждал Константин Юрьевич. — Коллеги рассказывали, что однажды шел вот так офицер, а ему навстречу прохожий, вроде бы обычной конторской внешности. Ан нет! Что-то в нем показалось военному подозрительным; поплелся за ним и проводил до самого дома. Сел на лавочку, папироску закурил и ждет, а чего ждет — сам не знает. Но не прошло и четверти часа, как тот же самый господин появился, но уже с усами и бородой. «Зачем, спрашивается, он их наклеил?» — сразу насторожился наблюдатель... Остальное было делом техники. Оказалось, что немецкий агент спешил на встречу с информатором из Военного министерства. Установили надзор. Позже взяли обоих. А внимательному поручику из Главного штаба раньше положенного срока присвоили штабс-капитана. Вот что значит внимательность!»

Город зажег электрические фонари. Сонно застучали о мостовую железные колеса старых фиакров. В уличных кафе раздавался женский смех и хлопки откупоренного шампанского. Далекий красный глаз маяка то закрывался, то наливался кровью.

6

Черная магнолия

Теплое весеннее солнце играло с городом и портом. Его косые лучи, точно копья Георгия Победоносца, врезались в корпуса пароходов, покрывая позолотой их стальные тела. Окна домов искрились от яркого света и слепили прохожих. Цветущие вяза в окружении вечнозеленых туй и кипарисов казались расфранченной придворной знатью, шествующей в сопровождении слуг. У берега носились чайки. Когда одной из них удавалось выловить клювом рыбешку, другие завистливо кричали. В густой зелени пирамидальных тополей беспокойно щебетали чибисы и надрывались скворцы, устраивая перед избранницами брачные танцы. На дороге показался моторный кабриолет. Он пронесся, словно выпущенная из лука стрела, и быстро исчез за поворотом, оставив после себя густое облако пыли. Но и оно скоро рассеялось, уступив место тихой идиллии южного города. На набережной, напротив гостиницы «Мариино», возникла фигура молодой женщины с черной собачкой на поводке.

Мужчины, сидевшие за столиками в кондитерской у Верне, разом повернули головы — незнакомка и впрямь того стоила. Брюнетка увидела, что на нее смотрят, замедлила шаг, явно наслаждаясь мужским вниманием.

— Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой, — отчего-то вслух выговорил Нижегородцев и отхлебнул глоток терпкого сухого вина.

Отложив «Русские ведомости» со статьей об открывшейся в Москве выставке воздухоплавания, Ардашев задумчиво проронил:

— Она гуляла одна... с белым шпицем.

— Позвольте-позвольте, сударь! Смею заметить, вы пропустили несколько строк. Вторым предложением у Антона Павловича было: «Дмитрий Дмитриевич Гуров, проживающий в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами».

Адвокат повернулся. Перед ним сидел упитанный, круглый, точно пузырь, господин с редкими и какими-то общипанными усиками, чем-то напоминающими кошачьи. Он был одет в костюмную, слегка помятую тройку. Из жилетного кармашка свешивалась медная цепочка дешевых часов. Заношенная сорочка имела заломы на воротнике — верный признак частой и долгой носки. Покрытые пылью черные туфли казались серого цвета. «Вероятно, холостяк», — подумал Клим Пантелеевич и тут же сказал:

— Вы абсолютно правы. Но тогда мне следовало бы произнести не только упомянутое вами предложение, но и два последующих про этот павильон и их случайные встречи в городском саду. К тому же прошу обратить внимание, что в данном случае мы имеем далеко не полное сходство: у Чехова — блондинка, а перед нами — брюнетка, у него — шпиц, а здесь — пудель.

— Невероятно! Я искреннее поражен вашими литературными познаниями! — восторженно воскликнул толстяк и затряс щеками. — Позвольте быть с вами знакомым. Меня зовут Ярополк Святославович Сорокопяттов. Я литературный критик; пишу книгу о ялтинском периоде жизни Антона Павловича. Нахожусь здесь, можно сказать, в командировке и так же, как и чеховский Гуров, — уже две недели.

— Клим Пантелеевич Ардашев, адвокат, — склонил голову в приветственном поклоне присяжный поверенный. — А это мой давний спутник — доктор Нижегородцев, Николай Петрович.

— Рад, чрезмерно, можно сказать, рад... — Сорокопяттов вертел в руках пустой бокал и, сглатывая слюну, жадно глядел на початую бутылку Лафита № 17. Заметив это, Ардашев, осведомился:

— Вы позволите угостить вас?

— О да! С превеликим удовольствием! В компании с такими образованными людьми, можно сказать, сам Бог велел...

— Ну, тогда за знакомство!

— Вы так любезны...

Осушив содержимое бокала, литератор заметно повеселел:

— А вы, Клим Пантелеевич, давненько ли в Ялте?

— Сегодня первый день.

— А где остановились?

— Ну, мы поступили так же, как обычно делал Чехов, когда приезжал сюда на отдых: оставили вещи в гостинице, а сами решили осмотреться. Думаю, выбрать какую-нибудь подходящую дачу.

— И долго вы собираетесь ею пользоваться?

— Не знаю, право, — пожал плечами Ардашев, — ну уж по крайней мере лет десять.

— Десять лет? — Сорокопятав удивленно вскинул брови.

— Видите ли, — решил объясниться Нижегородцев, — мы собираемся купить в Ялте либо в ее окрестностях два дома. Прошедшая зима в Ставрополе была такой длинной и суровой, что Клим Пантелеевич уговорил меня отправиться на юг и обзавестись недвижимостью.

— Замечательное решение! Что может быть лучше, чем свой уголок на южном берегу. Такое разве что во сне пригрезится. — Он мечтательно прикрыл глаза и умиротворенно изрек: — Сидеть и писать под цветущей магнолией, любуясь на уплывающее в море солнце. Ах! Правда, мне такое счастье, видимо, уже не улыбнется...

— А вы не расстраивайтесь, — в глазах присяжного поверенного сверкнули озорные огоньки, — приезжайте к нам, когда захотите! Надоест у меня гостить — поживете у Николая Петровича, а потом снова ко мне.

— Вы меня просто удивляете своим поистине чеховским гостеприимством! — восторженно воскликнул новый знакомый. — Помню, как он потчевал меня: «Вы, — говорит, — голубчик, еще рюмку водки налейте и ветчинкой закусите. Непременно ветчинкой! И ни в коем случае соленым огурцом. Огурец он что? Соленая вода и только! А ветчинку-то в московских трактирах к водке всегда подавали. Ее в те времена «казенной закуской» нарекали. А вот следующую — тут уж никуда не денешься! — груздочком соленьким!..»

— Вы меня просто удивляете своим поистине чеховским гостеприимством! — восторженно воскликнул новый знакомый. — Помню, как он потчевал меня: «Вы, — говорит, — голубчик, еще рюмку водки налейте и ветчинкой закусите. Непременно ветчинкой! И ни в коем случае соленым огурцом. Огурец он что? Соленая вода и только! А ветчинку-то в московских трактирах к водке всегда подавали. Ее в те времена «казенной закуской» нарекали. А вот следующую — тут уж никуда не денешься! — груздочком соленьким!..»

Ардашев не моргая уставился на собеседника и недоверчиво спросил:

— Вы что же, были знакомы с Чеховым?

— А как же? С самого девяносто шестого года...

— Простите, с како-ого? — подавился вином Нижегородцев.

— С девяносто шестого, — пожал плечами литератор. — А что тут удивительного? Мы случайно встретились на отдыхе в Кисловодске. И если хотите знать, это ведь именно я придумал это самое название — «Дама с собачкой»!

— Вы? — доктор оторопело уставился на писателя.

— Это, господа, случилось в августе. В то время я был учителем словесности у нас в Костроме. Подсобрал я деньжонок и отправился на воды. Так случилось, что поселился я тогда в той же самой гостинице, что и наш великий писатель. Виделись с ним на завтраках, раскланивались и как-то незаметно, можно сказать, подружились. Помню, стоим вдвоем перед Курзалом, а поодаль мадам — сущий ангел; на поводке у нее — мопс. Антон Павлович посмотрел на нее и как-то задумчиво произнес: «Дама с мопсом». А я и говорю: «Дама с собачкой звучит как-то интересней». «Ну, да, — согласился он, — так определенно лучше».

— А какую же гостиницу выбрал Чехов? — осведомился адвокат.

— Жили мы с ним в «Гранд-отеле». Вечерами ходили на симфонический оркестр, который играл на площадке у Курзала. Он потом встретил там каких-то знакомых артистов, и они уехали на охоту в горы. Вот уж название запомнил, какое-то туземное, не наше...

— Может, Бермамыт? — подсказал Нижегородцев.

— Да-да, именно так!

— Послушайте, Ярополк Святославович, — восхищенно вымолвил присяжный поверенный. — Мы вас теперь от себя не отпустим. Вы уж, пожалуйста, не жадничайте, поведайте нам о Чехове.

— Видите ли, — вмешался доктор, — Клим Пантелеевич писатель и драматург. Две его пьесы поставил наш ставропольский театр.

— Так что ж вы раньше молчали! — вскинув руки, обрадовался Сорокопьятов. — Нам сам Бог велел познакомиться! А где вы печатались?

— Мои рассказы выходили отдельной книжкой у Суворина, но тираж был невелик. Я пишу под псевдонимом.

— И как, позвольте узнать, ваше литературное прозвище?

— Побединцев, Клим Побединцев.

— Нет, к сожалению, не слышал. Но это ничего... А книжечки, случаем, не найдется?

— С собой нет, но если хотите, я вам позже вышлю.

— Непременно. Но, быть может, в магазине у Синани найдется экземпляр, — предположил Сорокопьятов. — Вот уж непременно попрошу у вас автограф!

— Ох, и разбередили вы душу мою грешную «рюмочками» да «груздочками», — пробалагурил Нижегородцев, — мочи нет! Так что позвольте, господа, пригласить вас отметить знакомство в ресторане. Какое заведение порекомендуете, Ярополк Святославович?

— Лучшим, бесспорно, является ресторация при гостинице «Россия», но ведь пост...

— Ах да, виноват, господа, — стусевался Нижегородцев. — Но ничего, надеюсь, мы еще наверстаем.

— Ну и грешники мы с вами Николай Петрович, — допивая содержимое бокала, выговорил Клим Пантелеевич. — Сейчас самое время о Боге думать, а мы «водочка», «ветчинка»...

Издали донесся переливчатый колокольный звон.

— Слышите? К акафисту зовут... Надо бы в здешний храм наведаться.

— А в какой именно желаете? — поймал взгляд собеседника Сорокопьятов. — В Ялте, как я выяснил, всего восемь церквей, три из них — домовые. Прямо перед нами — храм святого Александра Невского. Он установлен на средства горожан в память об убиенном императоре Александре II.

— Позвольте-позвольте, — вмешался в разговор Нижегородцев, — а я где-то слышал, что основание этого собора связано со смертью Александра III, почившего в Ливадийском имении осенью девяносто четвертого года.

— Нет-нет, уверяю вас — это ошибочное мнение. Я читал в «Русской Ривьере», что именно на заседании Городской думы в марте 1881 года и было принято сие решение. Правда, сначала построили небольшую деревянную часовню и уже потом, при нынешнем Государе, возник сегодняшний храм. Тут недалеко.

— Пожалуй, мы пройдемся, — изрек Ардашев и повернулся к официанту. — Возьми, любезный, сдачи не надо, — он протянул две рублевые купюры. В этот момент литератор сделал вялую попытку вынуть бумажник, но адвокат жестом остановил его:

— Нет-нет, позвольте мне. Сожалею, но нам пора — у нас запланирована встреча в конторе одного местного комиссионера по купле-продаже недвижимости. Он обещал помочь с приобретением дач. Его фамилия Ненароков. Не слыхали о таком?

— А как же! Говорят, у него самый высокий куртаж, но зато имеется приличный штат собственных агентов. Ну, не буду вас больше задерживать. Искренне рад знакомству. Культурные люди в наше время — точно алмаз на пыльной дороге, — подобострастно пролепетал Сорокопятков. — Смею откланяться.

— Надеюсь, еще увидимся, — попрощался Клим Пантелеевич и вместе с доктором зашагал к Александровскому скверу.

Прогулка по набережной доставляла Ардашеву наслаждение. И дело было не только в теплой весенней погоде, обилии цветущих деревьев, нескончаемом клекоте чаек или шуме морского прибоя. Просто было интересно наблюдать за окружающими. Отчего-то вспомнились слова Чехова о Ялте как о помеси «чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным». Интерес представляла и местная беззаботная публика. Кого тут только не было! Барышни с кавалерами, толстосумы, жаждущие развлечений, и одинокие «охотницы за счастьем», приехавшие в надежде подыскать себе ухажера хотя бы на несколько дней. Кажется, что все здесь пропитано весной и любовью. Дух этого чеховского адюльтера словно витал вокруг. Вот и чайки-хохотуньи кричали об этом, и море шумело как-то по-особенному. А местные дамы, похоже, были не прочь хоть на миг почувствовать себя той самой, любимой и обожаемой Анной Сергеевной. Только вот московских банкиров на всех не напасть.

— А вы не находите, Клим Пантелеевич, что здешний beau monde значительно отличается от того, что мы встречали в Кисловодске? Там, на водах, все делали вид, что приехали поправить здоровье, здесь же в основном лечатся только чахоточные больные. Остальные — лениво и откровенно бездельничают...

— Скажите, доктор, а далеко ли нам еще до этой самой конторы?

— Как мне объяснили, это примерно минут двадцать пешком... Может, найдем извозчика?

— Ни в коем случае. Неспешный променада полезен для здоровья, — проговорил Ардашев, и неожиданно его взгляд выхватил из людского потока человека в котелке и с тростью, который, вероятно, куда-то спешил. Незнакомец остановился у чистильщика обуви, оглянулся, но едва забегали проворные щетки по его правой туфле, как он бросил монетку и вновь заторопился. Однако саженой через десять он принялся разглядывать витрину магазина модной мужской одежды. «Надо же, — удивился Клим Пантелеевич, — будто проверяет, нет ли за ним хвоста.

Нервничает. Не иначе как беглый анархист-коммунист. И каким ветром занесло в Ялту этого революционера?»

Рука присяжного поверенного невольно опустилась в карман, где покоилась коробочка монпансье «Георг Ландрин». Но размышления адвоката внезапно прервал паровой гудок — у мола разворачивался, охая и кряхтя, однотрубный теплоход, вернувшийся из Феодосии. На его черном теле красовалась надпись: «Князь Потемкин». Нижегородцев тоже замедлил шаг, замороженно разглядывая стальную, дышащую паром махину.

«Да... — Ардашев вновь нащупал убежавшую нить мыслей, — анархисты, коммунисты, социалисты-революционеры... Какая разница? Такого человека загубили! — горестно вздохнул он, вспоминая прошлогоднее покушение на статс-секретаря Столыпина. — А вот пострадавшему артисту Берглеру повезло — жив остался! Да еще и пособие назначили — десять тысяч». Клим Пантелеевич вновь скользнул взглядом по набережной, пытаясь отыскать того странного типа, но его уже и след простыл. Адвоката не покидало ощущение, что походка этого человека ему кого-то напоминала, но кого именно, он вспомнить не мог. «Жаль, лица не разглядел», — с горечью пробормотал он и положил под язык прозрачную конфетку.

Пройдя мол, присяжный поверенный уже не мог видеть, как тот самый «нервный» господин в котелке растворился среди зевак, глазеющих на пароход с аббревиатурой РОПиТа, и как совсем другой человек точно с такой же тростью, приблизившись к нему, тихо спросил:

— Вам доводилось когда-нибудь видеть, как цветет черная магнолия?

Незнакомец в котелке обернулся.

— Да, это незабываемое зрелище.

— Здравствуйте. Мы очень довольны вашей работой. На ваш банковский счет в Лондоне переведена сумма в триста фунтов.

— Благодарю.

— Следующая встреча ровно через неделю в это же время в городском саду. Я буду сидеть на третьей лавочке слева от входа. Честь имею кланяться, — тихо произнес долговязый человек. Поменяв трость, он зашагал прочь, судорожно вспоминая, где же он видел того импозантного господина в черном костюме, который так внимательно смотрел в его сторону.

Выйдя к дороге, он нанял извозчика и быстро нагнал двух мужчин, неспешно следующих мимо Александровского сквера. Поравнявшись с ними, незнакомец аккуратно выглянул из-за полога коляски и сразу же вспомнил эти правильные черты лица. Правда, теперь на нем не осталось и следа от роскошных, завитых кверху усов. «Несомненно, это он — тот самый Курт Вагнер — русский агент, выдававший себя за австрийца. Семь лет назад я разрядил в него почти весь барабан своего уэбли. А он все-таки выжил... Интересно, что же он тут делает? Придется разбираться...»

7

Старый знакомый

Начальник Иностранного отдела Бюро секретных служб Соединенного Королевства капитан

Менсфилд Камминг с удовольствием сделал глоток любимого индийского чая с молоком. Поднявшись из-за стола, он подошел к окну штаб-квартиры, расположенной на Уайтхолл-Корт. Март выдался холодным. В Лондоне шел дождь. Косые струйки били по стеклу и, превращаясь в капли, послушно стекали вниз.

По тротуарам семенили прохожие. В лужах, как в кривом зеркале, отражались фонари, стволы деревьев и водосточные трубы. В такие минуты бывшему морскому офицеру казалось, что столица британского королевства превращается в какой-то сказочный, нереальный мир, где все предметы живут, дышат и чувствуют точно так же, как и люди. Он любовался городом, закутанном вуалью тумана, и жалел, что Господь не наделил его искусством живописца.

Менсфилд снова отхлебнул из фарфоровой чашки и улыбнулся: теперь можно было немного расслабиться и не спеша обдумать план дальнейших действий. Главное — майор Кадберт Борнхил сумел удачно легализоваться в России и уже наладил связь с источником. Доказательством того являлась шифровка, полученная час назад по телеграфу из русской столицы. Лист веленовой бумаги с коротким сообщением лежал на зеленом сукне письменного стола начальника разведывательной службы Британии.

Мистер Камминг гордился тем, что система связи с агентом была разработана им лично. Несмотря на кажущуюся простоту, она полностью оправдывала себя, хоть и была до крайности проста: агент, выехав предварительно в другой город, отсылал зашифрованное письмо вполне невинного содержания на адрес ничего не подозревающего обывателя, допустим, в Великие Луки. Последний, будучи уверен, что все дело в тайной любовной связи, за вознаграждение пересылал почту на указанное имя в какой-нибудь Выборг или Малоярославец с отметкой «до востребования». В условленный день курьер получал нужный конверт и привозил его в Петербург, где оставлял в тайнике, в так называемом «почтовом ящике», откуда стараниями британского дипломата оно попадало в английское посольство. Несколько длинно — зато надежно. Но в случае если вдруг сообщение удастся перехватить противной стороне, то выйти на агента будет практически невозможно, потому что обывателя использовали «втемную» и на нем вся длинная нить обрывалась.

Разведывательная служба Британии официально получила свой статус всего три года назад. Чувствовалось, что война с Германией не за горами. Немцы желали потеснить англичан в колониях и не скрывали агрессивных намерений. В прошлом году, находясь на дипломатическом приеме, Менсфилд лично слышал, как германский посол в Лондоне Вольф-Меттерних заявил помощнику статс-секретаря по иностранным делам сэру Артуру Никольсу буквально следующее: «Между 1866 и 1870 годами Германия сделалась великой державой, но побежденная ею Франция и Англия поделили между собою мир в то время, как Германия получила одни крохи. Теперь настала для Германии минута предъявить свои законные требования». Да и перехваченная тогда же телеграмма русского посла в Лондоне, графа Бенкендорфа, свидетельствовала о том, что к осени Германия потребует от Франции территориальных уступок в Северной Африке. Так и случилось. После нескольких воинственных демаршей в октябре 1911 года обе стороны подписали Марокканское соглашение, по которому Германия признавала особые права Франции на Марокко, но взамен Париж согласился расстаться с частью своих владений на этом континенте. Теперь на пути дальнейшей немецкой экспансии стоял только Лондон.

Но если народ Германии так хочет войны, то пусть воюет с Россией, а не с Британией. И для этого есть все условия: на Балканах разгорается конфликт Сербии, Черногории, Болгарии и Греции с Турцией, уже втянутой в войну с Италией. Газеты ежедневно сообщают, что турецкие части панически оставляют окопы, стоит лишь появиться в небе дирижаблям-бомбometам. Что и говорить, задача, поставленная правительством ведомству Камминга, была непростой —

любой ценой втянуть Россию в конфликт на Балканах. В таком случае на помощь османам немедленно придет Австро-Венгрия, а с ней и Берлин. Стало быть, Россия и Германия увязнут в бесконечном самоубийственном конфликте.

И все складывалось как нельзя лучше: Великий князь Николай Николаевич уже почти убедил своего царствующего племянника, что война России сейчас необходима; с ее помощью удастся не только объединить нацию вокруг Государя, но и выполнить историческую миссию — вернуть Константинополь в лоно христианства. И в тот момент, когда император уже был готов выступить на стороне Балканского союза, появился этот неграмотный сибирский мужик — Григорий Распутин. Вот уж действительно от русских можно ожидать чего угодно!

Однако теперь предстояло его убрать, но сделать это необходимо так, чтобы на Лондон не упала даже тень подозрения. Кандидатов на проведение операции было несколько, но агент Донн считался лучшим, и потому можно было не сомневаться в успехе, если бы не новое обстоятельство...

Камминг вновь пошел к столу и уже в который раз стал вчитываться во вторую часть секретного послания: *«Возникли непредвиденные трудности. В Ялте находится бывший русский агент, в прошлом выдававший себя за подданного Австро-Венгрии. Он был ранен мною в Стамбуле в июне 1905 года, тогда ему удалось перехватить личное послание премьер-министра А. Бальфура нашему представителю на переговорах с Россией по разграничению сфер влияния в Персии. Его имя — Клим Ардашев. В настоящее время он вышел в отставку и является присяжным поверенным Ставропольского окружного суда. Имеется вероятность моего раскрытия. Прошу разрешение Центра на его устранение. Донн».*

«Итак, майор уверен, что легко справится с этим русским адвокатом. Дай-то Бог, дай-то Бог, — Камминг плюхнулся в кресло и нервно забарабанил пальцами по столу. — А если нет? Если этот Ардашев почувствует неладное? Что тогда? А может, направить в Ялту другого агента, который и займется Распутиным, а майора Борнхила немедленно отозвать в Лондон? Но сколько уйдет на это времени? И что я доложу премьер-министру? На Даунинг-стрит мои оправдания и слушать никто не захочет...» Камминг взял бланк для составления шифрограммы и аккуратно вписал всего одно предложение: «Ликвидацию К. Ардашева разрешаю. Центр».

8

Вербное воскресенье

I

Император Всероссийский Николай II с борта яхты «Штандарт» холодно взирал на убранную гирляндами зелени и цветастыми коврами Ялту. Волны бежали и разбивались о мол, оставляя позади сердитые белые гребни. Неистово бесновались бакланы, точно предчувствуя скорый шторм. Город искрился в лучах полуденного солнца. В Александровском саду возвышались трибуны симфонического оркестра. Вся правая сторона набережной была занята публикой: курортники, жители Ялты и окрестностей ждали своего Государя. Страна, которой он управлял уже восемнадцать лет, шла вперед семимильными шагами.

Николай Александрович гордо расправил грудь. Жизнь ста восьмидесяти миллионов верноподданных на одной шестой части земной суши всецело зависела от него. Империя

становилась крепче день ото дня. Европа и даже далекая Америка с опаской посматривали на огромную державу. И если к бакинской нефти, уральскому чугуну, сибирскому лесу и южно-российскому зерну за рубежом давно привыкли, то понимание того факта, что Россия выдвинулась на первое место в мире по производству дизелей и тяжелых четырехмоторных самолетов, на западе вызвало шок. Повсеместно возникали новые заводы и фабрики. Для многих государств золотой червонец являлся самой предпочтительной валютой. Государство с тысячелетней историей окрепло настолько, что могло позволить себе масштабную военную реформу: от повсеместного введения нового солдатского обмундирования до создания авиационных отрядов. Кто бы мог подумать, что эта темная в недавнем прошлом крепостная страна сумеет достичь таких невероятных успехов и — чем черт не шутит! — грозит теперь поглотить не только отсталую Османскую империю, но и подчинить себе передовую Европу. И стародавняя мечта Екатерины II о православном Константинополе могла наконец стать явью. А ведь еще совсем недавно помазанник Божий был вынужден выслушивать многочисленные наставления своих царственных дядей. Каждый из них полагал своим долгом поучать молодого Государя. И всем чего-то от него было нужно. Николай Николаевич мнил себя великим военачальником. Алексей Александрович — флотоводцем. Сергей Александрович считал, что московская губерния — его собственное имение. Владимир Александрович зорко следил за развитием театров, художественными выставками и деятельностью писателей. Все они считали себя непререкаемыми авторитетами в своих областях и без особого энтузиазма позволяли Государю вмешиваться в контролируемые ими сферы. В результате произошло то, что должно было случиться: позорное поражение в русско-японской войне и беспорядки 1905 года. Волна восстаний городского населения прокатилась по всей стране. И только славный Петр Алексеевич Столыпин сумел вывести страну на верную дорогу. Но и его убили. Бунтовщики ликовали. Как сообщал директор Департамента полиции, один молодой социал-демократ, узнав о смерти председателя правительства, пришел в такой неистовый восторг, что на радостях вытащил из кармана браунинг и выстрелил в затылок проходящему мимо околоточному надзирателю. А потом долго хохотал... «Господи! Неужели именно такой свободы они хотят? Безнаказанно убивать, насиловать, грабить? — мысленно возмутился император. — Ведь даже студенты — будущее страны, а как вели они себя, эти базаровы, и трофимовы, в феврале девятьсот первого в Петербурге, Москве и Харькове? Доставленные в манеж на Моховой молодые лоботрясы развлекались не только хорovým пением и антиправительственными речами, но и на глазах у всех бессовестно предавались групповой любви со случайно задержанными проститутками».

Одoleваемый невеселыми мыслями Николай Александрович не заметил, как судно пристало к молу. С мачты спустили императорский штандарт, и в ближайшей церкви Святого Александра Невского раздался колокольный звон — верный знак того, что Его Императорское Величество Государь Император с августейшим семейством изволили покинуть яхту и отбыть.

Одoleваемый невеселыми мыслями Николай Александрович не заметил, как судно пристало к молу. С мачты спустили императорский штандарт, и в ближайшей церкви Святого Александра Невского раздался колокольный звон — верный знак того, что Его Императорское Величество Государь Император с августейшим семейством изволили покинуть яхту и отбыть.

II

Ардашев, Новгородцев и Аристарх Рюрикович Яблонский — сотрудник частной конторы недвижимости «Ненароков и К°» — оказались именно теми счастливицами, мимо которых должен был последовать Государь.

— Вот-вот, господа, еще минутку, и они появятся, — тараторил Яблонский — полный мужчина средних лет со шкиперской бородкой и бегающими веселыми глазами. Посланный по поручению своего хозяина сопроводить заезжих покупателей до дома продавца двух дач Яблонский говорил без умолку. Казалось, он знал подробности отвода каждого земельного участка и стоимость любого здания. Сыпал фамилиями титулярных и коллежских советников, получивших ту или иную взятку за выдачу разрешения на возведение строения.

И только аккорды народного гимна, сыгранные оркестром по случаю прибытия Государя, заглушили его трескотню. Тут же раздались отдаленные раскаты «ура!», подхваченные тысячами восторженных голосов. Со стороны мола показались первые экипажи царского кортежа.

— Обратите внимание, господа, — бросился объяснять Аристарх Рюрикович, — впереди едет наш губернатор — граф Апраксин. За ним в экипаже стоит начальник ялтинской полиции Гвоздевич, а дальше, вон там, Думбадзе — начальник ялтинского гарнизона.

Через несколько секунд на набережной возникла открытая, запряженная парой великолепных лошадей коляска. В ней восседали Государь и Государыня. Благодаря тому, что лошади шли мелкой рысью, августейшую семью было хорошо видно: Николай Александрович сидел рядом с Александрой Федоровной, а впереди — цесаревич Алексей и великая княжна Ольга Николаевна. Царь с супругой поклонами отвечали на приветствия восторженной публики. Гремел оркестр.

— Смотрите-смотрите, — воскликнул комиссионер, — а следом едут их дочери: великие княжны Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна с фрейлиной Тютчевой. А за ними, если я не ошибаюсь, — министр императорского двора барон Фредерикс, ну и, вероятно, дворцовый комендант, а вот кто остальные — сказать затрудняюсь, — извинительным тоном проговорил Яблонский, будто знание придворных чинов являлось обязательным для посредника по продаже недвижимости.

— Далее следуют генерал-адъютант Дедюлин, флаг-капитан, генерал-адъютант Нилов, генерал-майор свиты князь Орлов, флигель-адъютант Дрентельн, — невозмутимо продолжил список Ардашев.

Сопровождающий округлил от удивления глаза и осведомился:

— Вы, верно, при дворе служили?

— Нет, — рассмеялся Ардашев, — в номере под ножкой тумбочки я обнаружил туго свернутую страницу прошлогоднего выпуска «Русской Ривьеры» за двадцать первое сентября. Там я и прочел о приезде Государя в Ялту по случаю постройки нового Ливадийского дворца. А фамилии запомнились сами собой. Однако вижу, что с того самого времени ничего не изменилось. И кортеж тот же, и церемония повторяется.

— Вы правы, — повеселел Яблонский. — Но в этом нет ничего удивительного. Церемонии двора не меняются столетиями. А нам надобно идти. Повернем на Екатерининскую, а оттуда уже на Виноградную.

Миновав трехэтажную гостиницу «Санкт-Петербург», построенную в стиле итальянского ренессанса, Яблонский повел клиентов вверх по улице. За Курзалом располагалась публичная библиотека. Доктор невольно повернул голову в сторону ее входных дверей, из которых показался офицер в полковничьей форме и с картонной папкой в руках.

— Николай Петрович! — обрадованно воскликнул военный.

— Надо же! — расцвел гиацинтом Нижегородцев. — Вот уж не ожидал тут вас встретить!

— А вы, я смотрю, и здесь неразлучны с Климом Пантелеевичем! И каким же ветром вас сюда занесло?

— Ставропольским, — отшутился Ардашев.

После рукопожатия доктор поинтересовался:

— А вы вроде бы в Москву собирались?

— Был и там, но пришлось ехать сюда... Что поделаешь — служебная надобность. А вы, я вижу, без своих половин следуете...

— Мы, Василий Ильич, тут тоже по сугубо важным делам, — с едва слышимой иронией проговорил врач, — во-первых, только что мы встретили Государя, а во-вторых, собираемся приобрести в Ялте два небольших, но вполне уютных домика, где надеемся коротать время в старости — она ведь не за горами. А вы где проживаете?

— Вот те на — о старости заговорили! А как же ваши знаменитые расследования? — вскинул от удивления брови офицер. — Вы же, Клим Пантелеевич, без них со скуки умрете!

— Займусь сочинительством, — махнул рукой Ардашев. — Кстати, Василий Ильич, а как насчет того, чтобы вечерком расставить пирамидку? Можно хоть здесь, — он указал на дверь Клуба с изображением двух перекрещенных бильярдных киев.

— Рад бы, — тяжело вздохнул полковник. — Но мне предстоит подготовиться к одной очень важной аудиенции. — Он на секунду задумался: — А давайте сделаем вот что: вы сообщите мне, где вы поселились, а я, как только немного управлюсь со своими заботами, сразу же вас отыщу. Идет?

— Хорошо. Мы остановились в «России». Я в двенадцатом, а Николай Петрович в тринадцатом номере.

— Вот и договорились. Не буду вас задерживать. Честь имею.

— До встречи, — присяжный поверенный проводил удаляющегося полковника внимательным взглядом. Повернувшись к Нижегородцеву, он тихо спросил: — А вы не находите, что Левицкий несколько скрытен?

— Да. Так и не сказал, где квартирует.

Забывший всеми Яблонский безропотно ждал в сторонке, заложив руки за спину.

— Вы уж простите нас, Аристарх Рюрикович, что мы вас задержали, — извинился Клим Пантелеевич, — далеко еще?

— Мы почти у цели, — объяснил комиссионер, — вот за поворотом налево — «Общество взаимного кредита», а рядом — усадьба господина Илиади.

Пройдя десять сажень, он остановился у массивной двери дома с четырьмя колоннами и нажал на пуговку электрического звонка. Вскоре отворилась дверь, и на пороге появилась

прислуга:

— Я из конторы Ненарокова. Хозяин дома?

— Константин Георгиевич в отъезде. Будет только в среду, 21-го марта. А Элеонора Марковна на набережной — смотрят приезд Государя, — пролепетала стеснительная горничная, видимо, оторопевшая от компании столь солидных господ.

— Какая жалость! Мы вроде бы договаривались о встрече, — растерянно заметил посредник.

— Какая жалость! Мы вроде бы договаривались о встрече, — растерянно заметил посредник.

Опустив глаза, девушка молчала.

— До свидания, — сухо сказал ей Яблонский и повернулся к спутникам. — Что ж, господа, прошу извинить. Как видите, моей вины в этом нет. Однако я готов показать вам другие дачи. Если не возражаете — пройдемте прямо сейчас.

В этот момент раздалось тихое женское всхлипывание. Ардашев обернулся. Совсем рядом, саженой в четырех, между двумя зелеными кипарисами виднелась женская головка в берете. Утирая глаза крохотным платочком, на деревянной скамейке тихо плакала брюнетка. «Господи, так это именно она гуляла на днях с собачкой на набережной. Точно — она», — вспомнил присяжный поверенный. Приблизившись, он спросил:

— Извините, мадам, могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Да... нет... я не знаю. У меня собака пропала. Ошейник порвался. Вилли бегал вокруг, я все его поймать хотела, а тут, как назло, в кустах дворняга показалась. Он и погнался за ней. Больше я его не видела. Что делать теперь? — лепетала она.

— Вы только не волнуйтесь, найдется, — успокоил Нижегородцев.

— Главное, чтобы пес был с ошейником, — вставил реплику Яблонский. — Ошейник — первый признак того, что собака хозяйская, а не дворняжка безродная. А то ведь фурманщики с ними особо церемониться не будут — поволокут крюками на живодерню, и все — поминай как звали. Так, скажите: был у вашего Шарика ошейник или нет?

— Нне-ет!.. — пуще прежнего зарыдала женщина, подняв с земли два куска сыромятной кожи.

— Плохо дело. Я бы сказал — хуже не придумаешь. Сварят теперь мыло с вашего Трезора и «ой» не скажут. Или еще хуже, — вытирая платком потный лоб, давал волю разгулявшейся не к месту фантазии комиссионер, — отдадут фельдшерам — аппендиксы будут на нем учиться резать. Сначала удалят подопытному одну почку, потом — другую. Или лапы по очереди отнимут...

— Аристарх Рюрикович, вы свободны, — сухо проговорил Ардашев. — Если вы нам понадобится, мы с вами свяжемся.

— Ну, как знаете, — хлопнул себя по бедрам Яблонский и стал похож на большую жирную птицу, пытающуюся взлететь. — А то я по доброте душевной дамочке помочь собирался...

— До свидания, — настойчиво повторил присяжный поверенный.

Дождавшись, пока Яблонский удалится, Ардашев присел на лавочку. Дама все еще плакала

беззвучно. Клим Пантелеевич поймал себя на мысли, что любит незнакомкой. «Надо же, красивые женщины всегда привлекательны; даже когда рыдают... Ей, должно быть, нет еще и тридцати».

— Вы, пожалуйста, успокойтесь. Пуделя вашего я найду. И сделаю это прямо сейчас.

Она впервые подняла на него глаза и, удивленно наморщив лоб, спросила:

— А откуда вам известно, что Вилли пудель? Я вам, по-моему, этого не говорила.

— Вы правы. Но я видел, как вчера в полдень вы гуляли с ним на набережной.

— Да, — закивала брюнетка, — это правда.

— Так куда, говорите, он побежал? Туда? — указывая тростью в сторону цветущей белыми гроздьями резеды, поинтересовался Клим Пантелеевич.

— Да.

Раздвинув руками кусты, Ардашев пробрался сквозь небольшие заросли и увидел удивительную картину. Тот самый пудель лежал рядом с маленькой дворняжкой. Судя по всему, их близкое знакомство уже состоялось.

Стараясь не нарушить собачью идиллию, адвокат вернулся к брюнетке.

— Идите сюда, — прошептал он и поманил ее к себе.

Женщина встала и в сопровождении доктора начала осторожно пробираться сквозь ветки.

— А вот и ваш Вилли.

— Вилли! Вилли! Ко мне! — закричала обрадованная дама.

Пудель бросился к хозяйке и тут же оказался в ее руках.

— Вот, собственно, и все, — снимая с костюма прошлогодний репейник, проговорил Ардашев. — Нам пора.

— Я даже не знаю, как благодарить вас, — она хлопала большущими глазами и растерянно улыбалась.

— Всего доброго, — Нижегородцев склонил голову в прощальном поклоне и удалился.

Приятельи шли назад молча. Первым заговорил доктор:

— Согласитесь, Клим Пантелеевич, эта дама с собачкой весьма недурна собой. Не находите?

— Глупо было бы это отрицать...

— Было бы удивительно, если бы вы со мной не согласились! Видано ли, чтобы один из самых известных адвокатов, в костюме, шитом на заказ у лучшего московского портного, чуть ли не на четвереньках продирался по кустам в поисках чужого пса!

— А разве есть мужчины, равнодушные к очаровательным особам противоположного пола? —

усмехнулся адвокат и, вздохнув, добавил: — Да еще у которых такие бездонные глаза!

Нижегородцев рассмеялся. Ему в ответ с макушки старого тополя что-то беспокойно прокричал грач, за ним затрещал дрозд. А на самом горизонте разлитой ртутью покоилось море. Стоял штиль.

9

Английская партия

Кадберт Борнхил был не просто англичанином, он был джентльменом. Выросший в аристократической семье, Кадберт с ранних пор привык не только к роскоши, но и к порядку. Еще в детстве он никак не мог уразуметь, почему, когда его учили этикету, старшие всегда употребляли французскую фразу *noblesse oblige* — «положение обязывает», хотя в английском варианте она звучала намного понятней — *nobility obliges*. Это ведь только невежа думает, что аристократом становятся раз и навсегда. Формально, возможно, это и так, но в реальности поведение настоящего дворянина, будь он граф, виконт или барон, должно оставаться безукоризненным в течение всей жизни. Если, конечно, он не шпион. Шпиону прощается многое: воровство, убийство, шантаж, прелюбодеяние — все что угодно, лишь бы это делалось на благо британской короны. Но наступает момент, когда в душе человека появляется конфликт между воспитанием и действительностью. Это приводит к раздвоению личности. Чем лучше агент, тем он бессовестней, лживей и коварней. Некоторые из них пытаются сравнивать себя с актерами — ничего подобного! Артист играет пьесу, написанную для него другим человеком. Он действует по правилам сценического искусства, и ни одно из них не противоречит библейским заповедям. Другое дело разведчик. Он думает, что сам себе Бог. Но это не так. И позже на Страшном Суде гореть ему в адовом пламени вместе с остальными грешниками. Может, именно поэтому Кадберт и выбрал себе такой необычный псевдоним — Донн. Так у древних кельтов назывался бог смерти. Вместе со своими людьми он добрался до юго-западной оконечности острова и привел их к победе над племенами богини Дау. Но Донн возомнил себя великим божеством и посмел оскорбить богиню земли Эриу. Этого ему остальные боги не простили. Они сбросили наглеца в море. На месте его падения возник остров — Обитель Донна, — ставший царством мертвых. Именно туда уплывали души людей, окончивших свой жизненный путь. Легенда мрачноватая, но, согласитесь, красивая.

Примерно такие невеселые мысли роились в голове потомственного английского дворянина — графа Кадберта Борнхила, бывшего на сей момент по паспорту русским подданным. Сидя в кресле мебелированной комнаты, он докуривал уже третью папиросу подряд и смотрел на расставленную на кофейном столике шахматную партию. «Итак, что мы имеем на сегодняшний день? — мысленно задался вопросом разведчик и передвинул белого слона. — Несомненно, что в Министерстве иностранных дел завелся русский осведомитель, который и сообщил о моей миссии. Именно поэтому из Санкт-Петербурга в Ялту командирован этот капитан. Я видел его — впечатления не производит. Ему водку хлыстать в офицерском собрании, а не на британских подданных охотиться. Ладно, о русском шпионе укажем в шифровке. Пусть Камминг сам ломает голову, кто предатель. Теперь Ардашев. Тянуть больше нельзя. Пора его убирать, — Кадберт поднял черного коня и поставил на место ладьи. — Но эту работу должен выполнить я сам. Желательно покончить с адвокатом еще до Пасхи... Но посмотрим. Тут как ни крути, а *Discretion is the best part of valour*, или, как говорят русские: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Агента подключать к этой операции нельзя — не стоит рисковать таким ценным источником. Каких титанических усилий стоило его завербовать! — Он усмехнулся в усы, припоминая детали той операции. — Да, было времечко! Ну да ладно,

теперь главное — Распутин. Это бородатое чудище явится не сегодня завтра. Чинар — надо отдать ему должное — собрал устройство всего за два дня. У него явные способности к механике. Какая оригинальная конструкция! И как все просто! Ничего-ничего, доберусь до Лондона — запатентую это изобретение как собственное». Майор переставил черного ферзя к белому королю и объявил шах. Он улыбнулся и понял, что соперник попал в западню. «Мат. Что ж, по-моему, я неплохо разыграл эту комбинацию. Если мне не изменяет память, этот дебют носит название английской партии. Надо же! Какое совпадение! Ну и, наконец, полковник... Зачем он так настойчиво пытается попасть к Царю? Что ему нужно?» — агент Донн затушил папиросу табачной фабрики «Оттоман» и нервно заходил по комнате, пытаясь отыскать разгадку, но подходящий ответ так и не приходил на ум. «Надо за ним понаблюдать», — благоразумно решил он и наконец упокоился.

10

Тайный замысел

Генерал-майор Иван Антонович Думбадзе одновременно совмещал две должности: командующего 2-й бригадой 13-й пехотной дивизии и ялтинского градоначальника.

Назначение на гражданский пост тогдашний полковник получил осенью 1906 года, когда Таврическая губерния, как, впрочем, и вся Россия, была охвачена революционными настроениями. К тому времени на его мундире уже красовались два ордена Святой Анны II и III степени (с мечами и бантом). Командир 16-го стрелкового Императора Александра III полка не раз лично бросался в рукопашные атаки против горцев, грабивших Закавказье. Результатом этого были два серьезных ранения.

С тех пор прошло уже шесть лет. На смену одному губернатору пришел другой, а генерал все так и оставался ялтинским градоначальником. За этот период он фактически превратился в уездного диктатора. Ничто не происходило в городе без его согласия. Он высылал неблагонадежных лиц, запрещал выход «вредных» газетных статей, обязывал редакторов печатать только те материалы, которые считал полезными, сам принимал к разбору гражданские иски и выносил по ним решения по собственному разумению; лично мирил мужей и жен, решившихся на развод, и даже разработал циркуляр «О соблюдении благочиния в купальных местах». В том наставлении «хозяин» указывал, в каком именно виде разрешается появляться на пляже и как надобно себя вести во время купания. Естественно, вся эта унтер-пришибеевщина не могла понравиться либеральной части общества, и «свободолюбивые газеты», находящиеся за пределами Ялтинского уезда, стали кричать о злоупотреблениях «крымского феодала». А обнаглевшие от безнаказанности революционеры напечатали ультиматум: либо полковник подаст в отставку, либо он будет приговорен к смерти. Узнав об этом, градоначальник тотчас же дал интервью «Ялтинскому вестнику», в котором заявил, что он вообще-то и сам собирался уйти на покой и даже заготовил по этому случаю рапорт, но теперь, после прозвучавших в его адрес угроз, он изменил свое решение и остаток дней посвятит службе на благо Царя и Отечества. Такой смелости «боевики-эсеры» ему простить не могли.

И 26 февраля 1907 года с балкона дачи, принадлежащей киевскому антрепренеру Новикову, которая располагалась близ Ялты, в коляску градоначальника революционер-фанатик бросил бомбу. Прогремел взрыв. В предсмертных муках на земле корчился кучер, хрипели раненые лошади, а Думбадзе отделался легкой контузией, лишившись... козырька фуражки. Не раздумывая, полковник выхватил наган и бросился задерживать преступника. Понимая, что от

преследования не уйти, террорист выстрелил себе в рот.

Тут же генерал приказал выгнать на улицу обитателей дачи и поджечь ее. Деревянное строение сгорело дотла всего за несколько минут. Так он показал, что ожидает тех, кто дает пристанище бунтовщикам. После этого в Ялте надолго установился мир и порядок, а градоначальник к уже имевшимся должностям получил еще одну — Высочайшим Соизволением он был назначен управляющим летней резиденцией Государя в Ливадии. Столыпин, узнав об этом происшествии, приказал выплатить незадачливым хозяевам сгоревшей недвижимости компенсацию из средств Министерства внутренних дел, но ругать Думбадзе он не стал. Да куда там! Сам Император благоволил генералу и не раз заявлял приближенным, что если бы в 1907 году у него было бы несколько таких людей, как ялтинский градоначальник, то, возможно, события развивались бы совсем иным образом.

Утро нового дня генерал встречал в своем кабинете с неизменным стаканом чая в серебряном подстаканнике. Еще с вечера ему готовились сводки происшествий, списки подозрительных лиц, заехавших в город, а также подавались газетные статьи сомнительного содержания. Но сегодня Ивана Антоновича волновало только одно сообщение: *«Вчера, 19 марта, в два часа пополудни в гостинице «Гранд-отель» под фамилией Никонов поселился «святой старец» Григорий Ефимович Распутин. Вместе с ним прибыл его секретарь — Арон Симанович. Указанные постояльцы проживают в разных номерах. Комнаты оплачены на неделю вперед».*

«Волочится за Государем точно облезлый хвост, — раздраженно подумал генерал. — Мало ему скандалов в столице, так он еще и сюда пожаловал. А ведь понимал, куда ехал! Знал, что я терпеть его не стану, потому чужим именем и назвался. — Градоначальник отхлебнул горячий, как уголь, чай и задумался: — А может, нет худа без добра? А что, если, пользуясь случаем, поставить в этой затянувшейся истории точку? Большую и жирную. Вся Россия спасибо скажет!»

«Волочится за Государем точно облезлый хвост, — раздраженно подумал генерал. — Мало ему скандалов в столице, так он еще и сюда пожаловал. А ведь понимал, куда ехал! Знал, что я терпеть его не стану, потому чужим именем и назвался. — Градоначальник отхлебнул горячий, как уголь, чай и задумался: — А может, нет худа без добра? А что, если, пользуясь случаем, поставить в этой затянувшейся истории точку? Большую и жирную. Вся Россия спасибо скажет!»

От внезапно пришедших мыслей его даже в жар бросило. Генерал резко поднялся и зашагал по комнате, чувствуя, как застучало в висках. В таком возбужденном состоянии последний раз он находился во время преследования террориста, пустившего себе пулю на даче Новикова. «Допустим, приглашу эту скотину осмотреть новое творение Шервуда — замок Ласточкино гнездо. И во время экскурсии подойду вместе с ним к самому краю. Мол, посмотрите, Григорий Ефимович, какая пропасть под ногами. А там... оступится «старец» ненароком, с кем не бывает? Ни один судебный следователь моей вины не докажет. В таком деле главное, чтобы не было поблизости посторонних, потому как эти самые свидетели и есть первая опасность».

Думбадзе подошел к окну и задумался: «Свита сопровождения все равно будет рядом. И наверняка найдется какой-нибудь очкастый гаденыш с толстыми линзами, который разглядит то, что ему не следовало... Другой вариант — предложить этой сибирской бестии прогулку на катере. Выйдем в открытое море, да и выбросим самозванца за борт! Опять же — «выйдем», «выбросим» — это значит придется иметь несколько помощников? А если во время следствия они сдрейфят? К тому же знаю я этих столичных судебных следователей по особо важным делам: в глаза улыбаются, чай с конфетами предлагают, папиросками угощают и вопросы

задают совсем на первый взгляд безобидные. Но замечаешь случайно, что этот опрятный чиновничек сверлит тебя исподтишка глазами, будто зубной техник буравчиком. Вот тут ты и понимаешь, что уже давно, оказывается, висишь у него на крючке, точно проглотивший наживку карась... Опытный рыбак знает: все рыбы разговоры начинаются с пузырей, а заканчиваются добрым форшмаком, — горько усмехнулся офицер. — Ладно. А что, если использовать этого поручика, прибывшего недавно из дальнего гарнизона? По-моему, он искренне восхищается мной. Да и к тому же тайно посещает местное отделение Союза русского народа. Спасибо, единомышленники донесли. Вот уж ирония судьбы! Он — грек, я — грузин, и оба — истые радетели русской нации! Надо сегодня же издать приказ о переводе его в штаб. Кстати, это неплохой повод для беседы. Поговорю, прощупаю его. А там уж и решу — сгодится или нет. Будем считать, что один помощник у меня уже имеется. Но какова будет реакция Царя на известие о смерти Распутина? Александра Федоровна, понятное дело, впадет в истерику — как же! — душегубы ее ангела-хранителя порешили!..»

Думбадзе вынул из кармана миниатюрный черепаховый гребень и, расчесав пышные усы, плавно переходящие в бакенбарды, улыбнулся — вспомнил шутку своей молодой жены о чудодейственной силе гребня, который наталкивает на верные мысли — стоит только провести им по усам. «Торопиться не следует. По крайней мере, неделя у меня точно есть. В воскресенье, на Великую Пасху, я приглашен к Государю на обед. Вот и попытаюсь прощупать его отношение к этому мужику. Вдруг удастся убедить Николая Александровича, что нахождение при дворе Распутина вредно сказывается на авторитете великодержавной власти? Хорошо бы. Тогда и грех на душу не придется брать».

Иван Антонович всей душой любил Царя. Он помнил, как три года назад Его Величество — командир батальона в чине полковника — изволил потребовать походное обмундирование и снаряжение рядового пехотинца из подчиненного градоначальнику 16-го стрелкового полка. А потом, в полной амуниции и с солдатской винтовкой за плечами, имея с собой 120 патронов и баклагу, наполненную водой, Государь один совершил двухчасовой марш-бросок в окрестностях Ливадии, пройдя более десяти верст. По пути ему встретился ехавший навстречу поручик. Николай Александрович, облаченный в мундир рядового, установленным порядком отдал ему честь, но последний, в нарушение устава, даже не удостоил «солдата» легкого кивка. Свою ошибку офицер понял уже через несколько сажений, когда его двуколка была остановлена казачьим разъездом из дворцовой охраны. Позже Государь выразил свое неудовольствие командиру полка тем, что его офицер не следовал уставу, однако попросил его не наказывать.

Думбадзе снова сел за стол и принялся просматривать свежую прессу. Взгляд выхватил из газетного текста сообщение «Венского телеграфного агентства»: *«Итальянский военный флот в составе 27 кораблей вошел в Дарданеллы и начал обстреливать турецкие береговые укрепления. Ответным орудийным огнем с крепости потоплен итальянский крейсер. Потери турецкой армии: один раненый солдат, одна убитая лошадь и сгоревшая пустая казарма».*

Как старый солдат, получивший за храбрость в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов звание поручика, генерал очень остро переживал разгоравшийся на Балканах конфликт между Константинополем и Римом. Он ясно понимал, что братья по вере — болгары, сербы, черногорцы и греки, видя слабость Турции, уже были готовы уступить соблазну и добить раненого «османского зверя». И тогда до мирового пожара оставался всего один шаг. А кто его сделает первым — Австро-Венгрия или Россия, — уже не имело никакого значения. О том, что именно Григорий Распутин предостерег Государя от опасной военной авантюры, ялтинский градоначальник не знал.

«Дама с собачкой»

Легкая рябь моря переливалась по упругой, движущейся поверхности. Разлетевшиеся по небу кусками ваты облака отражались в воде темными пятнами. Стаи чаек то лениво колыхались на пружинах волн, то с криком разлетались в стороны, выхватывая из моря добычу. Черным колесом из пучины выпрыгнул один дельфин, за ним другой. Мол вдавался в бухту тремя зигзагами. Недалеко от берега на якоре стояли два корабля — бывшие парусники, превращенные теперь в безмачтовые баржи. Ничего не осталось от былой красоты фрегата и корвета — ни крепких парусов, ни гордой осанки. Их будто подвергли гражданской казни и, точно идущих по владимирскому тракту каторжан, принудили таскаться на буксире за парходами. И было совсем непонятно, как удалось этим ископаемым созданиям пережить своих сверстников, давно нашедших покой на морском дне. Выходит, не только у людей есть отведенный для жизни срок. Короток век и у кораблей. Пройдет несколько десятков лет, проржавеют и уйдут на переплавку сверкающие новизной «Святой Николай», «Королева Ольга» и «Потемкин-Таврический» — именно такие невеселые мысли и посетили Ардашева, который в одиночестве брел по набережной. Его неизменный спутник доктор Нижегородцев умудрился простыть и теперь лежал в номере, ожидая, пока Ардашев принесет из аптеки Левентона нужные микстуры и порошки.

С каждым днем в Ялте становилось теплее и, число отдыхающих заметно возросло. С тех пор как Клим Пантелеевич занялся сочинительством, он как-то незаметно увлекся одной довольно простой забавой: наблюдая за незнакомыми людьми, он пытался угадывать их мысли, чаяния и даже прошлое. Эти небольшие устные зарисовки «отпечатывались» в голове, а вечером ложились на бумагу, пополнив коллекцию персонажей, которые затем — рано или поздно — оживали на страницах его рассказов.

Вот, например, навстречу шествовала типичная русская семья, вероятно, из какой-то российской глубинки: глава — немолодой, располневший господин с густыми черными усами, который, казалось, не шел, а, точно сказочный Колобок, катился. Мужчина указывал на корабли, стоящие на рейде, и что-то увлеченно рассказывал жене и сыну — курносому веснушчатому юноше с оттопыренными ушами и озорными глазами, искоса посматривающему на барышню, которая гуляла по боковой аллее. Супруга же Колобка — еще не лишенная прелести дама — выглядела тускло, словно выгоревшее на солнце платье. Ее унылый вид говорил о том, что, пробыв в Крыму по крайней мере неделю, она так по-настоящему и не отдохнула. «А может, ей скучно без наперсницы, с которой можно было бы посудачить, лорнируя публику», — мысленно предположил присяжный поверенный, вспомнив свою благоверную, которую на этот раз он оставил дома, будучи вполне уверен, что в Ялте пробудет совсем недолго.

— Здравствуйте!

Ардашев обернулся. Перед ним стояла все та же «дама с собачкой», и собачка была тут же, на поводке.

— Здравствуйте, — с улыбкой ответил Клим Пантелеевич. — И как ваш питомец? Больше не убегает?

— А он теперь всегда рядом. Но возникла новая проблема — не дает проходу его «возлюбленная». Стоит нам появиться на Виноградоу, как она несется навстречу. Мы

поменяли маршрут и стали гулять в городском саду. Но и там она нас подкараулила. Знаете, эта дворняжка так обиженно лает на Вилли, что мне кажется, будто она его в чем-то упрекает, — брюнетка наивно захлопала глазками.

— Имеет право! — улыбнулся Ардашев. — Поматросил и бросил...

— Не скажите! — рассмеялась она. — Вилли нисколько не виноват. Это же я его не отпускаю. Вилли хоро-оший! — она села на корточки, погладила питомца, потом взяла его и, заглянув собачке в глаза, нежно поцеловала в черную пуговку носа. От аромата французских духов пес чихнул и просительно завилал хвостом, умоляя, чтобы его пустили. — Ну, иди, иди, гуляй! — дама отстегнула ошейник. Сзади послышался писклявый лай — под пальмой возникла уже знакомая Ардашеву небольшая, размером с кошку, белая дворняжка с коричневым пятном на правом боку. Недолго думая, Вилли бросился к ней.

— И правильно! Пусть погуляют.

Но «парочка» тотчас исчезла в ближайшем кустарнике.

— Ой! Неужели он опять убежит? — она в растерянности опустила руки.

— Не переживайте, отыщется.

Они пошли по набережной. Первым нарушил молчание Ардашев:

— Я вижу вас уже третий раз, но так и не знаю вашего имени. А меня зовут Клим... Клим Пантелеевич Ардашев.

— Очень приятно, — она поправила рукой упавшую на щеку прядь волос, — а я Лика... просто Лика. Я не люблю, когда женщин называют по отчеству. По-моему, это первый признак солидности, а солидность для дамы — признание уже немолодого возраста. Вы не находите? — слегка склонив голову набок, она заглянула Ардашеву в глаза, и на мгновение он почувствовал, как их взгляды встретились.

— Вы правы, — тихо ответил он и ощутил, как в груди пойманной птицей забилось сердце. «Надо же! — подумал Клим Пантелеевич. — Попался, как муха между стеклами».

Несмотря на ранний час, в городском саду играл духовой оркестр Ялтинской мужской гимназии. Безбожно фальшивил тромбон, и с такта сбивалась труба. Береговой бриз, спускаясь с гор над сосновыми лесами, доносил до города едва уловимый запах хвои. На клумбах цвели гиацинты и нарциссы.

Они еще долго беззаботно гуляли и говорили обо всем: о море, о том, как хорошо и спокойно весной на южном побережье и какая огромная разница лежит между настроениями здешних отдыхающих и вечно спешащих по делам жителей больших городов. Лика оказалась замужем. Ее муж служил в Департаменте полиции и не сумел получить даже краткосрочный отпуск. Фамилия у нее была смешная — Авоськина, а жила она в «Ялте». Лика ничуть не удивилась, узнав, что Ардашев адвокат. Зато ее всерьез заинтересовали литературные начинания Клина Пантелеевича, и она призналась, что уже дважды посылала рассказы в литературные газеты, но неудачно. Ей либо вежливо отказывали, объясняя, что в этом году рукописи больше не рассматриваются, либо даже не удосуживались ответить. Оказывается, она так же, как и Клим Пантелеевич, восхищалась Чеховым и почти наизусть воспроизводила те места из его переписки, где писатель давал советы начинающим авторам. В такие минуты ее глаза вспыхивали, точно огни далеких кораблей, и она, по-детски возбужденная, сыпала целыми

строками из писем самого известного жителя Ялты:

— «Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте... писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным». Или вот: «...Стройте фразу, делайте ее сочнее, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига. Надо рассказ писать 5-6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу два дня и обмаслилась».

— Да-да, — улыбнулся Ардашев, — это письмо предназначалось Лике Мизиновой — вашей тезке. А что же касается литературных приемов, то мне особенно нравится другой момент. Помните, в четвертом действии «Чайки» Треплев, завидуя Борису Тригорину, говорит: «Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно».

Послышался радостный лай — к хозяйке птицей летел пудель.

— Прибежал, мой жених! Нагулялся! — Лика защелкнула карабин на его ошейнике.

— Вижу, теперь моя помощь по отысканию Вилли не понадобится. — Ардашев снял котелок, склонив голову в вежливом поклоне. — Рад... был очень рад знакомству, Лика. Позвольте откланяться. Дело в том, что моего приятеля сразила инфлюэнца. Я, собственно, возвращался из угловой аптеки, чтобы доставить ему разные снадобья, — Клим Пантелеевич хлопнул себя по несколько оттопыренному боковому карману пиджака. — Надеюсь, он еще дышит...

Послышался радостный лай — к хозяйке птицей летел пудель.

— Прибежал, мой жених! Нагулялся! — Лика защелкнула карабин на его ошейнике.

— Вижу, теперь моя помощь по отысканию Вилли не понадобится. — Ардашев снял котелок, склонив голову в вежливом поклоне. — Рад... был очень рад знакомству, Лика. Позвольте откланяться. Дело в том, что моего приятеля сразила инфлюэнца. Я, собственно, возвращался из угловой аптеки, чтобы доставить ему разные снадобья, — Клим Пантелеевич хлопнул себя по несколько оттопыренному боковому карману пиджака. — Надеюсь, он еще дышит...

— Так что же вы стоите? Идите скорее! — обеспокоенно воскликнула Лика и смущенно добавила: — А мы гуляем здесь каждый день примерно в это время. До свидания.

Клим Пантелеевич развернулся и, выбрасывая вперед трость, привычной походкой зашагал в обратном направлении. «Ну и что дальше? — подумал он. — А может, не следует строить из себя Гурова?»

Не доходя саженей тридцати до гостиницы, присяжный поверенный замедлил шаг и покачнулся. Схватившись за сердце, адвокат сделал два неуверенных шага и тяжело рухнул на скамью. Не ожидавший такого поворота событий незнакомец в серой пиджачной паре, следовавший за Ардашевым на расстоянии десяти саженей, растерялся и начал оглядываться по сторонам, пытаясь отыскать вторую лавочку. Не найдя таковой, он достал из кармашка часы и, будто вспомнив что-то, пошел обратно.

«Ну вот, мои худшие предположения подтвердились, — мысленно заключил присяжный поверенный. — Этот бородатый тип шляется за мной уже битый час. Интересно, зачем я ему

понадобился?»

12

Странный посетитель

— Мы не выдаем негативы посторонним. Их может получить только сам клиент.

— Но господин полковник занят и не может прийти. Послушайте, давайте не будем терять время, — незнакомый господин протянул фотографу пятирублевую купюру.

«Ого! Синюху не пожалел! Значит, рано соглашаться. Надо еще его поджать», — трезво рассудил Клязьмогоров.

— Вы, сударь, меня неправильно поняли. Откуда я знаю, что вас точно послал полковник? А что, если это вовсе и не так?

— Ох, и тяжелый вы человек! Я же русским языком поясню: некогда ему ноги бить. Занят он. Вот и попросил меня за негативами сходить. Ладно, уговорили, возьмите еще пятерку, но это последняя...

«Последняя! Как бы не так! Если за две минуты ты выложил червонец, то сколько, интересно, дашь через пятнадцать!»

— А вдруг так случится, что господин офицер вообще вас не присылал, что тогда? Как я ему объясню, что нет его негативов?

— А вы случаем в податных инспекторах раньше не ходили?.. Вижу, народ привыкли до нитки обирать, — доставая еще одну синенькую, недовольно пробурчал мужчина.

«Вот те на — пятнадцать! Может, хватит? Пора соглашаться? Нет, попробую до двадцати поднять, а? Чем черт не шутит!»

— Меня, господин хороший, словесами обижать не надо. Не могу я супротив закона пойти!

— Ну, как знаете, — махнул рукой посетитель в поношенной тройке и убрал в карман хрустящие новенькие банкноты. Не говоря ни слова, он вышел из комнаты и покинул ателье.

«Вот и доигрался, — грустно подумал Клязьмогоров. — ОМГхал дядя, на чужие деньги глядя».

И настроение, бывшее в то утро замечательным, у Амвросия Бенедиктовича совсем испортилось. Даже во рту стало горько, будто отваром полыни напоили.

«Но ничего, подождем, — успокоил себя фотограф. — Не может быть, чтобы он не вернулся. Придет. Обязательно придет. Не сегодня, так завтра».

Тридцативосьмилетний мастер художественной фотографии с виду человеком был вполне обычным — среднего роста, с густой, отброшенной назад шевелюрой, на манер художника Репина, с аккуратной донкихотовской бородкой и такими же усами. Муаровый галстук, завязанный бантом, светлая сорочка с тяжелыми серебряными запонками, хоть и поношенный, но зато всегда отглаженный костюм. И его гордость — дорожные лакированные туфли. Словом, ни дать ни взять — богема. Жизнью своей он тоже бы вполне доволен. Вернее, его

устраивало настоящее положение вещей, при котором всегда оставалась надежда на лучшую долю.

Философия бытия у Амвросия Бенедиктовича была простая и здравая. Жизнь, говаривал он, и есть сегодняшний день. Не вчерашний и не завтрашний — ведь они существуют только в нашем представлении — а именно нынешний. Он только один единственно и есть. Стало быть, и пользоваться всем надо сейчас.

Вот, к примеру, пришла фотографироваться семейная пара: дамочка-красавица с престарелым пауком-мужем. Снял он их вместе, а потом предложил за полцены сделать красоте портрет. Он и так ее головку повернул, и этак подбородочек приподнял, и улыбнулся, и в глазки заглянул... Женщина от горячих взглядов майской розочкой расцвела: на щеках румянец появился, и грудь вздыматься начала так, что вот-вот пуговицы на блузке отлетят. Только мастер не торопился. Двадцать минут провозился и вот незадача — пластина, оказывается, «испорченная» попалась. А новой нет — все, как назло, кончились. И попросил ее заглянуть под самое закрытие. Извинился перед супругником и, как «честный» человек, портрет пообещал сделать за счет заведения бесплатно. Глава семейства хмурился — нутром чувствовал подвох — и блял невнятно, мол, они зайдут в другой раз. А она, обольстительница, окинула бывшего статского генерала обиженным взглядом, губку нижнюю оттопырила и сладким голосочком пролепетала, что хочет сфотографироваться на фоне именно этого самого картонного моря — оно здесь как настоящее! А дельфинчики-милашки, ну просто прелесть, такие презабавные!

Что старику оставалось делать? Плечами пожал, вздохнул горестно и уступил. А она, томно сощуриив задорные глазки, улыбнулась своему «змею-искусителю» и упорхнула. Но вечером пришла одна.

В проявочной комнате для таких свиданий и диван имелся, и чистая простыня.

Перед самым уходом она поправила платье, попудрила носик у зеркала, чмокнула мимолетного любовника в щеку и, словно видение, исчезла. Навсегда. Но ничего. За ней появится другая, третья... «Вот это и есть жизнь, — сказал сам себе Амвросий, — настоящая, страстная, сегодняшняя».

Вот так и с деньгами. Пошлет хозяин за реактивами, пластинами да картоном на паспарту. А у Амвросия в Севастополе уже и собственный поставщик имеется — так, купчишка средней руки. Но за небольшой куртаж с удовольствием товар отпустит именно тот, который надобно. И цену правильную в накладных проставит. Вроде бы и картон дорогой, английский, а на самом деле наш, петербургский. Вот и оседет в кармане пара-тройка десятков. Чем плохо? Как говорится, курочка по зернышку клюет да сыта бывает.

Только вот от визита этого толстяка осадок неприятный остался. Верные деньги упустил. «А вот интересно, отчего это он за чужие чертежи так беспокоился. И почему полковник сам не пришел? Станный он был какой-то: торопил то и дело, от бумаг не отходил ни на минуту, а вот про негативы и не подумал. Забыл, наверное».

Терзаемый сомнениями, Клязьмогоров включил электрическую лампу и вновь принялся разглядывать те несколько пластин, которые остались после полковника. Да только без толку все — ничего не понятно: линии, пунктиры, цифры...

От мрачных мыслей отвлекли новые посетители — с шумом вошла большая купеческая семья — муж с женой, три девочки и непослушный малыш-карапуз. Амвросий растянул губы в

улыбке и принялся рассаживать непослушных детей. А в голове неотвратимо, набатным колоколом отдавалась мысль: «Надо бы негативы спрятать куда подальше... дальше... дальше...»

13

Труп

Константин Георгиевич Илиади — шестидесятидвухлетний отставной статский советник — за долгую и, вероятно, «безупречную службу» в акцизном департаменте сумел не только отстроить собственный дом почти в самом центре курортного города, но и обзавестись в Ялте двумя земельными участками, на которых незаметно выросли белоснежные, похожие на гордых лебедей дачи. Позже появился и собственный пансион в Лазаревском переулке. Все бы хорошо, но в год, когда он разменял седьмой десяток, от водянки умерла его жена. Единственный сын, выбравший военную службу, проводил время на нескончаемых маневрах где-то в южных степях Малороссии. На Рождество, день ангела и Пасху он добросовестно присылал отцу открытые письма с короткими и сухими поздравлениями, а летом, во время отпуска, приезжал купаться в море и флиртовать с одинокими дамами. Время шло, но ни внуков, ни жены у Константина Георгиевича не было. Старость грозила одиночеством. Да и сын, получивший недавно звание поручика, стал все чаще слать телеграммы с просьбой очередного денежного перевода. «Видимо, в карты ударился», — заключил отец и, как позже выяснилось, оказался прав. «Надобно его поближе перевести, пока парень совсем не погиб», — решил он.

Через шесть месяцев, благодаря старым, но прочным связям в штабе Одесского военного округа, поручик Илиади уже вышагивал по плацу ялтинского гарнизона под шум черноморского прибоя и крики белокрылых гагар.

«А теперь, — рассуждал бывший чиновник, — самое время и о себе подумать». Потенциальных кандидаток в жены Константин Георгиевич насчитал аж четыре, причем самой младшей, работавшей у него горничной, едва минул двадцать первый год, а старшей — вдове мирового судьи — пятьдесят девять. Две другие особы — бывшая актриса из Астрахани сорока лет и тридцатилетняя модистка, — несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, почти ни в чем не уступали друг другу. Можно было даже сказать, что служительница Мельпомены обладала большим шармом и какой-то необъяснимой нежной притягательностью, в особенности когда в разговоре наступала пауза и она, подняв к небу черные глаза, невинно хлопала длинными ресницами. Перед этими жгучими очами старый ловелас и не устоял, выждав год после смерти жены, он повел свою избранницу под венец. На новую хозяйку домовладелец не мог нарадоваться, с ее приходом комнаты будто наполнились светом, и даже старый фикус, тихо умиравший в темном углу, неожиданно расправил широкие листья и пустил два молодых побега. Когда в гостиной запела канарейка, а на подоконниках зацвела герань, старик понял, что на склоне лет в его дом заглянуло счастье.

Именно у двери этого райского гнездышка и оказался Ардашев с доктором Нижегородцевым, после того им пришлось навеститься туда вторично — на четвертый день после прибытия Государя в Ялту. Откровенно говоря, Клим Пантелеевич и не ожидал столь теплого приема от совершенно незнакомых ему людей. Вот ведь как бывает, пришли с доктором посмотреть выставленную на продажу дачу, а хозяева сразу же накрыли на веранде стол с закусками и поставили самовар. И все разговоры об осмотре недвижимости и обсуждения условий возможной сделки согласились вести только после того, как гости откушают «что Бог послал»

(эта скупая фраза включала в себя: розовую ветчину, брынзу, черную икру, татарский чэк-чэк, айвовое и малиновое варенье, крымскую Мадейру и греческую баклаву). Это потом выяснилось, что Элеонора Марковна дважды была на гастролях в Ставрополе, выступала в театре Пахалова, и ей целовал ручку тогдашний губернатор Никифораки.

— Вот видишь, дорогая, — накладывая черную икру на кусок чурека, обратился Илиади к жене, — в этом... Ставрополе эллины в почете. Губернатор — грек. И название города, как я вижу, тоже имеет греческие корни: «ставрос» — по-нашему означает «крест», а «полис» — город. Получается «город креста». А ты, дорогая, все боялась расстаться с русской фамилией. А чем, скажи, Илиади хуже Овчинниковой?

— По-моему, все фамилии хороши, — примирительно вымолвил Нижегородцев.

— А как же неблагозвучные? — не унимался грек. — Всякие там «дураковы», «тупицыны» и «разгильдяевы»?

— За них надо предков «благодарить». Верно, неспроста так окрестили, — предположил Нижегородцев. — Я тоже знал одного хирурга по фамилии Убивец — добрейший был доктор. К нему больные со всей Ставропольской губернии съезжались. Умер от аппендицита.

— На все воля Божья! — грустно качнул головой Илиади.

— У нас в труппе был актер Аркадий Постограмм, совсем, кстати, непьющий, — пролепетала супруга, разливая гостям чай.

Глядя куда-то в сторону, Ардашев по-доброму улыбнулся:

— Помните у Чехова: статский генерал Бризжалов, экзекутор Червяков, отставной корнет Кляузов, золотых дел мастер Хрюкин, полицейский надзиратель Очумелов, фортепьянный настройщик Муркин, фельдшер Курятин и, наконец, унтер Пришибеев?

— Да-да, — подхватила Элеонора Марковна, — а чего стоит рассказ «Лошадиная фамилия»? Вот уж где он дал волю фантазии!

— А для меня необычайно интересна переписка Антон Павловича. Благо к пятидесятилетнему юбилею писателя опубликованы почти все его письма. В них встречаются такие пассажи, которые ничуть не уступают юмористическим рассказам. Некоторые из них я помню наизусть. — Присяжный поверенный наморщил лоб. — Вот, к примеру: «Доехал я благополучно, но ехал скверно благодаря болтливому Лейкину. Он мешал мне читать, есть, спать... Все время, стерва, хвастал и приставал с вопросами. Только что начинаю засыпать, как он трогает меня за ногу и спрашивает: «А вы знаете, что моя «Христова невеста» переведена на итальянский язык?» Или еще: «На правах великого писателя я все время в Питере катался в ландо и пил шампанское. Вообще чувствовал себя прохвостом». — Ардашев взглянул на хозяина, — Константин Георгиевич и Элеонора Марковна, мы приятно тронуты вашим гостеприимством, но позвольте поинтересоваться, когда вам будет удобно показать выставленные на продажу дачи?

— Вот откушаете чаю и посмотрите, — улыбнулась хозяйка, но не успела она договорить фразу, как по садовой дорожке послышался стук каблуков. Прямо из-за куста еще не распутившейся сирени возник высокий мужчина лет тридцати, с правильными чертами лица и небольшими, аккуратными усиками. Он был одет в серый пикейный костюм и рубашку с галстуком-веревочкой. Особенно обращали на себя внимание старомодные гусарские бакенбарды, вышедшие из моды лет пятьдесят назад.

— А вот и наш управляющий — Лаптев. — Грек наклонил голову к гостям и тихо заметил. — Я принял его на работу совсем недавно и, признаться, не жалею, — и уже во весь голос произнес: — Здравствуйте, Иван Алексеевич, прошу за стол.

От внимания Ардашева не укрылось, как при появлении незнакомца радостно сверкнули глаза бывшей актрисы, в то время как лицо молодого человека осталось непроницаемым. Он склонил голову в приветственном поклоне и негромко изрек:

— Благодарю, но... Константин Георгиевич, позвольте переговорить с вами наедине.

Понойотис промокнул губы салфеткой, поднялся из-за стола и подошел к управляющему. Тот что-то прошептал ему на ухо.

— Матерь Божья! — взмахнул руками старик. — Только этого нам еще не хватало. — Он повернулся к гостям. — Случилось несчастье: в пансионе покончил с жизнью постоялец — офицер повесился.

— Как же это? — захлопала глазами Элеонора Марковна.

Лаптев почесал правый бакенбард и пояснил:

— Горничная хотела убрать его комнату, но дверь оказалась заперта. На стук никто не отозвался. Через полчаса она решила открыть ее своим ключом. Ну, а тут такое!.. Увидев висельника, она стала кричать... Послали за мной. Я тут же вызвал полицию. Вот и все.

— Вы уж простите, господа, но, видимо, мне придется вас покинуть, — старик развел руками, — как говорится, ничего не попишешь...

— А вы не будете против, если мы сопроводим вас? — осведомился Ардашев и встретил непонимающий взгляд Нижегородцева. — Думаю, что присутствие адвоката в данном случае будет нелишним.

— Как пожелаете. Только я полагал, что свидание с трупом вряд ли может обрадовать, — Илиади пожал плечами, — но, если хотите, не возражаю. Тут недалеко.

Ардашев с доктором наняли собственный экипаж и отправились вслед за пролеткой управляющего. Стоило только им оказаться наедине, как Нижегородцев нетерпеливо выпалил:

— Вижу, Клим Пантелеевич, вам без трупов становится скучно. Эх, — горестно вздохнул он, — права была дражайшая Вероника Альбертовна, когда говорила, что не умеете вы отдыхать. И зачем, спрашивается, нужно нам смотреть на этого висельника?

Адвокат не торопясь достал коробочку с леденцами, открыл крышку и, выбирая подходящую конфетку, негромко спросил:

— А вы не находите странным случившееся самоубийство?

— Право же, Клим Пантелеевич, что ж тут странного? Ну, повесился кто-то там спьяну... Что же в этом удивительного? Так ведь почитайте газеты — что ни день, то суицид: то влюбленная в учителя гимназистка нашатырного спирта напилась, то брошенная жена раствора сулемы наглоталась. Чему удивляться?

— М-да, — Ардашев отрешенно проводил глазами шествующую мимо дамочку в белом

платье, — возможно, вы были бы и правы, если бы не одно странное словосочетание: «офицер повесился».

— А что тут особенного? — недоуменно пожал плечами врач. — Повесился, и все...

— Эх, доктор, доктор. Сразу видно, что нет у вас этой самой военной косточки. Ну не может офицер взять и просто так повеситься. Это вам не какой-нибудь письмоводитель или коллежский секретарь. Для него есть один способ отправиться на тот свет — пустить себе пулю. Уверен, что он немало видел на своем веку, и наверняка не трус, чтобы подобно какому-нибудь неврастенику лезть в петлю. А что скажут о нем его сослуживцы? Поверьте — ничего хорошего!

Нижегородцев пристыженно замолк и отвернулся. Скрестив руки, он нахохлился, точно воробей на ветру. Миновали Боткинскую и Пушкинский бульвар. Переехав мост, лошади потрусили по булыжнику Николаевской улицы. Остались позади и купальни Саглык-Су. Саженой через двести мостовая закончилась, и коляска покатила по узкой грунтовой дороге. Таблички на домах указывали, что это и есть переулочек Лазаревский. Впереди высился пансионат — трехэтажное здание с пристройкой в виде перевернутой влево буквой «Г». Вокруг него белыми невестами цвели вишни.

— А вы знаете, Николай Петрович, — примирительно выговорил адвокат, — в Мелихово, в своей усадьбе, Антон Павлович посадил чуть ли не тысячу вишневых деревьев! И большую часть — лично! Мыслимо ли?

— Удивительный был человек, — слегка оттаяв, согласился доктор.

У парадного входа стояли медицинская карета и полицейский экипаж. Пройдя через небольшой вестибюль, присяжный поверенный и доктор проследовали по длинному коридору за управляющим и Илиади. В воздухе стоял специфический запах камфорного масла. У комнаты № 4 толпился народ: участковый пристав, люди в штатском и два санитаря; сверкал лысиной судебный следователь с ухоженной седеющей бородой и аккуратными усиками. Заслышав шаги, он обернулся и громко выговорил:

— А вот и хозяин с управляющим пожаловали. А это что за посторонние с вами?

— Да какие же это посторонние! — начал оправдываться грек. — Врач и адвокат. По-моему, как раз кстати...

— Судебный медик уже осмотр произвел, так что доктор нам не нужен, — возразил следователь. — А присяжному поверенному здесь защищать некого — типичное самоубийство. К тому же, я вижу, вы человек не наших краев...

— Вы правы. Позвольте представиться — присяжный поверенный Ставропольского окружного суда Клим Пантелеевич Ардашев.

Следователь уставился на вошедших каменным взглядом и, удивленно приподняв голову, едва слышно произнес:

— Кто, простите?

— Ардашев, адвокат из Ставрополя.

— Позвольте, — перевел дыхание чиновник, — вы и есть тот самый Ардашев, который раскрыл

убийство на пароходе «Королева Ольга»?

— Ну, конечно, это он, — радостно затряс головой Нижегородцев, — о Климе Пантелеевиче писали почти все столичные газеты!

— Рад, очень рад. Я столько о вас слышал! И никогда не думал, что удастся вот так... запросто познакомиться. Меня зовут Модест Казимирович, а фамилия моя — Лепицинский, как видите, я служу судебным следователем, — он горячо потряс адвокату руку. — Прошу...

Илиади и Лаптев недоуменно переглянулись и остановились, не решаясь войти в помещение.

В небольшой, но прилично обставленной комнате стояла железная кровать, а на ней различалось накрытое одеялом тело. Чуть поодаль валялся перевернутый стул, рядом — скрученная в жгут простыня с узлом посередине. На прикроватной тумбочке в кожаной кобуре лежал наган и португез с шашкой. Белый китель висел на втором стуле. Фотограф уже собирал треногу, а санитары раскладывали на полу носилки, чтобы переложить на них труп.

— Рад, очень рад. Я столько о вас слышал! И никогда не думал, что удастся вот так... запросто познакомиться. Меня зовут Модест Казимирович, а фамилия моя — Лепицинский, как видите, я служу судебным следователем, — он горячо потряс адвокату руку. — Прошу...

Илиади и Лаптев недоуменно переглянулись и остановились, не решаясь войти в помещение.

В небольшой, но прилично обставленной комнате стояла железная кровать, а на ней различалось накрытое одеялом тело. Чуть поодаль валялся перевернутый стул, рядом — скрученная в жгут простыня с узлом посередине. На прикроватной тумбочке в кожаной кобуре лежал наган и португез с шашкой. Белый китель висел на втором стуле. Фотограф уже собирал треногу, а санитары раскладывали на полу носилки, чтобы переложить на них труп.

— Позвольте, — Ардашев остановил их и открыл лицо почившего.

— Левицкий? Василий Ильич? — остоленело вытянулся Нижегородцев. — Это же начальник штаба 83-го Самурского пехотного полка, расквартированного в Ставрополе. Я лечил его жену. Так он же недавно с нами...

— Вот уж горе для Нины Павловны... — неожиданно прервал доктора присяжный поверенный, сделав ему знак глазами. Он отвернул ворот нательной рубахи покойного и внимательно осмотрел вдавленный, бледно-синюшный след на шее. На подушечках пальцев синели следы мастики — результат недавней работы судебного эксперта.

— Не сомневайтесь — все признаки удушения налицо...

Адвокат оглянулся — перед ним стоял человек в пенсне, невысокого роста. Расправив рыжие усы, он отрекомендовался:

— Судебный врач Симбирцев.

— Будем знакомы, — протянул руку присяжный поверенный Ардашев. — А полковник, я полагаю, повесился на этом самом крюке?

— Да, — кивнул врач.

— А нет ли на теле ссадин или кровоподтеков?

— Есть. У него синяки на запястьях, но это вполне объяснимо. Находясь в агонии, самоубийцы часто размахивают руками, пытаются за что-нибудь зацепиться. Вот они и бьются о расположенные вблизи твердые предметы: дверные косяки, лестничные перила... В данном случае поблизости оказался шкаф. А что, у вас есть какие-то сомнения?

— Да, но их следует проверить.

— Проверим, непременно проверим. Завтра же проведем вскрытие.

— Можно ли будет присутствовать при этом?

— Отчего же, пожалуйста. Я не возражаю. Подходите завтра к прозекторской земской больницы. Думаю, в десять утра патологоанатом уже закончит.

— Буду непременно. А прощального письма разве нет?

— Ничего не обнаружено, — покачал головой Лепищинский. — Вещей у него совсем немного. Правда, нашли обрывки карандашных записей. Они буквально на всем: на салфетках, ресторанных счетах, вырванных листках из обычной школьной тетради... Какие-то формулы...

— Позвольте взглянуть? — попросил Ардашев.

— Тут секрета нет, — следователь открыл папку и вытащил несколько листков.

Бегло просмотрев, Клим Пантелеевич осведомился:

— Могу ли я переписать их?

Следователь в задумчивости пожевал губами и неуверенно выдал из себя:

— В виде исключения и только в знак глубокого к вам уважения...

— Вы очень любезны, — поклонился адвокат. Усевшись в удобное кресло, он достал из внутреннего кармана миниатюрную записную книжку в кожаном переплете, приспособил ее на подлокотнике, открутил колпачок Ватермана и принялся аккуратно переписывать.

В это время Нижегородцев обратился к стоящему у самого входа управляющему:

— Скажите, а как давно поселился здесь полковник?

— Четыре дня назад, — нехотя ответил тот.

— А он не обмолвился о цели своего визита в Ялту?

— Да я и не спрашивал, — пожал плечами Лаптев. — Горничная жаловалась, что третьего дня их высокоблагородие скандалили очень — почудилось полковнику, что кто-то в вещах его копался. Так мы два часа выясняли, не пропало ли чего. Оказалось — все на месте. У коридорных спрашивали, не попадались ли им на глаза посторонние. Но кроме глухонемого турка-сапожника никого не было. А жилец этот чудной был какой-то — даром, что военный. Уйдет вечером, а свет в комнате оставляет зажженным. Оно, конечно, вроде бы мелочь, но нам затраты... И выходил часто не по парадной лестнице, а через хозяйственный двор — куда подводы с провизией подъезжают.

— Да, и впрямь странно, — поднял глаза Ардашев и ощутил, как им овладело странное

беспокойное чувство. Оно появилось внезапно, и казалось, что причина его была где-то рядом... Адвокат перестал писать и еще раз оглядел комнату: за столом работал эксперт, пытаясь снять с бутылки шустовского коньяку отпечатки пальцев, своей очереди ждали пепельница и курительная трубка, по-видимому, из орехового дерева, а также плитка шоколада фабрики «Эйнем». Рядом стояло такое же кресло с мягкими потертыми плюшевыми подлокотниками, шкаф с посудой и стулья; справа от входа висело зеркало. На стене — довольно необычная графика в строгой деревянной раме. Такого художества Климу Пантелеевичу видеть еще не доводилось. Сказать определенно, что на ней было изображено, пожалуй, было невозможно. Это напоминало мешанину из чертежей, похожих на вывернутую изнанкой Эйфелеву башню, набросков геометрических фигур разного вида и размера: кубов, шаров и пирамид, будто нанизанных друг на друга. Все вместе они составляли некое подобие человеческих образов. В глазах странных существ вместо зрачков пестрели цифры, носами являлись втулки или шарниры, а рты состояли из правильных овалов и прямоугольников. Причем некоторые из них, казалось, улыбались, другие — кричали от боли, а третьи — раздирали рты в безудержном истерическом хохоте. И все они смотрели в одну точку — прямо на Ардашева.

— Какая интересная работа! Позвольте полюбопытствовать, кто же автор?

Растеряно улыбнувшись, Илиади ответил:

— Был тут у меня в прошлом году один постоялец — совсем молодой человек. Попросил комнату на третьем этаже с балконом и чтобы море было видно. Я его предупредил, что дорого будет, а он смеется, ничего, говорит, расплачусь. Время шло. Жил себе, столовался. Ночью над рисунками корпел, а днем продавал их на набережной и, магазине у Синани, да только прибыток был слабый. Прошел месяц, настало время расплачиваться, а денег не хватило. Взмолился он и говорит, возьмите у меня все восемнадцать картин. Придет время, они будут цениться не хуже работ Айвазовского. А я смотрю на него, вижу — парень не от мира сего; не пьет, не курит, ходит тихо, а разговаривает, будто голоса своего стесняется. Божий человек, да и только. Ему бы монахом быть да чужие грехи отмаливать, а он все карандашиками частит по бумаге... Пожалел я его, отпустил с миром, картинки, понятное дело, взял. А художества такого я раньше не видел, нет. Вроде бы два цвета всего — черный и белый, а когда долго смотришь — чудится разное и сердце отчего-то заходится.

— А как звали его, не помните?

— Как же — Вандинский, Андрей Васильевич.

— Нет, никогда не слышал, — покачал головой присяжный и вновь принялся переписывать.

Старший санитар нетерпеливо переминался с ноги на ногу, показывая всем видом, что пора выносить усопшего. Он кашлянул и вопрошающе посмотрел на следователя.

— Да-да, забирайте, — махнул тот рукой.

Закончив писать, Ардашев огляделся и спросил:

— Чувствуете, господа, этот запах?

— О чем вы? — следователь недоуменно воззрился на Клима Пантелеевича.

— По-моему, в коридоре разлили камфару.

— И что? — наморщил лоб судебный медик.

Не обращая внимания на недоумение доктора, следователь робко произнес:

— То есть вы хотите казать, что ее разлили специально?

— Я в этом уверен.

— Но зачем? — воскликнул Симбирцев, бросая беспомощные взгляды то на следователя, то на адвоката.

— Да, — Лепищинский покрутил ус. — На этот нюанс я совсем не обратил внимания. — Сделав по комнате несколько шагов, он вдруг остановился и, вскинув глаза к потолку, задумчиво произнес: — Камфорное масло отбивает нюх у полицейской собаки. Но если на теле покойного нет ни колотых, ни огнестрельных ран, а вдавленный след на шее является единичным, а не двойным, то остается только одно: штаб-офицера сначала споили, а уже потом повесили на простыне. Так?

— Но ведь стакан-то один. Да и выпито всего половина бутылки, — облизывая пересохшие губы, констатировал судебный медик.

— Либо отравили, — проронил молчавший до поры немолодой седовласый господин в очках, оказавшийся судебным экспертом. — Чтобы не было сомнений, я проверю коньяк на наличие яда. А пока я могу с полной уверенностью утверждать, что отпечатки пальцев на бутылке, стакане и пепельнице принадлежат исключительно покойному.

Управляющий, облокотившись на дверной косяк, слушал разговор с легкой усмешкой. Наконец он картинно зевнул и громко изрек:

— Моя бабушка страдала ревматическими болями и смазывала колени камфорным маслом. А почему вы не допускаете, господа, что кто-то из отдыхающих просто-напросто случайно разбил пузырек?

— Разбить не могли — осколков нет. Уронить — тоже маловероятно, поскольку эту аптекарскую склянку всегда затыкают пробкой. Стало быть, разлили. А вот намеренно или нет, мы как-нибудь сами разберемся. Что же касается лично вас, любезный, то завтра в десять утра прошу пожаловать на допрос со списком всех постояльцев, — пробурчал следователь, явно недовольный тем, что в ход расследования вмешивается еще один посторонний.

— Всенепременно-с, — с дрожью в голосе проронил Лаптев, обиженно прокашлялся и исчез в дверном проеме.

Ардашев уже не слышал происходящую вокруг него словесную перепалку. Он все смотрел на висевший под стеклом рисунок и силился понять, отчего эта работа так беспокоит его душу.

14

Отправная точка

I

Земско-городская больница находилась в двух верстах от Ялты, если ехать по Симферопольскому шоссе. Расплатившись с извозчиком, Ардашев с доктором вызвали привратника, который и провел их в мертвецкий покой. Скрипнула тяжелая дверь, и из подвального помещения потянуло сыростью, точно раскопали могилу. «Вот так пахнет смерть», — пронеслось в голове у Ардашева. Патологоанатом — здоровенный детина с бритой головой и опущенными в виде подковы усами, смывал под рукомойником мыльную пену. На обитом жестью столе возвышалось укрытое клеенкой тело. Следовательно что-то писал за небольшим столиком. Рядом, на свободном стуле, позевывая, сидел Симбирцев. Завидев вошедших, Лепищинский поднялся и попытался улыбнуться, но с лица съехала какая-то кривая усмешка.

— Здравствуйте, господа. Собственно, все ожидаемо. Самоубийство чистой воды.

— Вы уверены? — Клим Пантелеевич внимательно посмотрел в сторону патологоанатома.

— Несомненно, — вытирая руки о цветастое полотенце, уверенно ответил тот. — На это указывают надломы больших рожков подъязычной кости и верхних рожков щитовидного хряща. Вследствие сильного растяжения шеи тяжестью висящего тела деформации подверглись и сонные артерии, что привело к поперечному разрыву их внутренних оболочек, как раз ниже петли, об этом указывает видимый след-борозда.

— Имеются все основания для закрытия дела, — констатировал следователь.

— Позвольте мне осмотреть труп? — осведомился присяжный поверенный.

— Извольте, — пожал плечами Лепищинский. — Только зачем это вам?

— Хочу избавиться от последних сомнений.

Ардашев сбросил клеенку на пол, извлек из кармана складную лупу и стал внимательно осматривать голову покойника, заглядывая даже в ушные раковины. Лицо почившего давно приобрело восковой оттенок, а нос заострился.

— Не могли бы вы перевернуть тело? — вновь обратился к хирургу адвокат. И последний без лишних разговоров опрокинул его, словно мешок картошки. Лупа двигалась очень медленно и примерно посередине затылка остановилась. Клим Пантелеевич поднял голову: — Я попрошу вас сбрить волосы всего на один дюйм.

— Хорошо, — недовольно ответил врач и, взяв с полки кусок мыла, помазок и опасную бритву, принялся снимать волосяной покров. Когда он вытер затылок мертвеца, то стала заметна небольшая болячка, вокруг которой успела образоваться синяя гематома.

— Видите? — Ардашев устремил на врача пытливый взгляд. — Я уверен, что именно в мозжечок и вогнали спицу. И только потом труп подвесили. Несомненно, полковник оказывал сопротивление убийце — об этом свидетельствуют кровоподтеки и ссадины на его кулаках. Но, очевидно, силы были неравными. Однако до тех пор, пока вы не препарируете череп, сказанное останется лишь версией. Прошу вас продолжить вскрытие.

Доктор земской больницы кивнул и снова стал облачаться в резиновый фартук и перчатки.

— Думаю, что никто не будет возражать, если я дождусь результатов на улице, — сказал Ардашев и направился к двери. За ним потянулся и следователь. Нижегородцев и Симбирцев, видимо, в знак солидарности с коллегой, остались в мертвецкой.

— Значит, вы думаете, что это убийство? — неуверенно выговорил Лепищинский и посмотрел на адвоката пытливым взглядом. — Но кто? Зачем?

— А давайте присядем вон на ту скамью, — будто не слыша вопроса, предложил присяжный поверенный.

Усевшись, следователь грустно заметил:

— Это убийство совсем некстати. Как вы знаете, Государь вчера прибыл в свое имение. Если я не раскрою преступление в течение недели, меня отправят в самый дальний сибирский уезд. — Он умоляющими глазами посмотрел на Ардашева. — Надеюсь на вашу помощь, Клим Пантелеевич.

Усевшись, следователь грустно заметил:

— Это убийство совсем некстати. Как вы знаете, Государь вчера прибыл в свое имение. Если я не раскрою преступление в течение недели, меня отправят в самый дальний сибирский уезд. — Он умоляющими глазами посмотрел на Ардашева. — Надеюсь на вашу помощь, Клим Пантелеевич.

— Посмотрим, — невозмутимо ответил адвокат. Достав из кармана коробочку «Георг Ландрин», он предложил Лепищинскому, но тот отрицательно мотнул головой.

— Как знаете, — пожал плечами Ардашев. — Я остановился в «России» в двенадцатом номере. Заходите на досуге, обсудим ход расследования...

— Спасибо. Непременно. — Он помолчал с полминуты и сказал: — В Ялте проживает тринадцать тысяч жителей. Три полицейских участка. Три окружных судьи и три мировых. И следователей — тоже три. И хоть нас мало, но работой мы не обременены. А все, верно, потому, что наши горожане — в основном порядочные люди. Нет, ну, бывает, турки-строители набедокурят, или татары напьются и забуянят, но это редко. А зимой — тишь да райская благодать — совсем тихо. Но начиная с пасхального сезона вместе с отдыхающими со всех концов к нам едут и воры, и проститутки, и грабители. Летом — два-три смертоубийства. Чаще всего они случаются либо по причине пьянства, либо из-за ревности. Правда, в прошлом году картежники между собой выигрыш не поделили. Вот и резанул один другого тесаком. Злодея отыскали быстро. А тут — полковник, начальник штаба... Сами понимаете — доложат на самый верх!

Со стороны покойницей показался Симбирцев, за ним — Нижегородцев. Приблизившись, судебный медик протянул бумагу:

— Вот. Полюбуйтесь.

— Так-с, — пожеывая губами, следователь молча прочел заключение. С кислой миной он протянул Ардашеву исписанный лист и, тяжело вздохнув, изрек: — Весело — ничего не скажешь. Оправдались самые худшие предположения.

— *«Причиною смерти является колотая рана, приведшая к повреждению стволовых структур головного мозга»*, — Клим Пантелеевич повторил последнюю строку и осведомился: — А сколько в Ялте библиотек?

— Три, по-моему, — неуверенно ответил следователь. — А что?

Пропустив вопрос мимо ушей, присяжный поверенный вновь спросил:

— Скажите, а как они работают?

— Та, что у театра, — имени Жуковского — открыта с десяти утра до двух пополудни, а потом она закрывается на перерыв, но с четырех до восьми снова принимает посетителей. Моя дочь часто туда заходит. А вам-то это зачем? — не утерпел Лепищинский.

— В таком случае нам с Николаем Петровичем следует поторопиться. Не будем терять время, господа, — не удосужив чиновника ответом, присяжный поверенный повернулся к стоявшей неподалеку извозчичьей коляске: — Эй, любезный! Свободен?

Не дожидаясь, пока возница развернет фиакр, Ардашев сам пошел навстречу. За ним едва поспевал Нижегородцев.

Провожая недоуменным взглядом удаляющийся экипаж, судебный следователь так и остался сидеть на лавочке. На его лице читались грусть и затаенная обида.

II

— Да, действительно, сюда приходил офицер и заказывал у нас книги. Он работал в читальном зале. Делал какие-то выписки. А позвольте узнать, почему вы меня об этом спрашиваете? — нехотя поднявшись из-за конторки, выговорил высокий господин с тонкими, аккуратно подрезанными над верхней губой усиками.

— Полковник совершил самоубийство. И у нас есть подозрение, что прощальное письмо осталось в одной из книг, которыми он пользовался. Вы не могли показать их нам? — осведомился Клим Пантелеевич.

— Положительно ничем не могу помочь. Это строжайше запрещено циркуляром. Знакомить третьих лиц с карточками читателей я не имею права. К тому же завтра Пасха, и наша библиотека должна быть закрыта через четверть часа.

— А если читатель умер? Что об этом говорят ваши правила? Послушайте, уважаемый, — адвокат строго повел бровями, — мы же не шутки пришли шутить и не из праздного любопытства интересуемся. Если вы будете упорствовать, то мы все равно посмотрим все, что нам надобно, но уже с помощью судебного следователя. Я протелефонирую ему прямо от вас, и он прикажет вам ожидать его приезда. А появится он здесь примерно через час-два и начнет не спеша составлять официальный протокол вашего допроса, а потом и акт изъятия книг. Я не исключаю, что за этим столом вы застанете не только пасхальную заутреню, но и обедню. Если же вы поступите благоразумно и пойдете нам навстречу, то вся эта неприятная процедура вообще может не понадобиться. Вдруг окажется, что никакого письма и в помине не было. Итак, милейший, ваш выбор?

Служитель виновато склонил голову и, уставившись в пол, пробубнил:

— Извольте, я вам все принесу.

— И, пожалуйста, не забудьте прихватить его формуляр.

— Хорошо, — кивнул библиотекарь и удалился.

— Послушайте, Клим Пантелеевич, а для чего мы наведывались в две другие читальни? Почему сюда сразу не поехали? Ведь Левицкого мы встретили именно здесь? — доктор вопросительно воззрился на адвоката.

— Как вы помните, управляющий Илиади сказал, что полковник поселился в пансионе за четыре дня до трагедии, то есть девятнадцатого марта. Срок, согласитесь, небольшой. Для того чтобы раскрыть это преступление, нам придется максимально точно воссоздать хронику его нахождения в городе и желательно по часам: куда ходил Левицкий, где и с кем общался. Только имея полную картину его четырехдневного пребывания в Ялте, мы сможем раскрыть это смертоубийство. Именно поэтому я и решил посетить в первую очередь другие библиотеки и, как оказалось, сделал это не зря — ни в одной из них Левицкий книг не заказывал, а стало быть, там и не появлялся. Теперь я могу их смело вычеркнуть из своего условного списка. А вообще-то, доктор, я не много видел офицеров, которые бы посещали публичные библиотеки.

— Да и я тоже. А вон и наш «книжный червь».

Из соседней комнаты выплыл служитель с небольшой стопкой книг.

— Извольте, — он положил литературу на стол. — Это все, что он брал за четыре дня. А вот его карточка. Смотрите, изучайте, не буду вам мешать. Тут в основном труды Циолковского и Жуковского...

— Ого! — воскликнул Ардашев, перечисляя названия, — «Аэроплан или птицеподобная (авиационная) летательная машина», «О парьнии птиц», «О воздухоплавании», «Теория летания», «О летательном аппарате Отто Лименталья»...

Адвокат открыл несколько брошюр, стал их листать, посматривая время от времени в свою записную книжку. Вдруг он радостно воскликнул:

— Смотрите, это как раз то, что нам нужно!

— Смотрите, это как раз то, что нам нужно!

Нижегородцев склонился, шевеля губами:

— Здесь какая-то формула? А что сие означает?

— Как следует из пояснения, тут все просто: Y — это подъемная сила, P — это тяга, — граница профиля, p — величина давления, n — нормаль к профилю, то есть, согласно теореме Жуковского, величина подъемной силы пропорциональна плотности среды, скорости потока и циркуляции скорости потока воздуха.

— И что? — приподнял голову Нижегородцев, — при чем здесь убийство?

— А вас не удивляет тот факт, что офицер пехотного полка так досконально разобрался в воздухоплавании?

— Нисколько-с, — с каменным лицом ответил доктор. — Если хотите знать, Василий Ильич был помещан на вертолетах. Мне частенько на это жаловалась его супружница. Придет, говорит, домой и — в кабинет; и просиживает там ночи напролет — все что-то изобретает. Мол, хочу, говорит, закончить то, что Михаил Васильевич не успел...

— Какой еще Михаил Васильевич? Какие вертолеты? — глаза адвоката подозрительно

сузились.

— Михаил Васильевич Ломоносов — известный русский ученый, а геликоптерами называются воздухоплавательные аппараты вертикального взлета, — простодушно объяснил врач. — У Нины Павловны, если хотите знать, от недостатка мужского внимания даже мигрени начались. Да-с...

— При чем тут мигрени! — Ардашев в негодовании поднялся. — Так, может, и в Москву он ездил на выставку воздухоплавания?

— Ну да! А разве я об этом вам не говорил?

— Право же, Николай Петрович, это уж слишком! — адвокат сел и нервно пробарабанил пальцами по столу. Успокоившись, он откинулся на спинку стула и махнул рукой: — Ладно, в конце концов, я сам виноват — мог бы и раньше догадаться.

Пожелав библиотекарю счастливо встретить праздник Великой Пасхи, приятели возвратили книги и вышли на улицу, не заметив, как из окна читальни за ними внимательно следил длинный, как жердь, человек.

Клим Пантелеевич потянулся в карман за коробочкой любимого монпансье.

— И куда теперь? — осведомился Нижегородцев.

— На набережную, до ближайшего газетного киоска. Надобно купить самую подробную карту Ялты и почитать прессу. С этим происшествием я уже два дня не брал в руки газет.

— Клим Пантелеевич, а не кажется ли вам, что это убийство связано с исследованиями Левицкого в области воздухоплавания?

— Дорогой мой Николай Петрович! Чтобы ответить на ваш вопрос, следует по крайней мере разбираться в двух вещах: понимать, насколько далеко зашли современные конструкторские изыскания в этой области и что нового придумал полковник. Черновые обрывочные записи, которые мне показал судебный следователь, представляют собой не что иное, как переписанные формулы из трудов Можайского, Жуковского и Циолковского. В них, как вы понимаете, никакого секрета нет. Но мне непонятно многое другое. В частности, для чего Левицкий прибыл в Ялту?

— Уж точно не дачу покупать! Со дня на день за телом приедет его жена. Может, она знает? Я с ней поговорю.

— Да, это не помешает, — согласился адвокат.

— Однако вы не будете отрицать, что убийца — матерый преступник? Он сделал все возможное, чтобы скрыть злодеяние. Если бы не ваше чутье — следователь бы закрыл дело. И еще. Он очень не похож на заурядного разбойника — все ценные вещи на месте. Ничего не пропало. А ведь варнак вряд ли бы удержался, наверняка бы прихватил все крупные купюры. Кто бы потом проверял, сколько всего наличности оставалось в портмоне у полковника. Ан нет! Не взял. Послушайте, а что, если это какие-нибудь революционеры? Они же по всей России бомбы взрывают.

— Вряд ли. Анархистам, эсерам и большевикам шум нужен! Им не за чем следы прятать. Спица — не их оружие.

— Тогда чье же?

— Сейчас трудно найти правильный ответ. Нельзя сбрасывать со счетов и мотивы на почве мести или корысти. Вы, наверное, читали в «Северокавказском крае», что в феврале в Кисловодске был застрелен один статский советник?

— Вы имеете в виду нашумевший случай, когда жена заплатила абрекам за убийство мужа?

— Да. Если бы она не похвасталась подруге, так бы и не раскрыли это злоумышление. А газеты, если помните, во весь голос кричали о «кровавой эсеровской руке». Послушайте, Клим Пантелеевич, — от неожиданно пришедшей догадки Нижегородцев даже остановился, — скорее всего, убийца — врач. Ну не может обычный человек так точно ударить спицей. Многие даже не знают, где находится мозжечок. А тут надо было не только свалить офицера, но и ухитриться воткнуть острый конец в нужное место.

— Я думал об этом, — проронил Ардашев. — И даже специально купил путеводитель по Крыму. Там указано, что в Ялте практикуют примерно пятьдесят врачей. И как вы собираетесь искать среди них злодея?

— Ничего страшного. Составим список и будем постепенно отрабатывать.

— Нет, Николай Петрович. Это не мой метод. Так действует полиция. Я же должен придумать иной способ.

— Вы правы. И вообще, а чего это мы взялись за расследование? По-моему, у нас были совсем другие намерения, не находите?

— Согласен. Стоит протелефонировать в контору Ненарокову о том, что мы готовы продолжить осмотр дач.

На углу Екатерининской и Александровской, напротив купальни Чалого, стоял газетный киоск. Ардашев направился к нему.

— Ну вот! И свежие газеты есть, и карта имеется.

Приятель усадился на ближайшую лавочку и зашелестели прессой.

— Смотрите, Клим Пантелеевич, что пишет «Русская Ривьера»:

«Слух, распространенный «Биржевыми ведомостями» о возвращении Григория Распутина в село Покровское Тобольской губернии, не подтвердился. На самом деле фаворит царской семьи еще 20-го марта прибыл на автомобиле в Ялту и остановился в гостинице «Ялта» под именем «купца Никонова». Для чего ему понадобился этот маскарад — непонятно».

— А я отыскал, на мой взгляд, более интересное сообщение:

«В воскресенье 1-го апреля в Ялте случится солнечное затмение. Это явление можно будет наблюдать с 4 до 5 часов 23 минут пополудни. Просим обратить внимание отдыхающих и горожан, что начало этого редкого природного явления, то есть первое прикосновение луны к диску солнца, следует наблюдать не иначе как через густозакопченное стекло. Спешим сообщить, что стараниями местного общества естествознания, а также благодаря пожертвованиям бакинского нефтепромышленника барона Штенгеля (он является хозяином удивительного замка на Аврориной скале, получившего название «Ласточкино гнездо») из

Петербурга в Ялту доставлен воздушный шар. Два аэронавта-добровольца — учитель мужской гимназии С. Ненайденко и фотографический мастер художественного магазина-салона Зембинского А. Клязьмогоров — намереваются подняться на высоту 1500 саженей. Последний собирается отснять 36 снимков Солнца, а преподаватель планирует произвести ряд спектрографических снимков, кои позволят сравнить массу Земли с массами других планет, в особенности Юпитера и Сатурна. Пока аэронавты готовятся к полету, шар в наполненном состоянии, будучи привязанным к дереву и нагруженным мешками с песком, находится на поляне по дороге на Ай-Тодор. К нему приставлен сторож».

— Собираетесь заняться изучением небесного светила?

Перед лавочкой возник Сорокопятов. Под мышкой он держал газетный сверток. Литературный критик протянул для приветствия руку, и в этот момент прямо под ноги Ардашеву из свертка вывалилась коричневая туфля.

— Ой, простите! — воскликнул он.

— Ничего-ничего, — Клим Пантелеевич подал упавшую обувь.

— А я вот от сапожника. Истоптал, можно сказать, подошвы по здешним улицам. И как ваши успехи? Нашли подходящие дачи?

— Пока нет, — со вздохом выговорил доктор. — Клим Пантелеевич занялся расследованием убийства, которое случилось в пансионе Илиади.

— Убийство! — вскинул руки Сорокопятов. — Но ведь газеты об этом ничего не писали?

— Ну, если не сегодня вечером, то завтра утром уж точно напечатают — шила в мешке не утаишь, — усмехнулся Нижегородцев и добавил: — Представляете, Ярополк Святославович, какой-то злодей проткнул полковнику Левицкому мозжечок, и, вероятнее всего, сделал это вязальной спицей.

— Что за страсти вы рассказываете! — присаживаясь на край скамьи, взволнованно проговорил сочинитель. — А что, адвокаты уже могут заниматься сыском?

— Выходит, вы ничего не знаете о Климе Пантелеевиче! — доктор аж подпрыгнул от удивления, но, поймав на себе полный укора взгляд Ардашева, тут же опустился на скамью и уже спокойно продолжил: — Видите ли, кроме того, что Клим Пантелеевич является вашим собратом по литературному цеху, он еще и знаменит своими расследованиями, которые он проводит в интересах клиентов. Понимаете, он защищает только тех, в чьей невиновности абсолютно уверен. Но Клим Пантелеевич не пытается убеждать присяжных, что следствие велось из рук вон плохо. Он отыскивает настоящего злодея и доказывает в суде его вину. И этот факт, как вы понимаете, является решающим. — Доктор перевел дыхание. — Да не может быть, чтобы вы о нем ничего не слышали! Не только российские, но и западные газеты писали о блестящих расследованиях Клима Пантелеевича. И «Таймс», и...

— Ну, полно, Николай Петрович, — отмахнулся Ардашев. — Ни к чему это...

— Позвольте-позвольте, — заинтересовался литератор. — А вы не пробовали писать об этом. Сейчас, можно сказать, в моде уголовные рассказы. Тут стесняться нечего. Даже Антон Павлович ими не брезговал: «Шведская спичка», «Следователь». Так ведь и не только он... Может, стоит и вам попробовать?

Адвокат вскинул на собеседника недоуменный взгляд.

— Я как-то не думал об этом.

— Послушайте, господа, а вы не будете возражать, если я вместе с вами, можно сказать, поучаствую в расследовании убийства этого капитана?

— Полковника, — поправил врач.

— Ах да, простите, полковника.

— Как угодно, — пожал плечами Клим Пантелеевич. — Только не обессудьте, Ярополк Святославович, до окончания следствия я не буду давать никаких пояснений и комментариев. Однако наш уважаемый доктор с радостью удовлетворит ваше любопытство, не правда ли, Николай Петрович? — хитро прищурившись, изрек Ардашев.

— Безусловно, — смиренно вымолвил Нижегородцев, осознав, что допустил оплошность.

— Вот и прекрасно, — обрадованно хлопнул себя по коленкам писатель и выудил из бокового кармана блокнот и карандаш. — Ну-с, Николай Петрович, прошу вас ввести меня в самую суть дознания.

— Вы тут пока пообщайтесь, а мне надобно пройтись... проверить, знаете ли, одну мыслишку. До скорой встречи, господа, — вставая, проговорил Клим Пантелеевич. Привычно выбрасывая вперед трость, он зашагал в обратном направлении. Ему вслед растерянно смотрел Нижегородцев.

15

Длинный вечер

Справляться со скверным расположением духа Ардашев научился давно. Без этой способности в разведке не выжить. Агенту всегда приходится мысленно сражаться с разного рода опасениями. И если относиться к ним каждый раз серьезно, то можно сойти с ума. Верное средство избавиться от скверного настроения — заняться любимым делом, которое хотя бы на время позволит улетучиться дурным мыслям. Для Клима Пантелеевича такими увлечениями были: сочинительство, бильярд, шахматы и, пожалуй, преферанс. Но это в идеальном варианте. Когда же нет возможности воспользоваться этими приятными занятиями, то надобно начать размышлять о каком-нибудь малознакомом процессе, чтобы новые мысли постепенно вытеснили прежние страхи, опасения или разочарования. Пока, например, представишь, как был устроен паровой самолет Можайского и каким образом он должен был подниматься в воздух, забудешь обо всем на свете. Или, допустим, начинаешь думать о том, как удастся африканским бушменам впрок заготавливать мясо антилоп без соли? И как долго можно продержаться в знойной саванне без еды и воды? Стоит также попробовать порассуждать об изобретениях будущего: если с помощью телеграфа и телефона уже научились посылать на любое расстояние слова, то каким образом будут передавать мысли? И что надежней — аэроплан или дирижабль?

Правда, блага цивилизации — клуб и курзал — Ардашев только что миновал и потому опять решил туда вернуться. «Да, доктор наговорил лишнего этому надоедливому литературоведу. Хорошо, если Сорокопяттов еще не успел перезнакомиться с местными газетчиками. А то

получится, что именно я и выболтал всю информацию о деле. Как тогда следователю в глаза смотреть? Ах, Николай Петрович, Николай Петрович! Ну какой смысл давать окружающим лишнюю информацию о себе и своих делах? Разве от этого можно стать успешнее? Скорее всего, нет. Если ты поделился радостью о неожиданной удаче с завистником, то он сразу же начнет создавать вокруг тебя отрицательное поле из собственных негативных мыслей, поскольку к нему в дом эта капризная дама еще не заглядывала. То же и друзья — в лучшем случае назовут тебя баловнем судьбы. Вот и весь итог. Многим мало прожить целую жизнь, чтобы это понять».

Клуб представлял собой длинное одноэтажное здание, выходящее на улицу большими венскими окнами. Резная дубовая дверь с витой бронзовой ручкой распахнулась с легкостью садовой калитки. «Раз смазывают петли у входной двери, значит, следят за порядком и внутри», — справедливо рассудил Клим Пантелеевич и не обманулся в своих предположениях.

В светлой просторной зале стояли накрытые белыми скатертями столики. Они были заняты лишь наполовину. В основном присутствовали статские, но было и несколько компаний офицеров, среди которых встречались и флотские — с кортиками и в ослепительно-белых мундирах.

Бильярдные фрейберговские столы — их адвокат насчитал только четыре — расставили свои массивные резные лапы в соседней зале. Заказав чаю с ромом, Клим Пантелеевич с удовольствием погрузился в созерцание упорной схватки между невысокого роста усатым господином в пиджачной паре и пехотным поручиком. Играли в пирамиду и, судя по напряженным лицам, — по-крупному. Поручик время от времени прикладывался к коньячной рюмке, но это ему не мешало вгонять в лузу довольно сложных «чужаков». Статский вместо «Шустова» пил вино и потому, видимо, был успешнее. Офицер нервничал и пытался бить щегольски. Он чаще применял клапштос[2], от чего уставал и иногда киксовал[3], промахивался, получал штрафы. Его соперник играл уверенными, беспощадно правильными ударами. В них не было ни forte, ни piano, зато присутствовал холодный коммерческий расчет. Битков он пускал легким накатом, и они, ударив «заказанные», загоняли их в гнезда луз. По всему было видно, что поручик проиграет. Так оно и случилось. Зашелестели банковские билеты, переключивая из одного портмоне в другой. Изрядно охмелевший офицер, не желая мириться с проигрышем, предложил «угол» — двойную ставку. Соперник согласился. Вторая партия повторила первую. И опять освободился от «лишнего» груза бумажник военного. Ставка утроилась...

В светлой просторной зале стояли накрытые белыми скатертями столики. Они были заняты лишь наполовину. В основном присутствовали статские, но было и несколько компаний офицеров, среди которых встречались и флотские — с кортиками и в ослепительно-белых мундирах.

Бильярдные фрейберговские столы — их адвокат насчитал только четыре — расставили свои массивные резные лапы в соседней зале. Заказав чаю с ромом, Клим Пантелеевич с удовольствием погрузился в созерцание упорной схватки между невысокого роста усатым господином в пиджачной паре и пехотным поручиком. Играли в пирамиду и, судя по напряженным лицам, — по-крупному. Поручик время от времени прикладывался к коньячной рюмке, но это ему не мешало вгонять в лузу довольно сложных «чужаков». Статский вместо «Шустова» пил вино и потому, видимо, был успешнее. Офицер нервничал и пытался бить щегольски. Он чаще применял клапштос[2], от чего уставал и иногда киксовал[3], промахивался, получал штрафы. Его соперник играл уверенными, беспощадно правильными ударами. В них не было ни forte, ни piano, зато присутствовал холодный коммерческий расчет. Битков он пускал легким накатом, и они, ударив «заказанные», загоняли их в гнезда луз. По

всему было видно, что поручик проиграет. Так оно и случилось. Зашелестели банковские билеты, переключивая из одного портмоне в другой. Изрядно охмелевший офицер, не желая мириться с проигрышем, предложил «угол» — двойную ставку. Соперник согласился. Вторая партия повторила первую. И опять освободился от «лишнего» груза бумажник военного. Ставка утроилась...

Ардашев вдруг понял, что совсем не наблюдает за игрой, а мысленно возвращается к тому странному карандашному рисунку в комнате убитого полковника. «И все-таки что-то в нем не так — будто с ног на голову переставлено; то ли есть какая-то недосказанность, то ли наоборот — перебор фигур...»

Между тем поручик едва держался на ногах, пошел вразнос и уже играл на запись. Его дальнейшая участь была ясна и понятна, как судьба ошипанного петуха в кухмистерской.

Клим Пантелеевич оставил лакею целковый и вышел на улицу. Спокойствие вновь наполнило душу теплом, и присяжный поверенный с удовольствием вдохнул свежий морской воздух. Рука сама потянулась к заветной коробочке с надписью «Георг Ландрин». Но в этот момент ему в коленку ткнулся чей-то теплый нос. Это был Вилли. Позади него шла хозяйка.

— Здравствуйте, Клим Пантелеевич, а где же ваш друг? Он все еще нездоров?

— Добрый вечер, Лика! — воскликнул Ардашев. — Мой приятель выздоровел, но после болезни у него появилось опасное осложнение, по-латыни оно называется morbus boltunos и характеризуется повышенной разговорчивостью — слова лезут, точно нефть из бакинских скважин.

— Шутник! — засмеялась она.

— Угощайтесь! — он протянул ей коробочку монпансье. — С тех пор, как я избавился от курения, я пристрастился к этим маленьким конфеткам. Не знаю, как другим, а мне они помогают ускорить мыслительный процесс.

— И часто вас одолевают раздумья?

— Практически постоянно.

— И даже сейчас?

— А сейчас тем более.

— Было бы интересно узнать, что вас волнует в данный момент.

— Я ищу предлог, чтобы пригласить вас на чашечку ароматного турецкого кофе в кондитерской у Верне.

— А вы хитрец — одним предложением «убили двух зайцев»: и даму пригласили, и сделали намек на известное произведение Антона Павловича.

— Так вышло, — развел руками Ардашев. — Надеюсь, вы не против?

Она потрепала пуделя и спросила:

— Ну что, Вилли, пойдём?

Питомец, заслышав кличку, радостно залаял.

— Он не возражает, а значит, согласна и я, — улыбнулась Лика.

Кондитерская находилось совсем неподалеку. Кофе действительно оказался отменным. Нашлось угощение и для Вилли. Он оказался страшным сладкоежкой и с жадностью проглотил кусочек новомодного пирожного «Наполеон», названного так в честь столетней годовщины победы над французами. Официант с шумом откупорил бутылку золотого «Аи» и наполнил бокалы.

— За победу! — предложила тост Лика, и в ее глазах блеснули задорные искорки.

— Простите? — не понял Ардашев.

Дама улыбнулась:

— За победу над французами!

Они сделали по глотку.

— Ну вот, Лика, как вам нравится — мы сидим во французском кафе, заказываем французское шампанское, угощаемся тортом «Наполеон», а поднимаем бокалы за то, как мы разгромили этих самых французов, то есть пьем за их погибель. Не находите ли вы это странным?

— Ничуть. Они сами виноваты.

— И в чем же, позвольте узнать?

— Не надо было Москву сжигать, — в ее голосе послышались патриотические нотки. — А еще, — добавила она, — мне Кутузова жалко. Хороший был старичок, умный. А как его похоронили? Сердце в Пруссии, а тело в России. Разве это правильно?

— Наверное, нет.

«О боже! Как она наивна! — улыбнулся своим мыслям адвокат. — А впрочем, в этом нет ничего удивительного, — наивность — верный признак молодости».

— А почему вы улыбнулись?

— Не знаю. Может быть, потому что вечер хорош, а может, потому что никуда не нужно спешить. Не знаю.

— Вы меня проводите? — тихо спросила она.

— А может, еще посидим?

— Становится холодно, да и муж должен позвонить в гостиницу в восемь.

— Что ж, тогда надо спешить.

Но они шли не торопясь и так же, как и в прошлый раз, непринужденно беседовали. И вновь Климу Пантелеевичу казалось, что он знаком с Ликой давно и она вполне его понимает. По дороге присяжный поверенный рассказывал о своих приключениях в Индии. О том, как он охотился на диких слонов в княжестве Гвалиора и как в сопровождении шикари[4] он целую

неделю выслеживал тигра-людоеда, державшего в страхе не только одну деревушку, но и целый штат Раджастхан. Клим Пантелеевич с упоением описывал красоту тропической природы и животный мир джунглей.

— Как интересно! — восхищенно бормотала Лика. — А у вас есть коллекция бабочек?

— Бабочек? — удивился Ардашев. — Почему именно бабочек?

— Не знаю, — она кокетливо повела плечиком. — Но если бы я была в Индии, то обязательно наловила бы бабочек — они такие красивые!

Впереди показалась «Ялта». Расположенная по склону холма, своим парадным входом гостиница выходила на Дарсановскую улицу.

— Наверное, здесь хорошо, тихо, — предположил Ардашев.

— Да, — согласилась Лика. — Базарный шум совсем не слышен. С балкона моего номера открывается чудесный вид на море. Жаль, что сейчас оно холодное... Надобно непременно приехать сюда летом.

— Наверное, здесь хорошо, тихо, — предположил Ардашев.

— Да, — согласилась Лика. — Базарный шум совсем не слышен. С балкона моего номера открывается чудесный вид на море. Жаль, что сейчас оно холодное... Надобно непременно приехать сюда летом.

— Говорят, в августе население города увеличивается в пять раз.

Ардашев щелкнул крышкой часов.

— Без пяти минут восемь. Вам пора.

— Спасибо за вечер. Было прекрасно.

— А знаете что? Давайте как-нибудь на днях отправимся за город на экскурсию. Вы согласны?

— С удовольствием, — просияла она. — А когда именно?

— Я позвоню вам, и мы договоримся. Идет?

Она протянула руку и почти безгласно произнесла:

— Звоните, я буду ждать.

— До свидания.

От «Ялты» до гостиницы «Россия» было совсем близко. Эти два отеля разделяла улица Садовая. Вымощенная каменным известняком дорога петляла и проходила мимо храма Александра Невского. Ардашев решил срезать путь и попасть в «Россию» с тыльной стороны. Для этого надо было пересечь территорию прилегающего к гостинице парка.

Погода была прекрасна. Пахло ароматом цветущих деревьев. В лунном свете белели клумбы нарциссов и откуда-то с моря слышались крики разбуженных ночным пароходом чаек.

Пройдя саженой десять по каменной дорожке, Клим Пантелеевич замедлил шаг и остановился, будто прислушиваясь к чему-то. Затем опять зашагал как ни в чем не бывало. Он миновал пруд и там, где тропинка делала поворот, внезапно притаился за высоким кипарисом. Не теряя времени, он начал старательно выкручивать из трости ручку, которая была еще и началом длинного кинжала. Не прошло и пяти секунд, как на тропинке показался человек. Озираясь по сторонам, он не двигался. Присяжный поверенный заметил, как незнакомец достал из-за пояса пистолет. Казалось, что на его стволе было что-то надето. Клим Пантелеевич отвернул лацканы пиджака и, прикрыв ими белоснежную сорочку, бесшумно шагнул внутрь зеленых зарослей. Оттуда он хорошо видел, как, держа перед собой оружие, преследователь медленно обошел один кипарис, затем другой и крадучись стал приближаться к тому дереву, где затаился Ардашев. Его походка показалась адвокату знакомой: «По-моему, это тот самый тип, который увязался за мной в среду».

Описав круг вокруг вечнозеленого дерева, человек вновь остановился. Теперь он стоял спиной. Именно в этот самый момент предательски заиграли карильоны четверного боя карманных часов присяжного поверенного. Заслышав мелодию из оперетты Кальмана, человек начал оборачиваться. Медлить было нельзя — и длинное стальное лезвие, ломая хрящи, с хрустом пронзило шею незнакомца. Резким движением Ардашев рванул клинок на себя, и тотчас же из этого места ударил кровавый фонтан. Взмахнув руками, точно крыльями, человек повалился на спину. Одновременно раздался приглушенный выстрел, напоминающий хлопок откупоренной бутылки шампанского. Несчастный еще дышал, но конец уже был близок, и по его телу электрическими волнами пробежали предсмертные судороги. Он вздрогнул и замер. Его правая рука сжимала крохотный пистолет с порванной соской на стволе. «Надо же! — присев на корточки, удивился Клим Пантелеевич, — «Вегрия-Шарлье» — оружие редкое, производит выстрел без спускового крючка. Его заменяет скоба на рукоятке. А детская соска играла роль глушителя звука. При выстреле она раздулась шаром, задержав пороховые газы, и тут же лопнула. Что ж, довольно остроумно!»

Он обыскал убитого. Вещей оказалось немного: дверной ключ, начатая пачка папирос «Оттоман», карманная зажигательница и паспорт; в портмоне лежало восемь радужных[5], пять империалов и сложенный вчетверо полулист почтовой бумаги. Подсвечивая бензиновой зажигательницей, Клим Пантелеевич открыл паспорт. В нем значилось, что обладателем сего документа, выданного мещанской управой уездного города Ялты, является мещанин Евлампий Гурьянович Сорочинский. Ардашев вновь осветил лицо мертвеца и почувствовал, как застучало в висках от неожиданной догадки. «Мистер Борнхил?! Вот так так!» — чуть было не воскликнул он. — Это действительно судьба — проткнуть шпагой того, кто сам несколько лет назад пытался отправить тебя в мир иной».

Вторым не менее удивительным открытием для присяжного поверенного оказалось содержание сложенного листка. В нем бисерным почерком были выписаны названия книг, выданных полковнику Левицкому в библиотеке имени Жуковского.

Понимая, что оставлять документы с отпечатками пальцев нельзя, Ардашев рассовал трофеи по карманам. Затем вытер о траву клинок и собрал трость. Он размял папиросы и посыпал табаком дорожку. «Об этом происшествии пока придется молчать, — мысленно решил присяжный поверенный. — Вещи Борнхила лучше спрятать в тайник — так будет безопасней»

Затворив за собой железную калитку, Клим Пантелеевич очутился на Садовой. Прямо перед ним высилась трехэтажная «Россия». Не обращая внимания на гостиницу, он проследовал к Мордвиновскому парку.

Адвокат прогуливался походкой беззаботного отдыхающего — широко выбрасывая вперед

трость.

16

Догадка

В парке гостиницы «Ялта» шла рутинная полицейская работа: фотограф снимал в разных ракурсах труп, доктор его осматривал, а следователь Лепищинский заканчивал составлять протокол осмотра места совершения преступления. Тут же находился и ялтинский уездный пристав — коллежский асессор Михаил Михайлович Гвоздевич.

— Час от часу не легче, — вытирая платком пот со лба, выговорил судебный следователь. — За два дня — два убийства. Видано ли? И это все на Пасху! Пожалуй, такого безобразия не было с самого пятого года.

— Да-с, вы правы. Но тогда мы заранее знали фамилии смутьянов, и это позволило переловить их всего за одну неделю. А здесь — одни загадки. И даже Валет след не взял. Покрутился на месте и все — поджал хвост, — горестно вздохнул уездный исправник. — Не иначе как дорожку чем-то обработали. — Повернувшись к участковому приставу, Гвоздевич осведомился: — Так, значит, говорите, покойный работал помощником библиотекаря?

— Так точно, ваше высокоблагородие! Его опознала одна из постоялиц гостиницы. Говорит, на днях он ей книги выдавал. Это Сорочинский Евлампий Гурьянович. Появился в Ялте всего несколько недель назад.

— А откуда он взялся? Я что-то о нем не слыхивал. Думаете, ограбление, Модест Казимирович?

— Трудно сказать, — замялся следователь.

— Но от кого он собирался защищаться? — не унимался полицейский начальник. — И все-таки я склоняюсь к тому, что убитый сам хотел на кого-то напасть. Он для этого специально приготовился — соску на ствол приладил, чтобы выстрела не слышно было... М-да, — он пожевал губами, — а его противник тоже оказался не лыком шит. Надо же! Ухитрился вогнать острие в шею. А это ой как непросто! Особенно если у нападающего в руках пистолет, да еще такой необычной конструкции.

— Да-с, мне такого пистолета видеть еще не доводилось.

— Согласитесь, холодное оружие всегда проигрывает огнестрельному, а в данном разе — наоборот. Редкий случай. — Исправник приблизился к судебному медику. — Родион Наумович, а когда, по-вашему, наступила смерть?

— Вчера, между восемью и десятью пополудни.

— А что говорит портье? — Гвоздевич вновь обратился к следователю.

— Портье показал, что в это время в гостиницу приезжали и убывали разные люди числом не менее пятнадцати человек. Всех он не запомнил. В основном семейные пары. Правда, была одна особа — Авоськина Лика Мелентьевна. Я с ней разговаривал — ничего интересного. Она выгуливала пуделя. Но она шла не через парк, а по главной дороге — мимо церкви.

— Гуляла одна?

— Нет, с собачкой.

— Это я уже понял, — недовольно поморщился полицейский начальник. — А кто был с ней кроме этого пса?

— Я, собственно, не спрашивал.

— А зря, Модест Казимирович, зря. В дознании мелочей не бывает.

Следователь посмотрел в сторону пруда.

— Кстати, вон, по-моему, и она; опять с собачкой. Пойду пообщаюсь...

Лепищинский медленно побрел в ее сторону. Но не прошло и десяти минут, как он уже торопился в обратном направлении. Едва поравнявшись с полицейским начальником, он выпалил:

— Вы правы, Михаил Михайлович. Мне пришлось поднажать — сказать, что есть свидетели... И она призналась — с ней был присяжный поверенный Ардашев.

— Это тот самый адвокат, о котором вы мне говорили?

— Да.

— Насколько я помню, он приехал в Ялту, чтобы купить дачу. Могу только предположить, что помощник библиотекаря решил на него напасть с целью завладения крупной денежной суммой, которая, возможно, была при нем.

— Вряд ли, — качнул головой Лепищинский. — В таком случае убитый должен был знать об этом. В наше время уже нет надобности носить с собой пачки денег. Для этого есть чеки, векселя и, наконец, почтовые переводы. И уж если он такой дерзкий преступник, то для чего ему надо было устраиваться в читальню? Жалованье там — воробья причащать.

— А может, этот присяжный поверенный и вовсе ни при чем? Если, как говорит эта дама, они шли в гостиницу по главной дороге, то с какой стати адвокат должен был возвращаться назад через парк? А в какой гостинице он остановился? Уж не в «России» ли?

— Да как же я раньше не догадался! — воскликнул следователь и в сердцах махнул рукой. Ничего не объясняя, он побежал к полицейской коляске. И уже усаживаясь, крикнул Гвоздевичу:

— Мне надо срочно попасть в библиотеку! Я быстро!

17

Вербовочная беседа

Поручик Илиади спал не раздеваясь. До его слуха донеслась музыка. «Духовой оркестр», — отреагировало на музыку Глинки сознание. Оно еще не проснулось и находилось где-то посередине между грезами и действительностью. «Раз духовой оркестр, значит, в полку построение, — приоткрывая правый глаз, подумал офицер. — Но почему тогда я еще в постели?» Не найдя ответа на поставленный вопрос, он поднялся. Голова болела так сильно,

что казалось — она может треснуть как переспелый арбуз. Он сел на кровать и протер глаза. Поморгал и снова протер, но картинка так и не изменилась: чужое трюмо, письменный стол и два полумягких кресла, обитых малиновым бархатом. «Что за черт! Почему я здесь? Я точно помню, как вчера вечером играл на бильярде со статским коротышкой, у которого усы длиннее, чем он сам. Я прилично проигрался». Чтобы убедиться в этом, он полез по карманам, но в его руке оказалась лишь небольшая горсть меди. «Выходит, все верно», — рассеянно подумал офицер, тупо глядя на дверь. Неожиданно она открылась. На пороге появился вчерашний соперник. В руках он держал четыре бутылки пива «Калинкин».

— Доброе утро, поручик. Вижу, право, как вам тяжело. А вот и лекарство, — он лихо откупорил пару бутылок и протянул одну офицеру.

Тот жадно присосался к горлышку и, точно упырь, втянул в себя содержимое. И тут же, ничего не говоря, протянул руку за следующей. Но, насытив себя вторым «Калинкиным», он потянулся за третьим.

— Хватит, — повелительно изрек сидящий напротив коротышка и впери в него холодный взгляд.

— То есть как это? — возмутился Илиади. — А кто вы, собственно, такой, чтобы мне приказывать?

— Ваш кредитор. — С невозмутимым видом он выудил из внутреннего кармана целый ворох мятых листков, вырванных из школьной тетради, и сказал: — Вы должны мне двадцать тысяч. В Ялте я ненадолго, а потому извольте сегодня же вернуть долг.

— Сего-дн... — икнул от удивления поручик, проглотив окончание. — Где же мне их взять?

— Если к вечеру вы не расплатитесь, то завтра утром об этом станет известно вашему полковому начальству.

— Право же, сударь... были бы вы офицером, вы бы поняли, что для меня это катастрофа... мне придется пустить себе пулю в лоб. Но в таком случае и вы ничего не получите.

— Как раз наоборот!.. Поскольку вы холостяк, то вашим духовным наследником по закону станет ваш достопочтенный батюшка — обладатель солидной недвижимости в Ялте. Он унаследует все ваши долги. Ему, насколько я знаю, не составит труда со мной рассчитаться. Так что давайте — стреляйтесь.

— О-о! Вижу, вы времени даром не теряли! Послушайте, как вас... позвольте узнать...

— Уже запомнили? — усмехнулся кредитор. — Мяличкин Константин Юрьевич.

— Ах да, простите. Так вот, — поручик опустил глаза в пол, пытаясь собраться с мыслями, — я могу, конечно, обратиться к отцу, но, откровенно говоря, я бы этого не хотел. Однако вы не оставляете мне другого выхода.

— Выход, поручик, всегда есть.

— И какой же?

— Вчера вы мне доверительно сообщили, что к вам обратился начальник Ялтинского гарнизона генерал-майор Думбадзе. Он предложил вам участвовать в преступлении —

устранить находящегося в Ялте Григория Распутина. И вы согласились. Так?

Илиади покачал головой:

— Я, простите, в тот момент не совсем был в пропорции. И мог нести любую околесицу.

— Видите ли, Анатолий Константинович, тут все намного сложнее, чем вы можете себе представить. Я ведь тоже офицер и служу в Генеральном штабе.

— Вы? — поручик уставился на визави стеклянным взглядом.

— Как вы понимаете, я не могу допустить, чтобы свершилось то злодеяние, о котором вы мне вчера поведали. Именно поэтому мне придется допросить вас официально. А после этого, в целях предупреждения совершения преступления, я ознакомлю с протоколом вашего допроса господина Думбадзе. И я не думаю, что после этой беседы вы останетесь служить под его началом, находясь поблизости от своего папеньки. Однако если вы согласитесь оказать мне одну небольшую услугу, я подчеркиваю — всего одну, я не только забуду о вчерашнем разговоре, но и прощу вам весь долг. Итак, решайте, — Мяличкин щелкнул крышкой карманных часов, — у меня мало времени.

— Как вы понимаете, я не могу допустить, чтобы свершилось то злодеяние, о котором вы мне вчера поведали. Именно поэтому мне придется допросить вас официально. А после этого, в целях предупреждения совершения преступления, я ознакомлю с протоколом вашего допроса господина Думбадзе. И я не думаю, что после этой беседы вы останетесь служить под его началом, находясь поблизости от своего папеньки. Однако если вы согласитесь оказать мне одну небольшую услугу, я подчеркиваю — всего одну, я не только забуду о вчерашнем разговоре, но и прощу вам весь долг. Итак, решайте, — Мяличкин щелкнул крышкой карманных часов, — у меня мало времени.

— У вас папирос не найдется?

— Пожалуйста, — он открыл портсигар. — Я служу в отделе контрразведывательных операций. Мы выявляем иностранных лазутчиков, и нам нужны честные патриоты, готовые помогать России. Такие, как вы. — Чиркнув спичкой, он поднес ее к папиросе поручика. — Закуривайте.

Сделав пару затяжек, Илиади спросил:

— И что я должен делать?

— Вы ведь работаете в штабе?

— Да.

— Нужно будет передать от имени Думбадзе одну и ту же зашифрованную телеграмму на имя директора Департамента полиции и министра внутренних дел. Вы отдадите ее телеграфисту и скажете, что это указание генерала.

— А что будет со мной потом, когда все выяснится?

— Вам надлежит все отрицать. Однако если у вас все же начнутся неприятности по службе, мы добьемся вашего перевода в другой полк, естественно, на более высокую должность.

Поручик выпустил струю дыма и затушил папиросу в хрустальной пепельнице.

— Ну, хорошо. Я согласен.

— Вот и ладно, вот и договорились, — обрадовался Мяличкин и вынул из ящика стола лист бумаги. — Вам надобно подписать согласие на сотрудничество. Благодаря этой формальности мы сможем помогать вашему продвижению по карьерной лестнице.

Мяличкин подобно гимназическому учителю словесности диктовал текст. Стальное перо скрипело по бумаге, и поручику казалось, будто и оно насмехается над ним. Закончив писать, он поднял глаза.

— Все, — обрадованно выговорил капитан. — Теперь распишитесь и поставьте дату.

— А какое сегодня число?

— Двадцать пятое марта — светлый праздник.

— Надо же, какое совпадение!

— О чем вы?

— По-моему, мы забыли главную строку.

— Да? И какую?

— Сим я отрекаюсь от Господа моего Иисуса Христа, а душу свою отдаю дьяволу и подчиняюсь ему полностью, вечно и навсегда, в чем и расписываюсь кровью.

Мяличкин разразился гомерическим хохотом:

— Полноте, поручик! Вы не доктор Фауст, а я не сатана. Ставьте подпись и забирайте долговые расписки.

Илиади чиркнул пером, сунул в карман тетрадные листки и, поднявшись, шагнул к двери.

— Пойдите, — окликнул его капитан. — Завтра в восемь вечера я жду вас здесь. Вы получите текст телеграммы. Извольте не опаздывать.

Офицер кивнул и потянул на себя ручку двери. «Надо же! — спускаясь по ступенькам, подумал он. — Как может резко измениться человеческая жизнь. Еще недавно я беззаботно волочился за дамами и был сам себе генерал. Теперь же я вынужден поступать так, как мне указывают другие. И никому нет дела — нравится мне это или нет. Меня даже никто об этом не спрашивает. А на душе-то противно — будто помоями опоили». «Извольте не опаздывать», — вспомнил он последнюю фразу капитана и покачал головой: «Ишь ты, полкового командира из себя корчит. Ладно, посмотрим, что из этого выйдет, господин Люцифер».

Поручик запустил руку в карман — меди как раз хватало, чтобы добраться до дома. Он окликнул извозчика. Из открытой коляски офицер растерянно смотрел на разукрашенные витрины магазинов и на пеструю толпу радостных и беззаботных людей. Город праздновал Пасху.

В ливадийском храме шла пасхальная литургия. Служили обедню. Их Императорские Величества с августейшими дочерьми внимали «Христос воскрес из мертвых...».

В такие минуты Николаю Александровичу становилось особенно грустно — вспоминался последний спокойный для него 1894 год. Тогда он мог еще просто жить, а не править. Ведь на троне был его отец. Но монарх, которого уважала вся Европа, тяжело болел. Некогда могучий, суровый и властный самодержец превратился в худого и высохшего старика. Приступы почечных колик уложили царя в постель и не давали возможности работать. По совету профессоров его отправили в Ливадию. Предчувствуя скорый конец, Александр III позвал к себе молодого царевича и дрожащими губами проронил: «Будь твердым и справедливым, люби свой народ, почитай Господа. И главное — избегай войны. Война для России — гибель...» Едва с его уст сорвались последние слова, как он впал в забытие. А в четверг, 20 октября, у отца началась агония. Но Император уходил из жизни с достоинством — он пробормотал короткую молитву и простился с матерью: «Я чувствую, что моя жизнь завершается. Будь спокойна. Я готов к смерти». Он смежил веки и положил голову на плечо Императрицы. Казалось, он заснул, и она не сразу заметила, как ее муж перестал дышать. Вскоре залпы военных кораблей, стоявших в Ялтинской бухте, возвестили, что душа Александра III отправилась к небесам.

«Пресвятая Богородице, спаси нас!» — несло под сводами собора, и пахло ладаном. Николай II молился. Украдкой он окинул взглядом тех, кто клялся ему в преданности. За его спиной стояли министр внутренних дел сенатор Макаров с супругой, генерал-адъютант Трепов с супругой кавалерственной дамой, жена дворцового коменданта госпожа Дедюлина, таврический губернатор церемониймейстер граф Апраксин с женой, генерал-майор Янев с супругой, генерал-майор Думбадзе и архитектор Высочайшего двора Краснов. Во втором ряду — свитные дамы Государыни Императрицы, министр Императорского двора, а также офицеры Собственных Его Императорского Величества конвоя и сводного пехотного полка.

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу... Яко живоносец, яко рая краснейший, воистину и чертога всякаго царскаго показася светлейший, Христе, гроб Твой, источник нашего воскресения. И ныне и присно и во веки веков. Аминь... Вышняго освященное Божественное селение, радуйся: Тобою бо дадеся радость, Богородице, зовущим: благословенна Ты в женах еси, всенепорочная Владычице... Господи, помилуй, господи, помилуй, господи, поми-илу-уй!» — раздавались песнопения.

Государь вспомнил, как в этой церкви Аликс принимала крещение. А потом, всего через неделю после смерти отца, состоялось их бракосочетание. Медовый месяц оставил грустное воспоминание — он протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Молодая жена часто плакала и все твердила, что это дурное предзнаменование.

Вскоре служба закончилась. Николай Александрович с семьей покинул Крестовоздвиженскую церковь и проследовал во дворец. За ним потянулись приглашенные к разговению — все те, кто только что молился вместе с ним в храме.

По традиции перед обедом Их Императорских величеств поздравили с Великой Пасхой. К присутствующим на молебне присоединилось все придворное духовенство, выехавшее в Ливадию, а также депутация от 51-го Литовского наследника цесаревича полка, генерал-лейтенант Гернгросс с офицерами лейб-гвардии конного Его Величества полка, заведующий хозяйством гофмаршальской части генерал-лейтенант Аничков, комнатная прислуга их Императорских Величеств и Их Высочеств, придворные служители и служащие конюшенной части, камергер Качалов с лицами ливадийско-массандровского управления, генерал-лейтенант Мосолов с чинами канцелярии министерства Императорского двора, дежурные

фельдъегеря, служащие певчей капеллы и даже водители гаража. Все приносившие поздравления имели счастье христоваться с Государем и получить из его рук по пасхальному яйцу.

Император обратился к офицерам лейб-гвардии конного Его Величества полка:

— Господа офицеры! Сегодня, в день полкового праздника, я поднимаю этот бокал за славу и процветание старой конной гвардии, за здоровье настоящего состава полка, а также за всех, кто имел честь служить в нем!

С последним словом императора грянул полковой марш в исполнении хора музыки гвардейского экипажа.

Первой переменной шел суп «Святого Жермена» с растертым горохом и мелко нарезанными кусочками копченой ветчины; за ним подали холодную осетрину, соус «Ремулад» и маленькие кулебяки; следом — рагу из белого мяса домашней птицы с лапшой, эскалоп из телятины, молочный поросенок с кашей по-ялтински, фермерские перепела с красной капустой, салат винегрет. Десерт состоял из желе по-парижски, холодного маседуана, земляничного мороженого в шампанском и пирожных с кремом безе. Из алкогольных напитков пили сухое французское вино «Рафаэль», крымские вина из магарачских подвалов, «Шустровский» коньяк и «Смирновскую».

По окончании обеда Государь проследовал в кабинет, служивший ему и библиотекой. Почти сразу к нему пригласили генерала Думбадзе, который заранее просил аудиенции у монарха и был записан в камер-фурьерском журнале.

— Присаживайтесь, Иван Антонович, — Николай Александрович указал на кресло, стоящее перед его столом. — Как семья? Как дети?

Вопрос о детях не был самым любимым для генерала, потому что от трех разных браков Думбадзе имел пятерых сыновей, двух дочерей и одного пасынка.

— Спасибо, Ваше Величество, все живы и здоровы.

— Дай Бог, дай Бог. — Он достал из бокового кармана гимнастерки мундштук в золотой оправе, вставил папиросу и подкурил от массивной настольной зажигательницы в виде прыгающего дельфина. Сделав несколько глубоких затяжек, спросил: — Как я понимаю, вы хотели о чем-то со мной поговорить?

— Позвольте, Ваше Величество, коснуться одного вопроса, — голос генерала дрогнул. — В гостинице «Ялта» проживает Григорий Распутин. Ежедневно он навещается к Вашему Величеству. Это обстоятельство вызывает раздражение не только среди обывателей, но и в рядах местного духовенства. Позвольте попросить вашего соизволения на принятие некоторых мер... Я имею в виду административную высылку.

Аромат турецкого табака наполнил комнату. Царь не проронил ни слова. С сосредоточенным видом он выравнял в один ряд настольные приборы: серебряные часы, пресс-папье, перочинный ножик для оттачивания карандашей, книжную разрезку... Затушив нервными толчками папиросу, Государь отодвинул пепельницу, поднялся из-за стола и подошел к окну. Не отрывая взгляда от раскинувшегося до самого горизонта моря, он спросил:

— Это все?

— Да, Ваше Величество.

— Святой старец человек свободный. Он сам волен решать, где ему находиться. — Монарх повернулся к Думбадзе. — Я распорядился передать пасхальные подарки вашим детям — всем, независимо от возраста.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Разрешите идти?

— Всего доброго, Иван Антонович.

Генерал прикрыл за собой дверь и, шагая к выходу, пытался избавиться от возникшего сомнения в правильности избранного им поступка. «Ничего, потомки рассудят», — успокоил он себя, спускаясь по мраморной лестнице дворца.

19

Старец

В тот самый момент, когда мучимый догадками судебный следователь Лепищинский бросился на поиски библиотекаря, Клим Пантелеевич Ардашев ехал в «Руссо-Балте» в гостиницу «Ялта». Рядом с ним восседал некий господин с бритым лицом, представившийся Ароном Симановичем — секретарем Григория Распутина. Еще вчера вечером, придя с «экскурсии» по Мордвиновскому парку, присяжный поверенный получил от портье запечатанный конверт, в котором в самой вежливой форме была изложена просьба о личной встрече с Григорием Распутиным. Аудиенция предполагалась в гостинице «Ялта» в десять утра. Секретарь старца обещал прибыть за пятнадцать минут до рандеву.

Откровенно говоря, большой радости от предстоящего знакомства адвокат не испытывал. «Допустим, этот Распутин мне неприятен, — мысленно рассуждал Клим Пантелеевич, — ну и что с того? Добавлю в свою коллекцию персонажей еще одного отрицательного героя. Глядишь, и выплывет в будущем романе. Надо использовать пресловутое «правило лимона»: если от кислоты сводит оскоминой скулы — посыпь дольки сахаром и съешь их с удовольствием».

У парадного входа стояло несколько полицейских пролеток и больничная карета. Два санитары — один толстый, другой тощий — с трудом несли носилки, закрытые серой больничной клеенкой. «Ну что, мистер Борнхил, — усмехнулся про себя Ардашев, — на этот раз вы проиграли. Но ничего не поделаешь, такова наша с вами судьба. Сегодня вас перехитрил я, а завтра и меня кто-то отправит к праотцам. Как говорится, every bullet has its billet[6]».

Номер, который снимал Распутин, располагался на втором этаже. Сопровождающий Ардашева человек постучал в дверь с цифрой «12» и, услышав одобрительный возглас, пригласил войти.

Перед Климом Пантелеевичем возник простой русский мужик с густой, неухоженной бородой. Его длинные, расчесанные на прямой пробор волосы спадали на плечи, и от этого он походил на монаха. Большой открытый лоб, свето-серые глаза, сидевшие глубоко, прямой мясистый нос и острый пронзительный взгляд встретили присяжного поверенного у самого входа. Он был одет в лиловую шелковую рубаху с поясом, английские полосатые брюки, заправленные в высокие хромовые сапоги-бутылки. В комнате невыносимо пахло ваксой.

— А вот и гость пожаловал, — пробасил хозяин. — Ну садись, садись, дорогой, разговоры будем

разговаривать.

Не произнося ни слова, Клим Пантелеевич опустился в кресло. Распутин уставился на адвоката, словно пытаясь его загипнотизировать. Ардашев поймал недобрый взгляд и вперился прямо в переносицу визави. И вдруг старец вздрогнул, прикрыл на миг глаза и, будто пытаясь снять с лица паутину, провел по нему ладонью. Затем он отнял руку и сказал:

— Ох и крови на тебе, мил человек! Но ты молись, кайся перед Господом! Он простит! А грех на то и дан, чтобы каяться!

— Я вас слушаю, — сухо выговорил Ардашев.

— Да-да. — Он посмотрел на секретаря. — Ты ничего еще ему не говорил? — Секретарь отрицательно покачал головой. — Ну дык, тада я и поведаю. Вишь какое дело... Ароша сказывал, что ты мастак всякие загадки отгадывать. Но берешь за это немалые деньги. — Он вынул из кармана брюк толстую пачку перевязанных бечевкой радужных и положил на журнальный столик.

— На, возьми.

Клим Пантелеевич не шелохнулся.

— Мы просить тебя хотим, чтобы ты помог России-матушке... Ты понял?

Ардашев покачал головой.

— Григорий Ефимович, позвольте я все объясню? — вмешался секретарь.

— Ладно, валяй. У тебя язык побойчей.

— Видите ли, какое дело, уважаемый Клим Пантелеевич. Несколько дней назад к Григорию Ефимовичу напросился на встречу один полковник откуда-то из периферии. Из его слов следовало, что он сделал очень важное открытие, связанное с вертолетами. Как он нам объяснил, в настоящее время французские конструкторы вертолетов бьются над одной проблемой: они не могут заставить эту машину подняться и совершить горизонтальный полет. По его словам, все дело в некоем устройстве. Вот его-то и придумал полковник. С чертежами и выкладками он поехал в Москву на выставку воздухоплавания. Но сколько он ни пытался обратить внимание военных на его открытие — все тщетно. Даже великий князь Александр Михайлович, который помогает авиаторам, не удостоил вниманием его разработки. Но, узнав из газет, что царская семья собирается в Ливадию, он отправился в Ялту. Здесь Левицкий пытался пробиться на прием к Государю, но такой чести ему не оказали. И тогда он пришел к Григорию Алексеевичу и попросил проинформировать Его Величество о важном открытии. Естественно, я объяснил ему, что для этого нам потребуются чертежи и пояснения. Кое-что было при нем. — Он вынул из папки три листа обычной почтовой бумаги и передал их Ардашеву. — Вот, возьмите.

— Это все?

— Нет. По его словам, он снял почти все, но оставался один самый важный лист, который полковник пообещал принести сразу, как только снимет с него копию. Правда, перед самым уходом он обмолвился, что ему кажется, будто за ним ведется слежка, и он очень опасается, что это связано как раз с его новшеством. А на следующий день он повесился в собственном номере. Согласитесь, все это весьма странно. Совершенно случайно от одного официанта я

узнал, что вы, господин Ардашев, находитесь в Ялте. Я читал в газетах о ваших расследованиях, и потому мы решили обратиться именно к вам, а не в полицию. Во-первых, полиция все равно ничего не отыщет, а во-вторых, генерал Думбадзе и полицейский начальник Гвоздевич не питают к Григорию Ефимовичу добрых чувств.

Распутин потряс кулачищами и воскликнул:

— Нехристи! Вот напущу на них Демонов! — И, глядя на Ардашева, уже совсем смирным тоном сказал: — А деньги ты возьми. Они пригодятся. За всяку работу должно людям платить.

Симанович вынул из той же папки лист гербовой бумаги и протянул его адвокату.

— Вот, Клим Пантелеевич, прочтите. Это прошение Левицкого на имя Государя.

Ардашев читал и не верил своим глазам:

«...мною сконструирован воздухоплавательный аппарат с новым принципом полета. Заключается он в том, что если над летательным аппаратом создать за счет вращения винта искусственную бурю, то под влиянием этой силы он будет держаться в воздухе, подниматься и опускаться, а также передвигаться в разные стороны, обеспечивая при этом полную безопасность полета. Таковое было бы невозможным без изобретения принципиально нового механизма, названного мною автоматом перекоса. Благодаря ему можно управлять несущим винтом геликоптера».

— А может, Ароша, мы мало денег аблакату дали? А? Пойди еще принеси. Они там... сам знаешь...

— Послушайте, господа, никакой оплаты мне не нужно. Погибший полковник Левицкий мой земляк, и я уже взялся за расследование этого дела. Так что обойдемся без денег. Вы позвольте, я возьму с собой чертежи и это прошение?

— Да-да, забирайте всю папку! — замахал руками Симанович.

— Я, кстати, уже установил, что Левицкий был убит.

— Вот видите, Григорий Ефимович, я же вам говорил, что Клим Пантелеевич распутает любое дело.

— Так и хорошо! Вот пусть и деньжата возьмет.

— Благодарю вас, но я не настолько корыстен, как может показаться.

— Ай-ай-ай! — покачал головой Григорий. — Нешто можно так? А сколько в твоём городе храмов, мил человек?

— Семнадцать.

— Так будет восемнадцать! Ароша, неси капиталы! Серенькие[7] давай! — Симанович не двинулся. — Я что тебе сказал! — прикрикнул Распутин и так стукнул кулаком по столу, что зашаталась фарфоровая ваза.

Секретарь стремглав, будто ему в штаны подлили скипидару, бросился в соседнюю комнату и тут же вернулся с еще более увесистой пачкой двухсотрублевых купюр.

— На вот, дорогой, возьми. Коли у самого нет нужды — на храм жертвуй! Грех не брать на доброе дело! Токмо скажи своим попам, что это от Григория Ефимовича, от святого старца земли русской. Скажешь? Ладно? — попросил он умоляюще.

— Непременно. На храм, так на храм. Как вы отнесетесь к тому, если выяснится, что злодей, который расправился с полковником, сам уже на том свете? Тогда ваши деньги могут быть потрачены впустую.

— Как это зазря? Да ежели Господ покарал душегуба, так, значит, и суд Божий над ним свершился! Вот ты и отблагодаришь Создателя — храму деньги пожертвуешь. Но и себя не забудь... А мы, буде понадобится, скоро снова в окаянную столицу махнем.

— Ну, хорошо, допустим. Как вы узнаете, что я выполнил обещание и отыскал преступника, если вы только что сказали, что, может быть, скоро из Ялты уедете?

— Я, милай, вижу, что ты честный интеллигент и за нос меня водить не станешь.

— Послушайте, Григорий Ефимович, — присяжный поверенный бросил на старца испытующий взгляд, — а для чего вам все это нужно? Ну, зачем тратиться? Сообщили бы в полицию — и дело с концом.

— Нет, ну ты смотри, Ароша, что за человек! Никак уразуметь не хочет! — Распутин хлопнул себя по коленкам и нервно заходил по комнате. Остановившись, он несколько секунд молча смотрел в окно, потом резко повернулся и сказал: — Ты думаешь, Гришка — пьянь, Гришка — бабник, Гришка впился в царскую семью, точно клещ! Да? А я, ежели хочешь знать, токмо о России и думаю, о благе, о людях простых, коим жить невмоготу на свете... А скольким я помог? Тебе это ведомо? Кому коровку, кому на дохтора, кому избу новую справил... Да ежели бы не я, наш бы мужичонка уже давно в окопах бы сгнил. А я не дал!.. А может, ты чаешь, что землю нашу любит единственно тот, кто в Думе портки просиживает? Вот они кровопийцы и есть! И Царя нашего батюшку ненавидят... А он, — Распутин потряс над головой указательным пальцем, — помазанник Божий! Его власть самим Господом дадена! Вот я и хочу для самодержца нашего, а выходит, для России-матушки что-то хорошее сделать. — Он помолчал несколько секунд и добавил: — Да и полковника жалко. Добрый он был, не то что ты... в тебе зла много...

— Послушайте, Григорий Ефимович, — присяжный поверенный бросил на старца испытующий взгляд, — а для чего вам все это нужно? Ну, зачем тратиться? Сообщили бы в полицию — и дело с концом.

— Нет, ну ты смотри, Ароша, что за человек! Никак уразуметь не хочет! — Распутин хлопнул себя по коленкам и нервно заходил по комнате. Остановившись, он несколько секунд молча смотрел в окно, потом резко повернулся и сказал: — Ты думаешь, Гришка — пьянь, Гришка — бабник, Гришка впился в царскую семью, точно клещ! Да? А я, ежели хочешь знать, токмо о России и думаю, о благе, о людях простых, коим жить невмоготу на свете... А скольким я помог? Тебе это ведомо? Кому коровку, кому на дохтора, кому избу новую справил... Да ежели бы не я, наш бы мужичонка уже давно в окопах бы сгнил. А я не дал!.. А может, ты чаешь, что землю нашу любит единственно тот, кто в Думе портки просиживает? Вот они кровопийцы и есть! И Царя нашего батюшку ненавидят... А он, — Распутин потряс над головой указательным пальцем, — помазанник Божий! Его власть самим Господом дадена! Вот я и хочу для самодержца нашего, а выходит, для России-матушки что-то хорошее сделать. — Он помолчал несколько секунд и добавил: — Да и полковника жалко. Добрый он был, не то что ты... в тебе зла много...

В комнате повисла неловкая тишина. На выручку пришел Симанович. Он протянул Ардашеву руку и сказал:

— Будем считать, Клим Пантелеевич, что мы договорились. Так?

— Хорошо, — адвокат ответил на рукопожатие и, глядя на «зеркальные» сапоги Распутина, вновь ощутил неприятный запах гуталина. Ардашев молча положил деньги во внутренний карман пиджака, забрал папку и уже у самой двери сказал:

— Мое «зло», Григорий Ефимович, во благо тех самых простых людей, которым, как вы изволили выразиться, «жить не вмоготу на белом свете». Засим откланиваюсь.

— Позвольте, Клим Пантелеевич, я распоряжусь, чтобы вас довезли, — слюбезничал секретарь.

Присяжный поверенный кивнул и вышел в коридор. За ним торопливо проследовал Симанович.

20

Ночь на Уайтхолл — Корт

Менсфилд Камминг сидел в кабинете один. Портьеры были плотно задернуты, электрический свет выключен, а на столике перед креслом догорала свеча. В пепельнице дымилась трубка.

Настроение у начальника Иностранного отдела бюро секретных служб Соединенного Королевства было преотвратное. И даже любимый чай с молоком, казалось, горчил. То, что случилось в Ялте с Донном, он никак не мог объяснить. Вернее, он не знал точную причину произошедшего. Первым тревогу забил связной, когда на оговоренный адрес не пришла условленная телеграмма. А потом на запасной канал связи вышел Чинар — завербованный русский агент, тот, о котором знали только Камминг и Борнхил. Именно Чинар на свой страх и риск послал письмо с условленным количеством наклеенных марок на конверте. Их последовательность означала: «Куратор убит, действую самостоятельно».

Теперь Каммингу надо было сделать выбор: либо приостановить операцию до прибытия в Ялту нового руководителя Чинара, либо дать русскому агенту карт-бланш. Первый вариант грозил потерей времени, а стало быть, и возможным провалом операции. Второй же нарушал святое правило разведки — ничего не предпринимать до полного выяснения ситуации с провалом. А вот что же на самом деле случилось с Борнхилом, до сих пор было неясно. Позже из посольства в Петербурге пришла шифровка, что согласно заметке в «Русской Ривьере» тело библиотекаря Евлампия Гурьяновича Сорочинского обнаружили в парке гостиницы «Ялта» воскресным утром 25-го марта — в день православной Пасхи — с пистолетом в руке и дыркой в горле. Вот и все, что было известно на сегодня.

Естественно, Менсфилд предполагал, что виновником смерти Донна мог быть тот самый присяжный поверенный Ардашев, которого он и собирался ликвидировать. А если нет? А если Кадберта убрала русская контрразведка? Что тогда? Да и кто может поручиться, что Чинар не разоблачен и не ведет двойную игру? Понятно, что в любом случае теперь следовало отправить в Ялту нового человека. Только вот успеет ли он до отъезда Распутина? Но с другой стороны, а чем, собственно, рискует Лондон, если разрешит агенту самостоятельно устранить сибирского мужика? Если ликвидация удастся — сразу все прояснится: во-первых, будет достигнута желаемая цель, а во-вторых, Чинар докажет свою преданность Британии. Но оставалось еще одно обстоятельство, в которое совсем не хотелось верить, — Донна мог убить австрийский или

немецкий агент.

Менсфилд откусил щипчиками нагар на фитиле свечи, и пламя разгорелось с новой силой. Он потянул несколько раз трубку, и в горле привычно защекотало. «Да, — подумал капитан, — с некоторых пор соперничество между британскими и немецкими тайными службами приняло характер жесткого противостояния. Немцы со свойственной им педантичностью развернули на территории России широкомасштабную кампанию по сбору информации. Они ухитрились заставить работать на себя не только своих колонистов, но и коммерсантов, торговавших на русской земле». Например, известная компания швейных машин Singer поделила всю европейскую территорию России на сорок два условных отделения. Во главе каждого стоял управляющий, как правило, немец. Отделения делились на депо, каждое из которых тоже возглавлял подданный Германии. Депо в свою очередь разделялось на участки городских и уездных сборщиков, а фактически — тайных агентов. Они должны были предоставлять своему руководству списки населенных пунктов с указанием не только количества жителей, дворов, но и расположения железнодорожных узлов, складов и дислокации воинских частей. Коммивояжеры Singer разъезжали по необъятным российским просторам и щедро предлагали военным и гражданским чинам «значительные» скидки. И многие легковверные чиновники, статские и военные, ради получения десятипроцентного уменьшения цены (а машинка стоила тридцать пять рублей) называли место работы, должность и в процессе разговора выбалтывали такие сведения, за которые шпики Вильгельма II выложили бы более щедрое вознаграждение.

Менсфилд усмехнулся, вспоминая, как недавно английским военным атташе был завербован русский князь из военного министерства, который за пять тысяч фунтов стерлингов продал Лондону все то, на что немцы потратили столько лет кропотливого труда со своими «Зингерами», отделениями и депо.

Сложности с Берлином у Лондона возникали тогда, когда интересы британских и немецких шпионов пересекались. Подопечные Камминга в таких случаях поступали просто — через двойного агента они «сливали» русским информацию о немецких шпионах. Немцы же предпочитали, не мудрствуя лукаво, тихо «устранять» коллег из туманного Альбиона.

Вот и сейчас нельзя было сбрасывать со счетов и такое вероятие событий касательно Донна. Тем более со всей очевидностью становилось ясно, что в Ялте действовал не один, а несколько агентов Nachrichten-Bureau[8]. Не сильно отставали от немцев и союзники из Австро-Венгрии.

Когда за окнами уже забрезжил рассвет, а в фарфоровой чашке почти не осталось чая, Камминг принял единственно правильное, на его взгляд, решение. Он все-таки рискнет и разрешит Чинару провести операцию самостоятельно — Nothing venture, nothing have[9]. И уже завтра направит в Россию другого офицера. Новому посланнику предстояло не только проверить лояльность агента, но и разобраться в истинной причине смерти майора Борнхила.

21

Букет белых роз

Подкатив на «Руссо-Балте» к гостинице «Россия», адвокат заметил в вестибюле Нижегородцева. Доктор сидел за кофейным столиком в компании Сорокопятова. Оба со скучающим видом пили чай. Завидев Ардашева, Николай Петрович радостно воскликнул:

— Ну вот, слава богу, наконец-то вы и нашлись. А мы тут с Ярополком Святославовичем вас дожидаемся. Присаживайтесь, Клим Пантелеевич, я велю еще один прибор поставить.

— Не откажусь, — вымолвил Ардашев, обрадовавшись возможности загладить неловкость вчерашнего вечера. Усаживаясь в кресло, он спросил: — И как ваши литературные изыскания, Ярополк Святославович?

— Помаленьку, Клим Пантелеевич. С удовольствием пообщался со стариком Синани — удивительный, можно сказать, человек. Столько интересных фактов помнит об Антон Павловиче! Вот давеча рассказывал анекдотичную историю: как-то Чехов получил письмо из Одессы. Почтенный глава семейства жаловался, что его дочь — восемнадцатилетняя барышня — плыла на пароходе из Севастополя в Одессу и там, на палубе, познакомилась с... Чеховым. «И как вам не стыдно, господин Чехов! — негодуяще писал отец. — Вы сочиняете такие симпатичные рассказы, а позволяете себе приставать к девушке со столь омерзительными предложениями!» Рассказав эту историю, Антон Павлович рассмеялся, потом снял пенсне и пояснил: «А я никогда из Севастополя в Одессу не ездил».

— Действительно забавно, — улыбнулся Клим Пантелеевич.

Появился лакей с подносом. На столике оказалась чайная пара и стакан с блюдцем. Налив чаю доктору и адвокату, он в нерешительности остановился перед Сорокопятовым — из его пустого стакана выглядывала чайная ложка.

— Изволите еще?

— Нет, любезный, спасибо. Напился. — Писатель повернулся к Ардашеву. — А вы слышали, Клим Пантелеевич, что вчера в парке гостиницы «Ялта» обнаружили труп? За два дня — два убийства!

— Да, странные вещи творятся в Ялте, — согласился присяжный поверенный.

— А вас недавно судебный следователь разыскивал. Портье сказал, что вы куда-то уехали. Он, кстати, спрашивал меня, где вы были вчера с восьми до десяти пополудни.

Не успел доктор договорить до конца фразу, как на входе показался Лепищинский.

— Доброе утро, господа! Клим Пантелеевич, не могли бы вы дать мне аудиенцию?

— А вы присаживайтесь, — предложил Нижегородцев. — Я велю еще чаю...

— Нет-нет, благодарю, но мне было бы желательно переговорить с Климом Пантелеевичем тет-а-тет.

— Ну хорошо, — вздохнул адвокат. — Видно, не суждено мне сегодня почаявничать. Что ж, в таком случае я предлагаю пройтись.

— Отличная идея, — согласился следователь. — Только давайте прогуляемся до парка гостиницы «Ялта».

Оказавшись на улице, Лещинский спросил:

— Вы слышали об убийстве помощника библиотекаря?

— Простите?

— В парке гостиницы «Ялта» неизвестный злоумышленник пронзил горло служащему библиотеки имени Жуковского. Кстати, вы, просматривая там вчера книги, заказанные убитым

полковником, и могли его видеть.

— Кого? — поигрывая тростью, осведомился присяжный поверенный.

— Убитого помощника библиотекаря.

— Допустим. И что с того?

Потеряв терпение, Лепищинский перешел на холодный официальный тон.

— Извольте пояснить, где вы находились вчера между восемью и десятью вечера?

— Гулял. А в девять я был уже в гостинице. Спросите у портье.

— Он это уже подтвердил. Но меня интересует время с восьми до девяти.

— Пойдите, вы что же это... меня подозреваете?

— Я всего лишь проверяю факты, которые складываются пока не в вашу пользу.

— То есть как? — Ардашев с удивлением нахмурился.

— Для начала все-таки ответьте на поставленный вопрос: где вы были вчера между восемью и девятью вечера.

— Гулял.

— Хорошо, давайте тогда я поставлю вопрос иначе: после того, как вы проводили госпожу Авоськину до гостиницы «Ялта», вы возвращались назад через парк?

— Господи, — покачал головой Клим Пантелеевич, — вы уже и до бедной женщины добрались. Но вы правы: я действительно решил подсократить дорогу.

— Как утверждает портье гостиницы «Ялта», уже в восемь часов госпожа Авоськина разговаривала с мужем по телефону. Следовательно, примерно в это время вы пошли через парк, чтобы срезать путь до вашего отеля. Но там вы появились только в девять. Скажите, где вы находились почти час?

— Послушайте, Модест Казимирович. Я ведь вам уже сказал, что я совершал пешую прогулку. Если хотите, чтобы я подробно описал маршрут, — извольте: с Садовой я повернул на Платановую, потом на Мордвиновскую, а оттуда на набережную.

— Получается, вы гуляли вечером по Мордвиновскому парку? Этому прибежищу воров и грабителей?

— Да? — адвокат округлил глаза. — Если бы я знал эти подробности, то непременно бы воздержался от его посещения.

Следователь в нерешительности остановился у калитки.

— Прогуляемся?

— С удовольствием, — пожал плечами адвокат.

Парк, казавшийся серым ночью, днем предстал во всей красе. Зеленые кипарисы не выглядели теперь такими мрачными, да и клумбы нарциссов ожили при солнечном свете. Особенно поражала садовая часть: у каменной ограды красными соцветиями горел миндаль и персики, над которыми носились пчелы. Клим Пантелеевич залюбовался гранатом, цветущим темно-бордовыми лепестками.

— Не правда ли, красивое дерево? — проговорил Лепищинский.

— А мне отчего-то оно кажется зловещим.

— Может быть, вы и правы, если учесть, что в десяти саженях от него, — он указал рукой, — вон под тем кипарисом мы и нашли несчастного библиотекаря.

— Он был застрелен?

— Нет, ему проткнули шею чем-то вроде шпаги.

— Надо же, — покачал головой присяжный поверенный, — а я-то думал, что этот вид холодного оружия уже давно вышел из моды.

— Надо же, — покачал головой присяжный поверенный, — а я-то думал, что этот вид холодного оружия уже давно вышел из моды.

— Как видите, нет. В руке у него был пистолет с надетой на ствол соской. Он успел выстрелить всего один раз. Но звука никто не слышал.

Адвокат кивнул:

— Соска должна была воспрепятствовать мгновенному выходу пороховых газов и приглушить звук выстрела, не так ли?

— Вы абсолютно правы. И все-таки, Клим Пантелеевич, вы мне что-то не договариваете. Ведь не будете же вы отрицать, что убийство полковника Левицкого, который посещал читальню, и смерть библиотекаря связаны?

— Несомненно.

— Но именно после вашего визита в библиотеку на этой тропинке произошла какая-то схватка. Я не знаю, были ли вы ее участником или нет, но у меня есть подозрения, что вам известно гораздо больше, нежели мне. По какой-то неведомой причине вы не хотите быть откровенным. Бог вам судья. Но имейте в виду, может так случиться, что на вас падет обвинение в смертоубийстве библиотекаря Сорочинского. И тогда я уже ничем не смогу вам помочь, тогда как чистосердечное признание...

— Послушайте! — перебил его Ардашев. — По-вашему выходит, что я, после того как проводил даму, вытащил из постели этого бедолагу, приволок его в парк гостиницы «Ялта» и тут же прикончил шпагой? А потом для чего-то вложил ему в руку пистолет с соской на стволе и нажал на спусковой крючок? Простите великодушно, но неужели я и в самом деле похож на идиота?

Следователь примирительно поднял руки.

— А вот теперь я совершенно уверен, что вы здесь ни при чем. Можете считать, Клим

Пантелеевич, что с вас сняты все, даже малейшие подозрения.

— Да? И с чего это вдруг?

— Видите ли, тот самый пистолет не имел спускового крючка; его роль выполняла скоба на рукоятке. Несомненно, если бы вы были здесь ночью, вы бы никогда так не сказали: «нажал на спусковой крючок».

Ардашев польстил:

— Нечасто мне приходилось сталкиваться с профессионалами такого высокого уровня. Снимаю шляпу.

— Ладно уж, — расцвел Модест Казимирович, — куда мне с вами тягаться. Однако не извольте гневаться, что отнял у вас столько времени. Больше вопросов не имеется.

— Скажите, а эксперт так и не обнаружил яд в бутылке того самого шустовского коньяка, что нашли у полковника Левицкого?

— Нет. Коньячок чистый, без примесей. — Следователь развернулся, чтобы идти назад. — А вы в гостиницу или как?

— Я обязан принести извинения той даме, которой вы устроили форменный допрос. Я сам набился к ней в попутчики, поскольку газеты пестрят сообщениями о грабителях, вырывающих из рук легкомысленных курортниц сумочки.

— Вы уж, Клим Пантелеевич, заодно и за меня извинитесь. Ничего не поделаешь — такая работа. — Чиновник склонил голову в вежливом поклоне. — До свидания.

Распровавшись с Лепищинским, присяжный поверенный достиг «Ялты». Он купил у торговки букет белых роз, перевязанный алой лентой, и прошел в фойе. Портье с каменным лицом сообщил, что госпожа Авоськина находится в номере. Ардашев достал визитную карточку, что-то чиркнул и вложил в букет. Затем передал цветы коридорному. Получив целковый, тот опрометью бросился вверх по лестнице.

Вздыхнув с облегчением, Клим Пантелеевич вышел на залитую солнцем улицу и нанял извозчика. О недавнем ночном происшествии он уже почти забыл и теперь лишь думал о том, как удивится Лика, когда получит букет и наткнется на визитку. «Что поделаешь, — мысленно оправдал он себя, — весна».

22

Бомба

В тот же день, когда солнце стояло в зените, они опять встретились. Но теперь уже не случайно. Клим Пантелеевич сам указал на визитке время и место встречи: «Сегодня, в полдень, у мола. Буду ждать».

Ардашев пришел раньше назначенного времени. С моря дул ветер. В бухту в окружении чаек медленно заходил пароход «Е. И. В. Ксения», прибывший из Севастополя. Он дал протяжный гудок и начал разворачивать нос, чтобы пристать к молу. На волнах раскачивались корабли черноморской эскадры с надписями на стальных корпусах: «Пантелеймон», «Иоанн Златоуст»

и «Евстафий». Рядом, под флагом командующего флотом, бросил якорь «Алмаз».

Неугомонный Вилли, увидев Ардашева, радостно завилял хвостом. Лица в голубом платье со сборками выглядела обворожительно. Ветер донес аромат ее французских духов. Теперь Клим Пантелеевич знал, что они называются «Букет Наполеона» — точно такие он выбрал по запаху в магазине Йонса, на Пушкинском бульваре, и купил в подарок жене.

— Спасибо за розы. Они великолепны, — смущенно выговорила она.

— Вы уж простите меня за те неприятные минуты, которые вам пришлось пережить, общаясь со следователем.

— Ничего страшного, — она махнула рукой. — Они допрашивали не только меня одну.

— Знаете, Лица, а давайте сегодня прокатимся за город. С самого детства я испытываю тайный трепет перед маяками, а потому предлагаю вам совершить небольшой вояж в Ореанду и на Ай-Тодорский маяк. Он стоит на вершущке отвесной скалы. Вы не против?

— А там не страшно? — она кокетливо нахмурила брови.

— Ну, мы же не собираемся прыгать вниз, правда? — отшутился Клим Пантелеевич.

Они взяли извозчика и отправились на экскурсию. Вилли в дороге вел себя как самый настоящий путешественник. Сидя на коленках у хозяйки, он то и дело вертел головой, рассматривая окрестности, и с недоверием косился в сторону следовавших по обочинам коров.

В Ореанде, находящейся от Ялты всего в шести верстах, они любовались окрестностями из ротонды, осмотрели развалины дворца великого князя Константина Николаевича, ходили вокруг бассейнов, устроенных в форме Черного, Азовского и Каспийского морей, и вышли к пруду, в котором плавали гордые лебеди. Рядом из дупла огромного дуба бил искусно устроенный фонтан с холодной родниковой водой. Отсюда они прошлись до домика, где после пожара жил великий князь. Лица дважды оступалась и хваталась за локоть Клима Пантелеевича, но потом, смущенно пробормотав «простите», отпустила руку и шла рядом. Миновав бамбуковые заросли и рощу маслин, они оказались у церкви Покрова Богородицы, выстроенной из камня сгоревшего дворца. Извозчик поджидал их именно там.

И снова тронулся в путь пароконный экипаж. Дорога привела к Ай-Тодорскому маяку. Смотритель — бывший боцман, а теперь седой старик, — видимо, уже привык к экскурсантам и, получив рубль, с воодушевлением поведал, что сие гидрографическое сооружение расположено на высоте сорока сажень и было воздвигнуто еще в 1835 году по приказу тогдашнего командующего Черноморским флотом адмирала Лазарева. Огонь в то время поддерживался с помощью масла и рыбьего жира. Но в 1876 году его перестроили и возвели новую восьмигранную башню. Освещение теперь у него керосинно-калильное, а свет виден ночью аж на пятьдесят верст.

Отвесные обрывы, выжженные солнцем склоны придавали Ай-Тодору дикий характер. Рядом с маяком рос небольшой лес, состоящий в основном из вековых можжевельников. Там, по словам старика, находятся развалины древней крепости, а на гребне скалы можно было разглядеть развалины древних каменных строений.

— Сказывают, раньше здесь жили римляне, — блеснул знаниями дед. — Но со временем их фортеция сползла в море.

Спустившись вниз, они поехали обратно. Стало прохладно. Откуда-то с моря на город поползли черные тучи. Поднялся ветер. По дороге им встретился метеорологический воздушный шар, с которого предполагалось наблюдать солнечное затмение. Привязанный к дереву, он напоминал посаженного на цепь дворового пса. Ардашеву отчего-то вспомнилось чеховское: «Хочется влюбиться или жениться, или полететь на воздушном шаре». Клим Пантелеевич заметил, что за всю обратную дорогу они не проронили ни слова. Они молчали, и им было хорошо. Уставший от впечатлений Вилли дремал на руках у хозяйки и только иногда сонно озирался по сторонам.

Фиакр остановился на набережной. Они снова сидели в «поплавке» напротив гостиницы «Франция». Пили шабли и ели устриц. Официант уверял, что в марте они самые вкусные. Клим Пантелеевич потешался над пуделем, который служил на задних лапах, выпрашивая кусочки сахара.

Ардашев поймал на себе пристальный, полный обожания взгляд Лики. «Надо же! Как у нее раскраснелись щеки, — подумал он. — По-моему, я вскружил даме голову. А может, она просто немного пьяна?» Они пили кофе, и он шутил, рассказывая старые анекдоты, а сам уже начинал бояться, что их добрые отношения могут перерасти во что-то большее, нежели приятное дружеское времяпрепровождение. А вдруг он тоже влюбится? И вот тогда его личная жизнь может измениться. Но надо ли это ему? Ведь он никогда не был донжуаном. Да, ему нравились красивые женщины, и как галантный кавалер он мог иногда позволить себе легкий флирт. Но не более. Женское внимание для него было лишь признанием того, что он не стар и еще может нравиться дамам.

Лица явно никуда не торопилась и сидела бы, наверное, еще, но Ардашев предложил ее проводить. Она согласилась и без особой радости покинула кафе. Дорога до гостиницы заняла всего несколько минут. Уже подъезжая, присяжный поверенный заметил, как от главного входа отъехал автомобиль. Лица протянула на прощание руку и, склонившись над ухом Ардашева, нежно прошептала:

— Спасибо вам. Вы — хоро-оший!

От близости ее нежного дыхания, запаха вина и духов, точно от букета цветов, у Ардашева закружилась голова, и он, будто поймав на лице теплый солнечный луч, прикрыл от удовольствия глаза.

Лица рассмеялась и, стуча каблучками, поднялась по мраморным ступенькам. Впереди нее шел гостиничный лакей с большой коробкой, перевязанной алыми лентами. Когда дубовые двери захлопнулись, присяжный поверенный все еще стоял у входа, наслаждаясь приятными впечатлениями.

Он щелкнул крышкой часов: «господин Мозер» был, как всегда, точен и показывал без четверти восемь. «Сейчас заиграет, — подумал Ардашев, — эта оперетка Кальмана как раз кстати...» Но неожиданно вместо привычных механических нот прогремел оглушительный взрыв, и тяжелые двери с грохотом вылетели на улицу. У входа повисло грязное облако пыли. Послышался женский плач, и мужской голос молил о помощи. Адвокат бросился наверх. В фойе, засыпанном металлическими осколками, он наткнулся на того самого коридорного — у бедолаги вместо рук торчали обрубки; из них фонтаном била кровь. У лестницы, ведущей на второй этаж, в изодранном платье сидела Лица. Она тряслась и рыдала, а прямо перед ней валялась окровавленная голова Вилли.

Не мешкая, Ардашев подхватил Лику на руки и отнес в номер. Сорвав с ее постели простынь,

он бросился вниз и стал перетягивать предплечья коридорного свернутыми в жгут кусками простыни. Синими дрожащими губами он прошептал, что коробку передал какой-то бородатый господин, и она предназначалась купцу Никонову.

Очень скоро появилась больничная карета и пожарная команда. Окровавленного лакея увезли. Клим Пантелеевич провел одного из врачей в комнату Лики. Осмотрев пострадавшую, доктор смазал ссадины йодоформом и дал сонных капель.

Еще до приезда полиции присяжный поверенный обратил внимание, что среди упавшей лепнины и штукатурки имеется несколько металлических осколков, составляющих основу единого целого. Он достал носовой платок и расстелил его на подоконнике. Собрав вместе бесформенные кусочки железа, сложил их — получилась почти целая металлическая трубка со сварным швом посередине. На ее внутренней стороне он рассмотрел спиральную нарезку и два отверстия. На внешней части корпуса читались три цифры: «253».

— И вы здесь? — слышался знакомый голос.

Адвокат обернулся и увидел Лепицинского в сопровождении полицейских чинов.

— Да, видно, притягивают меня неприятности, точно магнитом.

— Или вы их, господин присяжный поверенный, — недовольно выговорил стоявший за спиной следователя исправник Гвоздевич.

— Не имею чести быть с вами знакомым...

— И не надо, — зло выговорил полицейский. — Потрудитесь освободить помещение.

— Позвольте, Михаил Михайлович, — вмешался следователь, — Клим Пантелеевич, судя по всему, находился здесь в момент взрыва, и я должен допросить его как свидетеля.

— А вот это пожалуйста, — махнул рукой полицейский, — сколько угодно!

Подойдя почти вплотную к адвокату, Лепицинский чуть слышно проговорил:

— Не обращайтесь на него внимания. Расследование веду я, и мне решать, кому здесь находиться, а кому нет. — Он указал пальцем на осколки. — А что сие означает?

Ардашев пожал плечами:

— Несомненно, это часть взрывного механизма. Судя по всему, он был упрятан в той разодранной на части картонной коробке.

— Занятно-с... А вы, верно, опять провожали мадам Авоськину?

— Вы чертовски проницательны, Модест Казимирович.

— Не льстите, Клим Пантелеевич. В сравнении с вами я просто мальчик на посылках. И все-таки как вы думаете, кому предназначалась бомба?

— Купцу Никонову, то есть Григорию Распутину. Но вот почему она не достигла своего получателя — непонятно.

— А как ваша спутница?

— У нее сильный шок. А вот пудель погиб, — он указал рукой в сторону собачьих останков. — Жалко пса. Я могу идти?

— Пожалуй. А давайте встретимся с вами завтра? К тому времени я напишу протокол вашего допроса, и вы его сможете подписать. Не возражаете?

— Отчего же. Завтра так завтра. Сегодня же Пасха, — горько усмехнулся адвокат, — утром труп в парке гостиницы, вечером взрыв в фойе все той же гостиницы. Весело.

— Пожалуй. А давайте встретимся с вами завтра? К тому времени я напишу протокол вашего допроса, и вы его сможете подписать. Не возражаете?

— Отчего же. Завтра так завтра. Сегодня же Пасха, — горько усмехнулся адвокат, — утром труп в парке гостиницы, вечером взрыв в фойе все той же гостиницы. Весело.

— И заметьте, Клим Пантелеевич, это, как вы изволили выразиться, «веселье» происходит аккуратно после вашего появления в означенных местах, — потряс в воздухе указательным пальцем следователь.

— Сам диву даюсь, — развел руками присяжный поверенный. — Ну, а мне пора. Позвольте откланяться.

Он направился к выходу, но прямо под ногами заметил маленький, размером со спичечную головку, кружочек металла. Ардашев выронил трость. И тут же, поднимая ее с пола, он незаметно подхватил и находку.

Выйдя на улицу, присяжный поверенный с удовольствием вдохнул свежий морской воздух. Черные тучи заволокли небо, и окрестные горы утонули в лиловых сумерках. Надвигалась гроза. Где-то в море уже раздавались раскаты далекого грома. Пахло весной.

Клим Пантелеевич достал из кармана жестяную коробочку леденцов, выбрал красную конфетку и, отправив ее под язык, зашагал по той же самой тропинке, которую всего день назад он посыпал «трофейным» табаком. «Вчера мне действительно чертовски повезло. Кадберт посылал за мной хвоста, однако прикончить меня собирался лично. Но почему? Зачем? Вполне ясно, что он прибыл в Крым не гербарий собирать. Скорее всего, мое неожиданное появление в Ялте спутало британцам карты. Я ведь мог узнать его, а значит, для англичан оказался ненужным свидетелем. А таковых, как правило, ликвидируют». Поравнявшись с аллеей кипарисов, он замедлил шаг, осматривая то место, где недавно он проткнул шею своему бывшему английскому коллеге. За спиной раздались чьи-то частые шаги. Не поворачиваясь, Ардашев спешно выкрутил клинок. Переложив трость в левую руку, он резко развернулся. Перед ним стоял невысокого роста господин лет тридцати с густыми, нафабранными усами. Несмотря на статское платье, в нем угадывался офицер.

— Здравствуйте, Клим Пантелеевич, — негромко выговорил он. — Вам привет от князя Мирского. Я офицер контрразведывательного отделения генштаба капитан Мяличкин, Константин Юрьевич. Извольте удостовериться, — он протянул документы.

— А я рассчитывал, что вы появитесь завтра-послезавтра, — невозмутимо ответил адвокат, рассматривая бумагу.

— Так бы, наверное, и случилось, если бы не сегодняшнее происшествие.

— Могу предположить, что это наши английские союзники решили устранить Григория

Распутина, или нет?

Мяличкин нервно прокашлялся и спросил:

— Позвольте, но откуда вам это известно?

— Здесь нет ничего сложного. Второго дня примерно на этом месте на меня совершил нападение английский шпион Кадберт Борнхил. Правда, по документам он являлся мещанином Сорочинским. Его паспорт краденый. Уверен, что с учетом современных методов фотографии вы сможете различить в нем следы подчисток. Кстати, — адвокат внимательно посмотрел в глаза собеседнику, — мне пришлось его устранить. Но это не самое интересное. А вот уже утром следующего дня мне назначил встречу Григорий Распутин. Его водитель — несомненно, ваш человек. — Видя, что недоумение так и не исчезает с лица капитана, присяжный поверенный пояснил: — Ну хорошо, я объясню. Во-первых, он так же похож на шофера, как муха на архиерея, и руки у него барские, холеные, и выправка офицерская; во-вторых, как пишут в наших газетах, первая партия отечественных автомобилей «Руссо-Балт» почти полностью была закуплена департаментом полиции и военным ведомством. Стало быть, водитель-белоручка, скорее всего, приставлен к Распутину для охраны или слежки. В-третьих, как сообщила «Русская Ривьера», старец остановился в «Ялте» по чужому паспорту под фамилией Никонов. Вам не хуже меня известно, что предъявление поддельного удостоверения личности — уголовное преступление. Однако, как я заметил, Григорий Ефимович не очень-то тревожится о возможных нежелательных для него последствиях. Выходит, чужой паспорт ему был выдан одним из наших охранных ведомств. Таким образом, суммируя упомянутые факты вкупе с сегодняшним происшествием, нетрудно прийти к выводу, что в данный момент вы ведете непримиримую борьбу с английской разведкой, которая спит и видит мертвого Распутина. Единственное, что для меня остается загадкой: чем же все-таки не угодил Лондону этот сибирский знахарь?

— Распутин отговаривает Государя от присоединения к Балканскому союзу.

— Вот оно что! — качнул головой Ардашев. — Так надобно беречь старца! Как зеницу ока! Любая война для России гибельна. В стране слишком неспокойно. Нам еще бы лет двадцать-тридцать, чтобы вырастить новое сытое и культурное поколение. Я убежден, что тот, кто делает сегодня первые нетвердые шаги по земле, и должен продолжать строить новую Россию — образованную, сильную и счастливую.

За разговором Ардашев и Мяличкин незаметно миновали Садовую улицу, но не прошли к гостинице «Россия», а двинулись в сторону Мордвиновского парка. Стемнело. Начал накрапывать мелкий дождь.

— Позвольте узнать, Клим Пантелеевич, куда мы направляемся?

— Тут недалеко. Я должен передать вам документы, деньги и личные вещи покойного Борнхила. Они — в тайнике.

Саженой через сто Клим Пантелеевич подошел к старому дубу и запустил руку в дупло. Вынув оттуда небольшой сверток, он передал его Мяличкину.

— Принимайте, как говорится, по описи: восемь радужных, пять империалов, зажигательница и паспорт. На всем сохранились мои отпечатки пальцев. А теперь о главном. — Ардашев сделал паузу и вынул из паспорта небольшой листок бумаги. — Обратите внимание на этот список литературы. И пока мы будем идти до моей гостиницы, слушайте меня внимательно и постарайтесь не перебивать.

Присяжный поверенный ввел Мяличкина в курс расследования дела по убийству полковника Левицкого. Упомянул он и об утренней встрече с Распутиным. Рассказал также и о прощении на имя Государя и о чертеже, который, к сожалению, пока неполный, так как отсутствует самая главная часть — автомат перекося. Не забыл поведать и о том, что, по словам старца, Думбадзе и Гвоздевич испытывают к нему неприязнь.

Когда они уже дошли до парадного входа «России», Мяличкин, словно боясь, что не успеет задать вопрос, осведомился:

— Но если британец был убит второго дня, то кто же тогда передал посылку для Распутина?

— А вот это, господин капитан, нам и предстоит выяснить в ближайшие дни. Однако уже поздно, и как говорят англичане: Take council of your pillow[10].

— Or: Tomorrow will be another day[11]. Честь имею, — улыбнувшись, козырнул офицер и удалился.

Только в номере Клим Пантелеевич понял, что промок до нитки. Он принял душ, накинул шлафрок и велел принести чаю. Расстелив на столе план Ялты, он провел карандашом пунктирную линию от пансиона Илиади, где жил полковник Левицкий, до библиотеки Жуковского, а другую — от пансиона до Ливадийского дворца и от пансионата до гостиницы Ялта. Получилось своеобразное солнце, расходящееся лучами в разные стороны. Затем Ардашев выудил из бокового кармана пиджака тот самый желтенький кусочек металла, который он подобрал после взрыва, и начал разглядывать его через лупу. После чего он вынул из бювара лист бумаги и начал что-то рисовать.

Адвоката отвлек стук в дверь — принесли чайную пару. Положив в кружку два кусочка сахара, он наполнил стакан и вновь принялся за рисунок, одновременно отхлебывая горячий, как уголь, чай. Увлечшись, он не заметил, как опустошил стакан и один раз даже отхлебнул воздух. Посмотрев на лежащую рядом ложечку, присяжный поверенный замер: в голову пришла ошеломляющая догадка.

23

Расставание

Разыгравшаяся ночью буря натворила много бед. На всем южном побережье бушевал шторм. Старые дома остались без крыш. На набережной упали две пальмы. Оборванные электрические провода запутались в деревьях. Ялта осталась без света. Как писала «Русская Ривьера», близ Ай-Тодорского маяка затонула баржа купца Мифиади, груженная тридцатью тремя тысячами пудов хлеба. Без вести пропали четыре человека команды. Улицы засыпало свежей зеленой листвой, поломанными ветками и мусором, который разбойник-ветер натащил в город. Дворникам прибавилось работы. Местной управе пришлось срочно изыскивать средства для наведения порядка. Но — удивительное дело! — воздушный шар, который по всем вероятностям должен был оборваться и улететь в море, остался цел и невредим. Учитывая, что до солнечного затмения оставалось всего несколько дней, это обстоятельство приятно порадовало образованную часть населения Ялты.

Ардашев и Лика стояли на палубе парохода «Князь Потемкин», который должен был отчалить от мола. Обвешанные тюками и чемоданами хамалы[12] сновали мимо пассажиров. Слышалась татарская речь. Пахло мокрым пеньковым канатом и водорослями. После случившегося

несчастья с Вилли Лика ни дня не хотела оставаться в Ялте. Она рассказала Климу Пантелеевичу, как все произошло. Оказывается, когда они вошли в фойе, коридорный, который нес коробку, случайно наступил пуделю на лапу. Собака взвизгнула и запуталась у лакея в ногах. Он споткнулся и уронил ношу. Взрыв раздался в тот момент, когда Лика уже начала подниматься по лестнице. Это ее и спасло.

Присяжный поверенный сам вызвался проводить даму до Севастополя. Она пыталась отговорить его от этой затеи и убеждала, что плыть придется долго — целых пять часов. А поскольку следующий рейс парохода будет только утром, то возвращаться ему придется на автомобиле или в худшем случае на извозчике. Но Ардашев был непреклонен.

Раздался последний гудок, и трап убрали. Пароход отчалил. Глазам столпившихся на палубе пассажиров открылась живописная картина Ялты. Чем дальше оставался берег, тем лучше был виден Яйлинский хребет, маяк и зеленая панорама курортного города.

Ардашев и Лика молчали. Каждый из них думал, что эти несколько дней, которые они провели вместе, больше никогда не повторятся. Они будут видеть друг друга только во сне. И хотя между ними так ничего и не было, но у присяжного поверенного осталось ощущение того, что он прощается с очень близким и дорогим ему человеком. Прежние заграничные командировки научили Ардашева руководствоваться холодным расчетом, а не чувствами. Но ведь с тех пор прошло уже почти семь лет, и он несколько изменился.

Корабль держался от берега примерно на расстоянии пяти миль. Миновали «Ласточкино гнездо» — замок, выстроенный на отвесной скале. Готическое серое здание с бойницами, башнями и уходящими в небо острыми куполами будто выплыло из далекого Средневековья.

Южное побережье Крыма тянулось лиловой полосой, а голубое небо было сплошь усеяно мелкими ватными облачками. За бортом судна резвились нырки и выпрыгивали дельфины. Они давно привыкли сопровождать пароходы, ожидая от пассажиров лакомств.

На склоне горы показалось белое здание с колоннами. Ардашев, купивший на пристани карту побережья, развернул ее и, нарушив молчание, сказал:

— По-моему, это Мисхор. Кстати, Лика, вы знаете легенду о русалке и мисхорском фонтане?

— Нет.

— Ну так слушайте. Давным-давно, когда Крым был под властью турецкого султана, жил в деревне Мисхор один старик. Он трудился на своем маленьком винограднике с утра до вечера. Была у него единственная дочь по имени Арзы. Ее глаза были черны, как ночное небо, губы рдели, словно спелые вишни, а нежные щеки румянились, точно алые персики. Сорок тонких косичек сбегали по плечам, будто водопадные струйки. Все село любовалось прелестной красавицей. Но заметил ее хозяин фелюги, купец Али-баба, и замыслил гнусное дело.

В ту весну очаровательная Арзы решила отдать свое сердце юноше из соседнего села. Весь Мисхор праздновал их свадьбу. Только вздумалось невесте во время торжества сбегать на берег и попрощаться там со своим детством. В разгар веселья, когда гости танцевали, она взяла кувшин и тихо отправилась к морю. Посидев на берегу, Арзы подошла к фонтану, чтобы набрать воды. Неожиданно ее окутал мрак — на голову девушке набросили черный плащ. В одно мгновение цепкие сильные руки опутали ее веревками и утащили в лодку. Но все же она успела кликнуть на помощь. На крик дочери прибежал старик, за ним жених и гости. Только было уже поздно — фелюга Али-бабы, поймав ветер, неслась к Стамбулу.

Все селение оплакивало несчастную невесту. Опечалился старик и скоро умер от горя.

На невольничьем рынке турецкой столицы пленницу узрели евнухи повелителя. Пораженные ее красотой, они привели девушку во дворец. Наместник пророка на земле дал Али-бабе столько золотых монет, сколько тот запросил.

Арзы родила султану мальчика. Но сын не принес облегчения ее истерзанной душе. Молодая женщина тосковала по дому и таяла на глазах. И когда исполнился ровно год со дня ее пленения, она поднялась на башню сераля и вместе с сыном бросилась в темную пучину Босфора. Как гласит предание, в тот же вечер жители Мисхора заметили у своего берега печальную русалку с младенцем на руках.

С тех пор, в день похищения Арзы, источник у Мисхора начинает струиться сильнее обычного, а из прибрежных волн выходит русалка с младенцем. Она жадно пьет воду у того самого фонтана и с тоской смотрит на родное село. Постояв минуту, она спускается в морские волны и исчезает ровно на год. Вот и все.

С тех пор, в день похищения Арзы, источник у Мисхора начинает струиться сильнее обычного, а из прибрежных волн выходит русалка с младенцем. Она жадно пьет воду у того самого фонтана и с тоской смотрит на родное село. Постояв минуту, она спускается в морские волны и исчезает ровно на год. Вот и все.

— Вы великолепный рассказчик.

— Старался, — улыбнулся Ардашев.

— Только история печальная, — вздохнула она.

— Но, согласитесь, красивая.

Солнце, свежий морской воздух и безбрежная даль моря заметно улучшили Лике настроение. Она сказала, что везет мужу подарок — бутылку лучшего крымского вина, которую она купила в Ялте в магазине Титушкина. При упоминании о супруге возникла неловкая пауза. Видимо, поняв, что она зря коснулась семейной темы, Лика вновь заговорила о литературе и о ее мечте написать роман.

— А мы так и не посмотрели с вами домик Чехова, — с сожалением заметила она. — Жаль, правда?

Клим Пантелеевич кивнул.

— А сколько времени вы еще собираетесь пробыть в Ялте?

— Думаю, не больше недели. Хотя и это много. А вообще-то я рассчитывал провести здесь всего несколько дней.

Ардашев предложил Лике пройти в рубку, и с разрешения капитана она даже постояла за штурвалом. Он попросил у штурмана секстан и объяснил ей принцип его работы. Она с интересом слушала и даже смотрела в зрительную трубу, но все равно ничего не поняла. Потом они спустились в буфет, и Клим Пантелеевич угощал ее шампанским. И она, веселая и жизнерадостная, казалось, совсем забыла и о взрыве, и о своем вынужденном возвращении, и о муже.

Время пронеслось быстро, как сеанс кинематографа, и когда они вновь поднялись на палубу, уже показался Херсонесский маяк, а за ним завиднелся старинный монастырь. Пароход дал протяжный гудок и начал входить в бухту. Белые фасады домов, точно мундиры флотских офицеров, правильными рядами встречали корабль. Севастополь, утопавший в цветущих садах и зелени кипарисов, казался Эдемом.

«Князь Потемкин» долго разворачивался, словно примеряясь к пристани, и, застопорив машину, бросил якорь.

Спустившись по трапу, Клим Пантелеевич нанял фиакр. Расстояние от пароходной пристани до железнодорожной станции оказалось приличным. Но Ардашева это только обрадовало. Он, так же как и Лика, с горечью осознал, что стрелки часов неумолимо отсчитывают последние минуты их нежданного короткого счастья. И, предчувствуя скорое расставание, он уже не мог точно ответить на вопрос, что все-таки происходило с ним все эти последние дни. Был ли это легкий флирт или, быть может, в нем проснулось то самое серьезное чувство, о котором он и думать не решался. «Господи, — мысленно сожалел Ардашев, — между нами все было: и желание видеть друг друга, и легкое приятное общение — когда не нужно подбирать слова, и цветы, и прогулки при луне, и даже смерть и та прошла рядом. Не было только близости, той, о которой втайне думал каждый... И вот теперь она уедет. Навсегда».

Вот и станция. Извозчики, носильщики, перрон, удар колокола, неловкое молчание... Клим Пантелеевич зачем-то побежал в буфет и купил в дорогу бутылку сельтерской. Второй удар станционного смотрителя, и уже пора. Она протянула кондуктору билет и повернулась на прощание. Ее локоны слегка растрепались, а глаза были растерянные и немного влажные.

— Спасибо... за все, — она приблизилась к его щеке и нежно коснулась губами. — Прощайте, — сглатывая слезы, смущенно проговорила Лика и поднялась в вагон.

— Прощайте, — тихо вымолвил Ардашев.

Поезд тронулся и скоро совсем исчез из виду. И только где-то вдаль на купоросном небе восклицательным знаком отпечатался дымный след расставания.

Назад Клим Пантелеевич отправился на роскошном американском «Грейт-Арроу» с довольно мягким ходом. Водитель хоть и был лихачом, но вел машину вполне надежно. Он успел похвастаться, что его автомобиль имел водяное охлаждение и мощный двигатель. Новая техника легко оставляла позади себя линейки, пароконные экипажи и пролетки.

От грустных мыслей присяжный поверенный избавился сразу, едва начал размышлять об устройстве бомбы. Он достал из внутреннего кармана записную книжку и попытался восстановить в памяти ту самую схему, которую накануне вечером рисовал у себя в номере.

Вспомнились слова Лики о том, что взрыв раздался после того, как коридорный уронил коробку. «Стало быть, — рассуждал Ардашев, — злоумышленник сконструировал взрывной механизм в виде полрой трубки, в которую, очевидно, входил цилиндр, сжимавший пружину. В сжатом состоянии она находилась благодаря шпильке, проходящей через те самые две дырочки, которые я обнаружил. Именно к этой шпильке и была привязана веревка, другой конец которой был примотан к крышке коробки. По всей видимости, английский агент рассчитывал, что в момент, когда Распутин поднимет крышку, веревочка выдернет шпильку, и цилиндр, находясь под действием пружины, выскочит из трубки, ударит по капсюлю, и произойдет детонация. Но коридорный уронил коробку, и шпилька не удержалась...» Продолжая обдумывать детали недавнего покушения, присяжный поверенный достал

монпансье и угостился прозрачной конфеткой.

Моторный экипаж въехал в тоннель у Байдарских ворот. Водитель усиленно жал на клаксон, предупреждая встречный транспорт о своем появлении. Опасный участок дороги закончился, и «Грейт-Арроу» выкатился на свет божий. Распугав сидевших на скалах грифов, он понесся к Ялте.

24

Двоедушник

Известие о взрыве бомбы в фойе гостиницы «Ялта» полковник Ладыженский получил почти сразу. Телефонный доклад капитана Мяличкина был краток, но обстоятелен: несмотря на то, что английский агент был убит, взрыв все-таки произошел. А это значит, что в городе орудует второй британский шпион. Но кто он? По словам коридорного, коробку для Распутина ему передал посыльный. Подробно допросить раненого лакея пока не удалось — от большой потери крови он впадал в беспамятство. Однозначно ответить на вопрос, был ли посыльный агентом или нет, пока тоже не представлялось возможным. Вероятно, его просто наняли для доставки. И, возможно, новая попытка покушения на старца произойдет в ближайшие дни.

Следовательно, не теряя времени, капитану необходимо немедленно убедить Распутина покинуть Ялту. Но где гарантия, что убийца не отправится за ним? Как бы там ни было, но к этому сибирскому мужику следует приставить круглосуточную охрану. Кроме ротмистра Берга нужен по крайней мере еще один человек. Видимо, его тоже придется командировать из штаба Одесского военного округа. Мяличкину же ни в коем случае не следует «светиться». Его задача — находясь в тени, высматривать второго вражеского лазутчика. «Надо же, — усмехнулся полковник и откинулся на спинку кресла, — сказанул — «вражеского»! С каких это пор страны «сердечного согласия»[13] стали вражескими?.. А вот и стали. В разведке союзников не бывает, — он выбрал из коробки регалию и закурил. — А этот Ардашев — тот еще фрукт! Пропорол горло британцу и «ой!» не сказал. Самообладание у него — дай бог каждому! Да-с, начали заниматься Распутиным, а вышли на вертолеты. Кто бы мог подумать?»

Ладыженский проглотил очередную порцию ароматного дыма и потянулся к графину с водой, но в этот момент послышалась трель телефонного звонка. Александр Петрович снял трубку:

— Да... здравия желаю, Иннокентий Всеволодович... хорошо... жду...

«Вот так так! Князь Мирский желает аудиенции. Что ж, посмотрим, что скажет».

Начальник Азиатского департамента МИД России не заставил себя долго ждать. На этот раз он появился один. Ладыженский предложил ему сесть. Заняв место в кресле напротив, князь неторопливо достал папиросу, постучал о крышку портсигара и с удовольствием затянулся.

— У меня для вас, Александр Петрович, плохие новости: англичане знают о каждом шаге вашего человека в Ялте. Судите сами: из перехваченной шифрограммы нам стало известно, что мой предшественник — Клим Пантелеевич Ардашев — по странному стечению обстоятельств тоже находится в Ялте. Более того, как следует из сообщения, на него было совершено покушение. Однако жертвой стал сам нападавший — агент Кадберт Борнхил. Исходя из того, что зашифрованная телеграмма была передана английскому атташе уже после смерти Борнхила, можно заключить, что это сделал его сообщник. Он же и организовал не совсем удачное покушение на Распутина.

— Вы хотите сказать, что среди нас затесался предатель?

Князь кивнул.

— Только мне по нраву другое слово — двоедушник. Так славяне называли существо, которое имело две души — человеческую и демоническую. После смерти двоедушника человеческая душа уносилась на тот свет, а вторая, демоническая, превращалась в упыря.

— Как его ни называй, а от этого не легче.

— Скажите, ваш человек сотрудничает с Ардашевым?

— Да. Кстати, капитан Мяличкин передал ему от вас привет.

— Вот как? — усмехнулся Мирский. — Ну что ж, это неплохо. Тогда следует подключить к делу коллежского советника.

— Простите?

— Клим Пантелеевич Ардашев ушел в отставку коллежским советником. — Князь затушил папиросу и, глядя в глаза Ладыженскому, спросил: — Извините за неприятный вопрос, Александр Петрович, но в нашем деле, как известно, неуместного любопытства не бывает: вы доверяете своему помощнику?

— Капитану Мяличкину? — от удивления у полковника округлились брови. — Безусловно.

— Хорошо, — Мирский слегка поморщился. — Тогда пусть он введет в курс дела присяжного поверенного. Только о том, что Клим Пантелеевич займется поиском изменника, должны знать всего четыре человека: вы, я, капитан и сам Ардашев. Будем надеяться, что известная поговорка — рыбак рыбака видит издалека — весьма точно отразит то, что мы от него ждем. Эх, Александр Петрович! Если бы он согласился вновь вернуться в наше ведомство, мы бы такого купоросу англичанам в джин добавили!

— Так чего вы ждете? Поговорите с ним.

Покачав головой, Мирский сказал:

— Откажется. Я его слишком хорошо знаю. Он человек увлекающийся и целиком поглощен адвокатской практикой; вижу, что она ему нравится. Однако, если, упаси Господь, начнется война, мы вновь позовем его. Вот тогда, я в этом несколько не сомневаюсь, он согласится к нам вернуться. Впрочем, и сейчас ему волей-неволей пришлось включиться в эту шпионскую игру. И результат налицо: Кадберт Борнхил отправился к праотцам.

— Да. Но угроза нового покушения осталась.

— Это так. Но ведь с момента нашего последнего разговора прошло не так много времени, а ситуация значительно прояснилась. Смотрите: кроме ликвидации упомянутого Борнхила мы знаем, что в Ялте есть еще один английский агент, который нацелен на террористический акт в отношении Григория Распутина. Кроме того, нам совершенно ясно, что где-то поблизости сидит британский информатор.

— Вдобавок ко всему господин Ардашев сообщил капитану Мяличкину, что одновременно занят расследованием убийства полковника Левицкого — начальника штаба 83-го пехотного Самурского полка, дислоцированного в Ставрополе. Полковник, судя по всему, изобрел некое устройство — оно называется «автомат перекося», — с его помощью можно поднять в воздух

любой вертолет.

— Да, — Мирский наморщил лоб, — я что-то читал о неудачных опытах французских изобретателей автожиров. Думаю, в военное время этот летательный аппарат мог бы оказать неоценимую помощь при эвакуации раненых.

— А представляете, какая паника начнется у неприятеля, если на вертолете рядом с пилотом посадить стрелка и установить пулемет Льюиса или Максима?

— Страшно подумать, — согласился князь.

— Вот-вот. Прознав об этом, англичане начали охоту за его чертежами, но в дело вмешался Ардашев...

— Клим Пантелеевич верен себе — за все берется сам. Мог бы и в жандармерию обратиться, и в полицию. Но нет, уж коли ему бросили вызов, ни на шаг не отступит, до конца дойдет. — Мирский поднялся. — Если появятся новости, Александр Петрович, звоните. Я подъеду, обсудим.

— Непременно, Иннокентий Всеволодович.

Полковник проводил гостя до двери и снова сел за стол. Он достал лист почтовой бумаги, обмакнул в чернильницу перо и вывел всего одно слово: *двоекотелник*. А рядом поставил большой вопросительный знак.

25

Сон в руку

Генерал-майор Думбадзе ехал на заднем сиденье «Руссо-Балта» в штаб дивизии. По-хозяйски осматривая улицы Ялты, он механически отмечал упущения местной управы, которые по обыкновению дополнял, а иногда и отменял собственными распоряжениями.

«У рюмочных и трактиров грязища! Лоточников давно пора выгнать из центра города на окраину. Ишь, расчирикались, точно воробьи на току! Шуму много, а проку мало», — рассуждал Иван Антонович, но мысли снова возвращались к странному дурному сну, от которого до сих пор сердце стучало динамо-машиной.

Грезилось старому вояке, что на груди у него, будто на солнечной полянке, пригелась гадюка. Серая чешуйчатая мерзавка шипела, высунув жало, и, раскрывая пасть, заглядывала ему в глаза. А взгляд у нее был умный, человеческий. Хотелось тотчас же сорвать эту нечисть с тела и отшвырнуть подальше, но руки, словно чугунные, отказывались повиноваться. Вот и мучился он, отворачиваясь от наглого пристального взора двух немигающих глаз, и слушал длинное и бесконечное шипение наглой твари. От бессилия и безысходности он заплакал... А проснулся от того, что супруга, разбуженная судорожными, почти детскими всхлипываниями мужа, ласково, нежными поцелуями разбудила его. «Ах, милая моя супружница, почему же раньше я не встретил тебя? — улыбнулся своим мыслям генерал. — Недаром говорят в народе, что третья жена — самая любящая».

«Руссо-Балт» пофыркал и остановился около длинного одноэтажного здания. У входа во фронт вытянулся часовой, а внутри дежурный офицер, чеканя шаг, сделал утренний доклад. Все, как

обычно, да вот только в глазах у штабс-капитана блеснули недобрые искорки. «Да что это я? — пронеслось в голове. — Старею, что ли? Пора взять себя в руки».

«Руссо-Балт» пофыркал и остановился около длинного одноэтажного здания. У входа во фронт вытянулся часовой, а внутри дежурный офицер, чеканя шаг, сделал утренний доклад. Все, как обычно, да вот только в глазах у штабс-капитана блеснули недобрые искорки. «Да что это я? — пронеслось в голове. — Старею, что ли? Пора взять себя в руки».

Думбадзе прошествовал в кабинет, налил из графина полный стакан воды и опустошил. Не помогло. На душе все равно было муторно. Стараясь больше не думать о неприятном, Иван Антонович открыл папку с надписью «Для ознакомления». Перед ним лежала срочная депеша, принятая на аппарате Юза, с наклеенными кусками ленты: «Высочайшим указом Его Императорского Величества сего дня генерал-майор Думбадзе освобождается от должности ялтинского градоначальника с определением в распоряжение военного министра».

«Вот и сон в руку, — вздохнул генерал. — Но с чего бы это? Что случилось? Неужели высочайший указ — следствие моего недавнего разговора с Государем? Неужто этот бородатый прохиндей ближе Николаю Александровичу, чем преданный и раненный в боях офицер? Куда же в таком случае придет Россия? И что будет с ее народом?»

Стало жарко. И противно. Генерал расстегнул верхнюю пуговицу мундира, поднялся и отворил окно. В комнату ворвался свежий морской воздух. Снедаемый сомнениями, он нервно заходил по комнате. Потом открыл потаенную дверцу шкафа, достал бутылку греческого коньку, налил рюмку и, стараясь отвлечься от дурных мыслей, смакуя напиток, выпил содержимое. Приятная теплота прошла по телу, и холодное самообладание вновь вернулось к старому солдату.

Неожиданно зазвонил телефон. Думбадзе подошел к столу и снял трубку. На проводе был директор департамента полиции Белецкий.

— Добрый день, — сухо, без малейших оттенков дружеского тона поздоровался чиновник.

— Слушаю вас.

— Как ваше здоровье?

— Благодарю, не жалуюсь.

— А навязчивые идеи, случаем, не мучают? — с хорошо слышимой издевкой осведомился Белецкий.

— Простите? — не понял Думбадзе.

— Вчера на мое имя, а также в канцелярию министра внутренних дел от вас пришла странная телеграмма. Странная, Иван Антонович, это самое мягкое слово, которое вертится у меня на языке. Я вот только понять не могу, на что вы рассчитывали, когда спрашивали у меня и Александра Александровича разрешение на убийство Распутина? Вы что, в самом деле надеялись получить от нас карт-бланш на преступление? Вы вообще-то в своем уме?

— Милостивый государь, по какому праву вы смеете разговаривать со мной в таком тоне! Вы у себя в ведомстве для начала наведите порядок. О какой телеграмме идет речь? Я ничего ни вам, ни господину Макарову не посылал. Вы что там, бредите, что ли?

— Я, конечно, понимаю, что после того, как высочайшим соизволением вы отстранены от

градона начальства, вам не остается ничего другого, как отрицать причастность к этому сообщению. Однако факты есть факты, и ваша депеша лежит передо мной.

— Послушайте! Я и в самом деле не знаю, что вы имеете в виду. — Думбадзе помолчал несколько секунд и уже более спокойным голосом попросил: — Не сочтите за труд, Степан Петрович, огласите.

— Извольте: *«Учитывая несомненный вред, чинимый Григорием Распутиным авторитету царской власти, прошу вашего разрешения на его физическое устранение, которое планирую провести в ближайшие дни. Рассматриваю два варианта. Первый — избавиться от Распутина во время прогулки на катере; второй — сбросить его со смотровой площадки замка «Ласточкино гнездо». Любое из происшествий будет представлено как несчастный случай. Верный и преданный слуга Его Императорского величества генерал-майор Думбадзе»*. Ну и? Что скажете?

— Это чудовищная провокация, — тихо вымолвил офицер.

— Ладно, Иван Антонович. Я не вижу смысла продолжать беседу. Вы отрицаете очевидные вещи. Но если даже на минуту допустить, что вы сказали мне правду, то тогда возникает вопрос о том, как у вас поставлена служба связи, если любой, кому заблагорассудится, может передавать депеши на имя министра внутренних дел. Честь имею.

На том конце провода положили трубку.

«Господи, какой стыд! — подумал генерал и почувствовал, как у него под ногами закачался пол. Он оперся на столешницу и почти рухнул в кресло. «Неужели это поручик Илиади? А ведь больше некому!» Думбадзе нажал на кнопку вызова адъютанта. Тот появился немедленно.

— Начальника узла связи и поручика Илиади ко мне.

Оба офицера появились почти сразу.

Капитан Дорф объяснил, что текст телеграммы поступил из штаба от поручика Илиади, который требовал срочной отправки депеши.

— На бланке имелась подпись вашего превосходительства, — не отводя взгляда, доложил капитан. — Признаюсь, текст меня несколько смутил, но я не имею права обсуждать содержание сообщений.

— Вы свободны.

Стукнув каблуками, капитан исчез за дверью. За ним появился поручик.

— Разрешите войти, ваше превосходительство?

Молодой офицер был совершенно спокоен, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Он открыто смотрел командиру в лицо.

— Как вы смели подделать мою подпись? — задыхаясь от негодования, прошипел Думбадзе.

— У меня не было иного выхода. Я хотел спасти ваше превосходительство. Если бы произошло то, о чем вы мне говорили, то и вы, и я были бы уже в тюремном замке. А еще через несколько месяцев — на каторге. Да, я мог отказаться от вашего предложения и сохранить все в тайне.

Но тогда вы бы нашли другого сообщника и сгубили бы его точно так же, как испортили бы собственную жизнь. Однако теперь во всем виноват лишь я один. За такой проступок меня, очевидно, исключат из состава полка, но я не буду жалеть об этом, потому что ценой собственной карьеры я спас вашу и еще одну человеческую жизнь. Может, конечно, он негодяй и лжец, но не мы с вами, а Господь единственно вправе решить его судьбу.

Пораженный циничной откровенностью офицера, генерал долго смотрел на Илиади, потом нервно сглотнул слюну и почти безгласно вымолвил:

— Ох и мерзавец же вы, поручик. Но... вы останетесь служить. Я переведу вас в другой полк. Идите.

Оставшись наедине с тяжелыми мыслями, боевой офицер вновь подошел к окну. Где-то на горизонте серая туча секла море косым и частым дождем. Свинцовые облака, словно отпечатанные черной калькой на голубом фоне волн, медленно наплывали на город.

Он вдруг почувствовал, как обуглившееся небо сдавило виски и стало тяжело дышать. Иван Антонович, точно выброшенная на берег рыба, схватил ртом воздух и, держась за подоконник, начал медленно оседать на пол. В глазах потемнело.

— Ох и мерзавец же вы, поручик. Но... вы останетесь служить. Я переведу вас в другой полк. Идите.

Оставшись наедине с тяжелыми мыслями, боевой офицер вновь подошел к окну. Где-то на горизонте серая туча секла море косым и частым дождем. Свинцовые облака, словно отпечатанные черной калькой на голубом фоне волн, медленно наплывали на город.

Он вдруг почувствовал, как обуглившееся небо сдавило виски и стало тяжело дышать. Иван Антонович, точно выброшенная на берег рыба, схватил ртом воздух и, держась за подоконник, начал медленно оседать на пол. В глазах потемнело.

Ворвавшийся в комнату ветер сбросил со стола бумаги и закружил их по углам. Растеребив седые вихры лежащего в беспмятстве генерала, он вновь улетел в море. Вслед за ним колокольным звоном пробил маятник напольных часов и внезапно умолк, словно боясь, что испуганная душа покинет человеческое тело.

26

Cabinet portrait

I

Дождь, барабанивший по оконным стеклам, наводил на доктора Нижегородцева хандру. Единственным положительным обстоятельством последних дней было то, что Ардашев теперь не исчезал среди бела дня с госпожой Авоськиной, а находился рядом. Как и раньше, они завтракали в гостинице, затем ехали смотреть новые варианты дач, а ближе к вечеру в компании с Сорокопятовым гуляли по городу. Вместо разговоров о литературе все чаще обсуждались детали расследования убийства полковника Левицкого и недавнего взрыва в гостинице «Ялта».

Надо признать, что Николай Петрович, поднаторевший за годы в методах расследования преступлений, время от времени высказывал вполне здравые догадки. Так, например, рассматривая взятое Ардашевым на время у следователя Лепещинского вещественное доказательство — куски разорвавшейся трубки, — он предположил, что исходя из наличия сварного шва посередине она могла являться частью какого-либо автомобиля. Чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, приятели вместе с ротмистром Бергом и капитаном Мяличкиным отправились к гостинице «Ореанда» — места отправки автобусов «Компании Иоффе и Рабиновича» в Севастополь.

К вящему сожалению, никто из водителей не смог распознать в металлических осколках автобусную деталь. Такое же разочарование им пришлось испытать и у автобиржи рядом с Горным клубом. Зато у другой стоянки — у гостиницы «Джалита» — им повезло больше. Один из шоферов высказал мнение, что эта трубка — часть дверного устройства, только вот марку машины он определить не смог, зато дал адрес гаража, где можно получить более точные сведения.

Поколесив по переулкам старого города, они наконец отыскали нужный переулок. Берг остался в машине, а Мяличкин, Нижегородцев и Ардашев направились к мастерским. Оказалось, что именно эта маркированная трубка с пружиной действительно являлась частью разобранного «Форда». Механики продали ее какому-то господину с окладистой купеческой бородой. Он объяснил им, что она как раз подойдет для его вышедшей из строя паровой молотилки.

— Ну вот, господа, теперь все становится на свои места, — усаживаясь в мотор, заключил Ардашев. — Только сдается мне, что встреча с этим «хозяином молотилки» будет опасной. — Он повернулся к Бергу. — Позвольте полюбопытствовать, господин ротмистр, у вас есть при себе оружие?

— Да, а что? — он недоуменно поморщился.

— Наган?

— Нет, парабеллум.

— А вот мы с Николаем Петровичем совсем без оружия. Боюсь, что на этот раз моей трости будет явно недостаточно.

— Не волнуйтесь, Александр Самсонович будет неотступно следовать за вами, и в случае опасности он всегда придет на помощь, — успокоил присяжного поверенного капитан.

— Дай-то бог, — вздохнул адвокат.

— Неужто, Клим Пантелеевич, вы в самом деле считаете, что нам что-то угрожает? — дрогнувшим голосом осведомился Нижегородцев.

— Видите ли, Николай Петрович, несколько дней назад мы перешли некую невидимую границу; она отделяет спокойную обывательскую жизнь от другой, тайной, в которой царствуют совсем иные законы. — Он повернулся к Мяличкину: — Сегодня четверг, двадцать девятое; надеюсь, что трех-пяти дней хватит, чтобы отыскать агента. Как думаете, Константин Юрьевич?

Капитан опешил:

— Даже и не знаю, что ответить, Клим Пантелеевич. О таком варианте развития событий можно было бы только мечтать...

Ардашев улыбнулся:

— Нам мечтать некогда, надо работать.

«Руссо-Балт» тронулся и, пугая рассеявшихся на дороге ворон, покатил вниз, к набережной.

Адвокат вновь обратился к ротмистру:

— Будьте добры, высадите нас около вот этого заведения. — Он указал на желтую вывеску «Художественный магазин-салон Зембинского».

— Вас подождать?

— Не стоит.

— Решили сфотографироваться?

— Думаю, сделаем с Николаем Петровичем пару прижизненных снимков. А то кто знает? — усмехнулся присяжный поверенный.

Когда запах выхлопных газов окончательно рассеялся, Нижегородцев обеспокоенно спросил:

— По поводу последних прижизненных снимков... вы это серьезно?

— Вполне, — с ледяным лицом изрек адвокат, но потом, улыбнувшись, вымолвил: — Право же, Николай Петрович! Вы и впрямь перестали понимать юмор. А фотографии нам не помешают. Пусть останутся на память о наших с вами ялтинских приключениях.

Внутреннее убранство художественного салона мало чем отличалось от любого другого фотоателье: в небольшой комнате за американским столом-конторкой дремал кассир в потертом твидовом пиджаке и черных, лоснящихся нарукавниках. В клетке, под самым потолком, беспокойно щебетала канарейка. С развешанных по стенам фотографий улыбались очаровательные красотки в шляпках и удивленно взирали на мир невинные детские мордашки. В углу пестрела красная надпись: «Негативы хранятся вечно». Рядом помещался преискурант с указанием размеров: Cabinet portrait, Souvenir, Visit portrait...

Клиентов не было, и потому дверь в студию, где орудовал фотограф, была открыта. Внутри виднелись типовые фанерные декорации со снежными вершинами, с красным, точно спелый помидор, солнцем и голубыми барашками волн.

— Извольте сфотографироваться? — поднявшись, осведомился лысоватый мужчина почтенных лет с усами пирамидкой. Скорбная складка на лбу и грустная скошенность бровей свидетельствовали о том, что сегодняшней день был для него далеко не самым лучшим. — Какой желаете снимок?

— Мы бы хотели сфотографироваться вдвоем.

— Минимальное количество снимков — четыре. Сколько желаете?

— Что ж, давайте четыре.

— Какой размер изволите: миньон, визитный, кабинет-портрет, стереоскопический, променадный, будуарный, империаль или панель?

— Что ж, давайте четыре.

— Какой размер изволите: миньон, визитный, кабинет-портрет, стереоскопический, променадный, будуарный, империаль или панель?

— Кабинетный.

— Вероятно, с паспарту?

— Пожалуй.

— Советую заказать из бристольского картона. Вот, — он протянул белый плотный квадратик, — настоящий английский. Это наш фотограф достал. Большая редкость. Даже в Севастополе не во всех ателье имеется, а у нас, как видите, есть. Он сохранит карточку как минимум на сто лет. Но можно и подешевле — из бумаги.

— Нет уж. Пусть будет на сто лет, — усмехнулся Ардашев и пальцами потрогал образец.

— С вас три рубля семьдесят копеек.

Ардашев отсчитал четыре желтые бумажки. Приказчик зашумел пустым кассовым ящиком.

— Сдачи не надо.

— Благодарю покорнейше! — просиял пожилой мужчина, и глубокая складка на лбу тотчас исчезла, будто по ней провели паровым утюгом.

— Прошу вас. — Через открытую дверь он повел в соседнюю комнату. — Амвро-осий! Господа пожаловали!

Ардашев огляделся. Тусклым светом горела электрическая лампа. Черные портьеры наглухо закрывали окна. Длинная деревянная вешалка ничем не уступала театральной костюмерной. При желании можно было вырядиться во что угодно: в черкеску или горскую бурку; примерить турецкий тюрбан или треуголку времен Николая I; тут же лежала трость, пара белых перчаток, а на крючке висела шашка. Посередине царским тронном возвышалось ветхозаветное гамбсово кресло. На приставном столике находилось непонятное устройство, состоящее из деревянной рамки с зеркальным стеклом и дощечкой, придавленной с другой стороны пружиной. Чувствовался смешанный запах жженного магния и давно издохшей мыши. Во всей обстановке присутствовало что-то потустороннее, демоническое. Казалось, что этой ночью здесь обязательно появятся привидения и начнут обсуждать судьбы тех, кто сядет в кресло или просто стоял перед объективом.

Фотограф появился немедленно и предложил приятелям стать у стены с морской панорамой. Он долго наводил объектив, потом зажег магний и скрылся под черной материей. Послышался щелчок.

— Все, господа. Снимки будут готовы послезавтра, к вечеру.

— Благодарю, — произнес Нижегородцев, собираясь открыть дверь.

Ардашев с места так и не двинулся.

— Желаете еще фото?

— Нет, хватит. Однако к вам, господин Клязьмогоров, у меня будет несколько вопросов. И первый из них: где находятся негативы чертежей полковника Левицкого, который, как вы наверняка знаете из газет, был убит?

— О чем вы?

— Перестаньте притворяться. Я еще раз вас спрашиваю: где пластины с чертежей полковника?

— Позвольте, вы из полиции? — угодливо осведомился Амвросий Бенедиктович.

— Нет, я присяжный поверенный. Моя фамилия Ардашев.

— Адвокат, значит... — Он прокашлялся и расправил грудь. — А по какому такому уложению вы меня допрашиваете?

— Послушайте, любезный! Я считаю своим долгом вас предупредить, что, возможно, уже сегодня или в крайнем случае завтра вы станете трупом. Да-да, самым настоящим безжизненным, готовым к разложению мертвым органическим соединением, которое в прошлом именовалось Амвросием Клязьмогоровым. — Клим Пантелеевич вперил в него острый взгляд, и тот, словно перепуганная черепаха, вновь втянул голову в плечи, став от этого еще меньше ростом. — Только вы не обольщайтесь, это произойдет не сразу. Для начала вам вставят в рот кляп и минут пять будут жестоко избивать, не давая возможности даже спросить, за что вам ниспосланы такие мучения. Потом грязную тряпку вынут и «попросят» вернуть пластины. А начнете упорствовать — страдания продлятся: могут, например, для начала отрезать ухо, а могут и передумать — просто насыплют в него магний и подожгут. В конце концов негативы вы непременно вернете и сознаетесь даже в том, что безбожно обворовывали своего хозяина, выдавая дешевый картон за дорогой бристольский. Правда, никакого проку от этого вам уже не будет. Вы — ненужный свидетель. — Ардашев приблизился к нему вплотную. — Одумайтесь, пока не поздно — верните пластины.

— Ка-ак вы с-смеете? — начал заикаться Клязьмогоров. — Уходите!

Клим Пантелеевич повернулся к Нижегородцеву, который смотрел на происходящее непонимающими, широко открытыми глазами:

— Согласитесь, дорогой Николай Петрович, до чего же люди себялюбивы, легкомысленны и близоруки, а?

Присяжный поверенный вышел. За ним поспешил доктор.

— Послушайте, Клим Пантелеевич, ну, допустим, про бристольский картон я могу понять. А вот откуда вы узнали, что негативы Левицкого остались у него? В Ялте же есть и другие фотоателье.

— Вы правы — в городе насчитывается четыре фотомастерских, но только в художественном салоне Зембинского я увидел устройство для фотографического копирования документов. Стало быть, полковник приходил именно сюда. И пластины здесь.

— Но ведь он отказывается их возвращать.

— К сожалению, это так.

— А что же делать?

— Придется рассказать обо всем Мяличкину. Можно было бы, конечно, с его помощью нагрянуть к фотографу с обыском, но тогда мы спугнем иностранного агента, который тоже охотится за негативами Левицкого. Так что лучше всего приставить к Клязьмогорову филеров. А то ведь — чем черт не шутит! — мои жуткие предположения и впрямь могут оказаться пророческими. А обыск никуда не уйдет. — Клим Пантелеевич махнул свободному извозчику. — Не будем терять время — надобно срочно найти капитана.

II

Едва Ардашев покинул магазин Зембинского, как Клязьмогоров, прихватив зонт, поспешил на улицу. Времени не оставалось, и действовать предстояло незамедлительно. «Теперь, коли все выгорит, можно будет открыть собственное ателье и жить-поживать припеваючи до самой старости», — рассуждал фотограф. От этих мыслей, точно в предвкушении сладостной встречи с новой любовью, его сердце стучало тревожным барабаном.

Амвросий легко нашел нужную улицу и прошел в дом. На двери под № 6 имелся механический звонок. Повернув его дважды по часовой стрелке, он замер. Послышались шаги. В дверном проеме, точно в картинной раме, возникло знакомое лицо.

— Это вы? — удивился постоялец. — Ну что ж, проходите.

Комната ничем не отличалась от той, которую снимал сам Амвросий Бенедиктович: кровать, два венских стула, небольшой письменный стол и шкаф. В общем, без излишеств.

— Помнится, вы хотели купить негативы полковника Левицкого. Ваше желание еще в силе?

— А вам срочно понадобились деньги?

Клязьмогоров промолчал.

— Ну хорошо. Я дам вам те же пятнадцать рублей, — он подошел к столу и выдвинул ящик.

— Я вижу, вы меня неправильно поняли, — холодно ответил фотограф. — Неделию назад вы приходили ко мне якобы по просьбе полковника и хотели получить негативы чертежей, которые он просил переснять накануне. Однако уже на следующий день господин Левицкий был убит. Я не знаю, причастны ли вы к его смерти или нет, — в этом будет разбираться полиция, если... — он помолчал несколько секунд, — если вы не захотите купить негативы за пять тысяч рублей.

— Сколько? — ахнул постоялец. — Пять тысяч? Да где же я возьму такие деньги? И потом, к негативам я имею самое косвенное отношение: один солидный человек предложил мне заработать. Он дал мне пятнадцать рублей и отправил к вам с тем, чтобы я купил пластины с чертежами полковника. За это он обещал мне солидное вознаграждение. Я и в полиции могу это подтвердить. Знаете что? — его глаза сверкнули холодным блеском. — А давайте найдем его и вместе потребуем десять тысяч рублей. Пять — мне, пять — вам. А?

— Позвольте, — опешил Амвросий, — а зачем же сейчас вы хотели их купить у меня?

— Чтобы перепродать ему! Я же говорю вам — давайте заработаем вместе. Я видел его на

набережной. Он все еще в Ялте. И постоянно крутится в книжном магазине у Синани. Так что разузнать его адрес не составит большого труда. — Он потер ладонью лоб и спросил: — Негативы у вас?

— Я не настолько глуп, чтобы таскать их с собой, — надменно ответил Клязьмогоров.

— Верно-верно, — закивал головой хозяин. — А вы до которого часа сегодня открыты?

— До восьми.

— Отлично! — хлопнул в ладоши упитанный господин. — До этого времени я узнаю его адрес. Значит так, — он почесал затылок. — В восемь пятнадцать я буду у вас. Не забудьте приготовить пластины. Хорошо?

— Ладно, — неуверенно согласился фотограф.

— Вот и славно, вот и договорились, — выпроваживая гостя, приговаривал средних лет мужчина.

На улице шел проливной дождь. Покинув доходный дом, Клязьмогоров ощутил, как им овладело неясное чувство страха. Медленно, словно ртуть, оно заполнило тело, и стало трудно дышать. Он раскрыл зонт и вытащил из кармана часы. Стрелки показывали без четверти семь. До назначенного рандеву оставалось не так уж много времени.

27

Двойное смертоубийство

Утро пятницы, тридцатого марта, началось для Ардашева с беспокойного стука в дверь. Незванным гостем оказался капитан Мяличкин. Офицер был взволнован. Из его рассказа следовало, что «хвост», о котором он договорился с Гвоздевичем накануне вечером, был послан к объекту только на следующий день. Почему исправник не выполнил его приказ, было непонятно. Сам Гвоздевич плел какую-то несусветную чушь, что, мол, он решил дать своим людям отдохнуть.

И потому, прибыв к художественному салону только утром, филеры стали ждать появления Клязьмогорова. Но фотоателье было закрыто. Прошел час. Постепенно у дверей начали собираться отдыхающие: одни пришли фотографироваться, другие — получить снимки. Прождали еще полчаса — объект не появлялся. «Топтуны», почувствовав неладное, вызвали городского — благо полицейское управление находилось рядом. Уличный страж порядка немедля отправился на поиски кассира Глаголева, жившего аж в Воронцовской слободке. Его заплаканная жена сообщила, что муж домой не возвращался. В квартире Клязьмогорова дверь тоже оказалась заперта. Тогда кто-то вспомнил о хозяине художественного салона — господине Зембинском. С минуты на минуту он должен был появиться.

Капитан, предчувствуя неладное, попросил присяжного поверенного отправиться вместе с ним. Заручившись согласием, он остался ждать внизу. Ардашев тут же разбудил Нижегородцева.

Через четверть часа приятели уже спускались по гостиничной лестнице. Мяличкин и Берг нервно курили у автомобиля. Завидев доктора и адвоката, ротмистр завел мотор. До

художественного салона, располагавшегося на Пушкинском бульваре, они доехали быстро.

У одноэтажного здания стояло несколько пустых полицейских пролеток и толпились любопытные. Зембинский — седой старик — еще не отошел от шока и был бледен как полотно. Увиденное потрясло его настолько, что он то и дело сморкался в платок, промакивая глаза, и тихо молился. Было заметно, что он с трудом держит себя в руках.

Внутри фотостудии собрались все судебно-полицейские власти Ялты: следователь Лепищинский, исправник Гвоздевич и даже прокурор. Судебный врач Симбирцев и уже знакомый седовласый эксперт в очках молча делали свою работу. Полицейский фотограф щелкал собственной камерой. В той самой студии, где еще недавно Ардашев и Нижегородцев фотографировались на память, их взору предстала жуткая картина.

Клязьмогоров сидел в кресле для клиентов. Руки несчастного были накрепко привязаны к подлокотникам, а ноги приторочены к массивным ножкам. Искусанные до крови губы посинели. Голова упала набок. Там, где должен находиться нос, зияли два отверстия. Отрезанное ухо лежало на левом колене; на правом — кусок носа. Светлая сорочка и муаровый галстук насквозь пропитались кровью.

Труп кассира Глаголева с перерезанным горлом находился почти у самого порога. Ему, по всей видимости, «повезло» — старика убили сразу, и он умер почти без мучений.

Мяличкин нервно прошелся по комнате и отозвал в сторону Гвоздевича. За невыполненное вовремя приказание капитан грозил исправнику судом и отставкой. И тот, будто нашкодивший ученик, уныло смотрел в пол и согласно кивал плешивой головой.

Как заявил судебный врач, смерть наступила еще вчера вечером. Судя по всему, злодеи вошли внутрь, сразу же убили кассира, а потом принялись пытаться фотографа.

Отпечатков пальцев проявилось так много, что выявлять их принадлежность было пустой затеей. Во всем здании провели тщательный обыск, но негативов, чертежей Левицкого обнаружить не удалось. Вскоре выяснилось, что и полицейский наряд, обшаривший съемную комнату фотографа, тоже остался ни с чем. Как объяснил второй следователь, привлеченный к дознанию, еще с порога было ясно, что до них там уже кто-то орудовал.

Ардашев подошел к полицейскому фотографу и, склонившись у него над ухом, что-то прошептал. Тот согласно кивнул, повернул объектив вправо и сделал снимок.

Клим Пантелеевич тем временем осматривал место происшествия. Он обратил внимание, что к правой туфле Клязьмогорова прилип кусок черной вощеной нитки, с дюйм длиной. Нагнувшись, он достал из кармана складную лупу и осмотрел ее. Это обстоятельство не могло ускользнуть от внимания Лепищинского.

— Что-то интересное? — осведомился он.

— Да вот непонятно, откуда на носках лакированных туфель прилипшая грязь, — слукавил Ардашев.

— Так ведь дождь шел. А калош он, судя по всему, не носил, — нашелся с ответом следователь.

Ардашев пожал плечами и покинул комнату. Его догнал Нижегородцев. Доктор, взволнованный увиденным злодейством, заметно нервничал.

— Послушайте, Клим Пантелеевич, а откуда вы могли знать, что Клязьмогорову отрежут ухо?

Повернувшись, адвокат посмотрел на приятеля и сказал:

— Успокойтесь, Николай Петрович. На вас лица нет. Конечно же, я ничего не знал, просто это первое, что мне пришло на ум. Я вижу, у вас нервы на пределе. Не расстраивайтесь. Совсем скоро я распутаю этот чертов клубок, и мы вернемся в Ставрополь. Наверное, Ангелина Тихоновна заждалась... Давайте выйдем на свежий воздух.

Уже на улице к ним присоединились Мяличкин и Берг.

— Выходит, Клим Пантелеевич, мы совершили ошибку, — горестно выговорил капитан. — Если бы еще вчера мы допросили фотографа, то, вероятнее всего, могли бы получили негативы. В крайнем случае пригрозили бы ему тюрьмой. А можно было бы и обыск учинить. Глядишь, и нашли бы недостающее звено... этот... как его...

— Автомата перекоса.

— Да. А сейчас вместо него мы имеем два трупа.

— Только не забывайте, что в этом случае мы бы точно потеряли всякую надежду отыскать агента. А вот если бы исправник выполнил в точности ваше приказание, то этой трагедии не случилось бы. И еще. Теперь мне совершенно ясно, что англичане здесь ни при чем. Это больше похоже на немцев или австрийцев. Они любят внешние эффекты.

— Ваша правда, — кивнул Мяличкин, — наши союзники скромнее — спицу в мозжечок да голову в петлю. И не докопаешься. А это — черт знает что! — средневековая дикость. И все-таки как вы думаете, чертежи Левицкого уже в чужих руках?

— Вероятнее всего. Хотя, с другой стороны, полковник был не настолько глуп, чтобы забыть в фотомастерской негатив самого важного узла своего изобретения. Я уверен, что его надо искать в каком-то другом месте, но вот где, я пока сказать не могу. Мне надобно еще несколько дней, — Ардашев достал коробочку с надписью «Георг Ландрин» и положил в рот зеленую конфетку.

— Кстати, а кто же теперь полетит на шаре? — задался вопросом Нижегородцев.

— Простите? — не понял Берг.

— В газетах писали, что послезавтра, 1-го апреля, ожидается солнечное затмение, и для его изучения подготовили воздушный шар. Одним из аэронавтов и был убитый Клязьмогоров. — Доктор тяжело вздохнул и добавил: — Он собирался отснять тридцать шесть кадров Солнца.

— Не сподобилось. Что ж, найдут какого-нибудь другого.

— А как поживает Распутин? — Ардашев повернулся к Мяличкину. — Я слышал, что он съехал с «Ялты».

— Сразу после взрыва он переехал на дачу к Милутиной. Особняк снял целиком. Все дневное время старец проводит в Ливадии с царской семьей и только вечером возвращается обратно. Теперь его охраняют казаки из конвоя Его Императорского Величества. Так распорядилась Государыня. Но мне известно, что вскоре он собирается вернуться в столицу.

— А коридорный? Выжил?

— Поправляется, благодаря вам. Если бы не вы, бедолага умер бы от потери крови. Завтра я надеюсь с ним побеседовать. К нему уже пускают.

— Ну что ж, господа. Нам с доктором пора. У нас остались еще несколько неосмотренных дач.

— Может быть, вас подвезти? — предложил Берг.

— Не извольте беспокоиться. Мы с Николаем Петровичем, пожалуй, прогуляемся. Надо бы развеяться после всех этих кошмаров. Всего хорошего, господа.

— Честь имею, — почти хором послышалось в ответ, и вскоре бензинка, затарахтев мотором, вновь понеслась по набережной.

— Послушайте, Клим Пантелеевич, а о каких дачах вы сейчас говорили? Мы осмотрели все, что возможно. Больше обозреть нечего.

— У вас с собой перочинный ножик? — будто не слыша вопроса, поинтересовался Ардашев.

— Да. А что? — заморгал доктор.

— Дайте на минутку.

Нижегородцев протянул складной нож. Адвокат облокотился спиной на тополиный ствол, снял левую туфлю и вынул лезвие. Аккуратно подрезав стежки, он на пару дюймов оторвал подошву. Затем вновь надел обувь и махнул проезжающему мимо извозчику. Фиакр тут же остановился.

— Давай к сапожнику. К тому, что рядом с «Морской».

— Сей момент, ваше сокородие!

Доктор, видимо, уже и вовсе отчаявшийся что-либо понимать, с молчаливым недоумением взирал то на возницу, то на Ардашева, то на его разорванную туфлю. Он, судя по его растерянному виду, терпеливо ждал, чем закончатся все эти непонятные поступки его именитого приятеля. А присяжный поверенный тем временем, прикрыв глаза, наслаждался очередной конфеткой из коробочки «Георг Ландрин».

Минут через десять пароконный экипаж остановился напротив украшенного лепниной здания с огромными буквами на входе: «Гостиница Морская». Выставленный на тротуаре щит-тренога извещал, что «стоимость номеров на Пасху — отъ 1 до 6 р., лѣтомъ и осенью — отъ 1 р. 25 к. до 8 р., электрическое освѣщение. Ресторанъ: завтракъ изъ 2-хъ блюдъ — 80 к., обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ — 50 к., изъ 3-хъ блюдъ — 70 к., изъ 4-хъ — 90 к.».

Расплатившись с извозчиком, Ардашев прошел до угла здания и, увидев вывеску «Сапожник», спустился по ступенькам. Нижегородцев проследовал за ним.

В полуподвальном помещении слышался мягкий и отрывистый стук сапожного молотка. За чуть приоткрытой ширмой сидел человек с густыми черными усами, в турецкой феске и длинном фартуке. Завидев вошедших, он подошел к прилавку. Его рост был так высок, что голова едва ли не касалась сводчатого потолка.

— А что, любезный, прямо сейчас почините туфлю? — осведомился адвокат.

Турок приложил ладони к ушам, потом ко рту и замотал головой.

— Он глухонемой, — догадался доктор.

— Ясно, — кивнул Ардашев. Он снял левую туфлю и протянул мастеру. Кожаная подметка висела высунутым собачьим языком.

Чеботарь покрутил обувь в руках и кивнул. Указав на табурет, стоящий неподалеку, он скрылся за серой ширмой.

— Подождем, пока отремонтируют, — проронил Клим Пантелеевич.

Вновь застучал молоток башмачника.

— И все-таки я абсолютно уверен в том, что главный чертеж полковника Левицкого где-то надежно спрятан, — провещал Ардашев. — А вот где? Этого пока я не знаю. Но ничего, Николай Петрович, есть у меня мыслишка. Жаль только времени почти не осталось, чтобы ее проверить. Тут бы надо провести мозговую атаку — интеллектуальный штурм, если хотите. А давайте завтра, этак часиков в двенадцать, посидим у Дерекойского моста, рыбки покушаем, порассуждаем, а? Вы не против?

— А почему так поздно?

— С утра много дел. А в полдень — в самый раз.

Вскоре явился обувщик. Он вернул туфлю. Клим Пантелеевич перевернул подошву — по всему краю она была надежно прошита черной дратвой — под цвет кожи.

— Спасибо, любезный, спасибо. Сколько с меня?

Турок покачал головой, давая понять, что ничего не надо.

— Нет, так не годится. Хорошая работа всегда стоит дорого, не правда ли? — Адвокат достал пятиалтынный и бросил на стойку.

Сапожник поклонился и приложил руки к груди.

Уже на улице доктор, потеряв всякое терпение, выпалил:

— Может быть, вы изволите объяснить, что все это значит? Для чего вы испортили обувь, а потом явились сюда к этому глухонемому?

— Завтра, дорогой мой Николай Петрович, завтра. А сейчас мне надобно в гостиницу — поразмыслить. Ситуация складывается все более запутанная.

— Посмотрите, какой сегодня замечательный день — солнце будто летнее. Мы бы могли все обсудить на свежем воздухе. — Он кивнул в сторону сквера. — Вон хоть бы на той лавочке? Чем она вас не устраивает?

— Я вас прекрасно понимаю, доктор, но мне надобно торопиться. Вы со мной или прогуляетесь?

— Я пройду, — обиженно изрек Нижегородцев и, легко взмахивая тростью, зашагал в сторону набережной.

Адвокат тем временем забрался в свободную коляску и покатил к «России».

Вернувшись к себе в номер, Клим Пантелеевич принял душ, накинул шлафрок и уселся в кресло. Маленькая желтая конфетка из жестяной коробочки отправилась под язык.

«Итак, — рассуждал Ардашев, — совершенно очевидно, что полковник Левицкий — начальник штаба 83-го Самурского пехотного полка был убит с целью получения чертежей его разработок, связанных с вертолетом. Но кто совершил это преступление — англичане или немцы? Кадберт Борнхил мертв, но есть еще один человек, работающий на Лондон. Именно он, вероятно, и пытался уничтожить Распутина. Можно ли предположить, что Борнхил убил Левицкого, а его помощник затем не только совершил покушение на старца, но и убрал фотографа и кассира? Пожалуй, да. Правда, есть одно сомнение — Борнхилу было бы нелегко справиться с Левицким — они примерно одного роста и одинаковой комплекции. Тогда второй вопрос: мог ли немецкий агент-невидимка ликвидировать и полковника, и двух работников фотоателье? Мог, но только в том случае, если был не один, а с помощником. В рассуждении бомбы есть у меня одна улика — капсуль. А завтра будет и фотография... Теперь что касается чертежей. Во-первых, подлинники, переданные мне Распутиным, при мне отправлены Мясичкиным в Петербург, за исключением всего одного узла — автомата перекося. И поскольку снимки, сделанные в мастерской Зембинского, не найдены, то остается предположить, что они находятся у одной из сторон — либо у англичан, либо у немцев. Такая же картина и с негативами: ни в фотоателье, ни дома у Клязьмогорова их не нашли. Следовательно, они попали в руки иностранного разведчика. Стало быть, остается надеяться, что полковник не стал рисковать и вовсе не фотографировал автомат перекося. А как же тогда он собирался его скопировать?»

Кроме фотографии, существует всего два варианта получения копии: с помощью гектографа или кальки. Гектограф отматаем, поскольку пользоваться им можно сугубо с разрешения полиции, а это — потерянное время, которого у Левицкого не было. Остается калька или копирка, что в принципе одно и то же».

Клим Пантелеевич поднялся и вновь расстелил на столе карту Ялты. Он провел карандашом пунктирную линию между пансионатом Илиади и художественным салоном Зембинского — появился еще один «солнечный луч», проходивший как раз вдоль улицы Севастопольской. Пунктиры, квадраты домов, цифры, указывающие на принадлежность и название зданий, напомнили ему тот самый рисунок в комнате Левицкого, который еще в день убийства полковника так взволновал его. «И все-таки что-то там было не так. Будто в нем была нарушена перспектива. Еще тогда я поймал себя на мысли, что мне хотелось что-то в нем изменить или убрать...»

— Убрать! — уже вслух вымолвил он и начал быстро одеваться.

28

В Мордвиновском парке

Весна, пришедшая в Ялту робкой гимназисткой в начале марта, в конце месяца уже превратилась в роскошную барышню. Подснежники, гиацинты и нарциссы давно отцвели. Им на смену распустились примулы и пионы. Отдыхающие прибывали с каждым днем, и число праздной публики заметно выросло. Гуляющие парочки в основном предпочитали Александровский сквер или Пушкинский бульвар. В Мордвиновском парке, на пересечении Платановой и Мордвиновской, людей было меньше. Именно там на одной из скамеек сидели

два человека. Один в котелке, другой — в фетровой шляпе. Оба читали газеты и, казалось, совсем не замечали ни присутствия друг друга, ни редких прохожих. Станным было только то, что у каждого в руках был номер «Русской Ривьеры» за позавчерашнее число.

Но вот один из них негромко проговорил:

— Вам доводилось когда-нибудь видеть, как цветет черная магнолия?

— Да, это незабываемое зрелище. — Секунду помолчав, он добавил: — Наконец-то я вас дождался. Здравствуйте.

— Добрый день, Чинар.

— С устранением Распутина произошла досадная случайность — коридорный уронил коробку с бомбой.

— Мы знаем об этом. Центр, тем не менее, просил передать вам благодарность.

— Спасибо. У меня есть новые соображения по его ликвидации.

— Теперь в этом нет надобности. В Петербурге им займутся другие. Скажите, кто убил моего предшественника?

— Присяжный поверенный Ардашев.

— Мы так и думали. Он опасен для вас?

— Не знаю... Но сейчас его не стоит трогать. В городе, судя по всему, работает австрийский или немецкий агент. Убийство полковника Левицкого и вчерашнее злодейство в художественном салоне — дело его рук. Немец, получивший негативы, пытается раздобыть последний чертеж самого важного узла геликоптера — автомата перекося. Но где он находится, никому не известно. Наша контрразведка вместе с Ардашевым делает все, чтобы им помешать. Я буду наблюдать за ними, и, возможно, мне удастся скопировать все целиком.

— Это надо сделать обязательно. Для нас это очень важно. А мы, как вы изволили убедиться, в долгу не останемся. Только будьте осторожны. Не совершите ошибку моего коллеги. Ардашев очень опасен.

— Я попробую.

— Попробую? Нет, такой ответ меня не устраивает. Чертежи должны быть получены любой ценой, и мы на вас надеемся. Вы прекрасно поработали на верфи в Николаеве. За техническую документацию торпедных аппаратов Дворжецкого на ваш счет переведена еще одна тысяча фунтов. Кроме того, как только вы переберетесь в Лондон, вам будет назначена пожизненная пенсия.

— И в каком же, позвольте узнать, размере?

— На мой взгляд, сейчас это обсуждать преждевременно. Скажите, вы не замечали за собой слезки либо подозрительного отношения коллег?

— Нет, слава богу, ничего такого не было. Только вот Ардашев...

— Что?

— Иногда мне кажется... он о чем-то догадывается. Бывает, задаст какой-нибудь странный вопрос и... смотрит на меня пристально. Но через несколько минут вдруг так разоткровенничается, что я вижу — доверяет.

— Вы все-таки считаете, что он вас в чем-то подозревает?

— Нет, наверное. Скорее, это усталость. Хотелось бы знать, когда наконец я смогу выбраться отсюда, чтобы воспользоваться, так сказать, плодами нашего сотрудничества.

— Довольно скоро. — Куратор зашелестел газетой. — В ближайшее время я передам вам паспорт подданного Его Величества. И все-таки постарайтесь добыть чертеж аппарата перекося. За него вы получите отдельное вознаграждение. И немалое. Согласитесь, вам грех на нас жаловаться. Только за март вам отправлено тысяча триста фунтов. По нынешнему курсу это составляет около двенадцати с половиной тысяч рублей — жалованье русского генерала за два года.

— Да ведь и у вас нет оснований для недовольства. Но между моими делами и вашими словами есть существенная разница: я исполняю для вас реальную работу и рискую собственной жизнью, а взамен слышу только заверения и обещания. С таким же успехом вы можете мне сообщить, что Георг V возвел меня в рыцарское достоинство или что я принят в палату лордов.

— Это хорошо, что вы шутите. Это вселяет оптимизм.

— Знаете, мои друзья замечают, что последнее время у меня появилась склонность к тонкому английскому юмору. Как вы думаете, с чего бы это?

— Вы неисправимый остряк. Но мне пора. Следующая встреча здесь же, через неделю, в это же время. Как говорят у вас: засим откланиваюсь.

— See you soon[14], — не остался в долгу собеседник.

29

Затмение

I

— Что ни говорите, господа, а грузинская кухня для меня самая вкусная. И хоть много мне довелось по миру попутешествовать, но таких блюд, как готовят в Грузии, я нигде не пробовал. И если сам берусь готовить, то всегда почему-то тянет меня на приготовление чего-то кавказского.

— Это от того, Клим Пантелеевич, что вы родом с тех мест, — уплетая завидный кусок рыбы, выговорил Сорокопятков. — А как называется эта вкуснотища?

— Чахохбили из лосося, жаренной на вертеле, — пояснил адвокат. — Если хотите, я посвящу вас в таинства приготовления этого блюда.

— Сделайте одолжение! — с полным ртом пробубнил литератор.

— А тут все просто: как можно мельче нарежьте репчатый лук и залейте его винным уксусом

напополам с водой (уксуса можно и три четверти, а воды — одну, тут уж дело вкуса). Поставьте на огонь. Пусть тушится. Очищенную и промытую рыбу нарежьте мелкими кусочками, немного посолите, наденьте на вертел и жарьте над раскаленными углями. Как только рыба будет готова — а это произойдет довольно скоро, — снимите ее и поместите в ту самую кастрюлю, где тушится лук. Подержите на огне две-три минуты. И все. Снимайте и кушайте на здоровье. Я обычно всегда кладу на блюдо кинзу, петрушку, укроп, базилик, зеленый лук и кусочки лимона. Не менее важно к такому яству и правильное вино. Лучше кахетинского трудно что-либо придумать. Помните, «Путешествие в Арзрум» Пушкина? Кахетинские вина прекрасны, они «стоят некоторых бургонских». А я бы сказал, даже превосходят их.

— Клим Пантелеевич знатный гастроном, — расхваливал приятеля Нижегородцев. — Смею заметить, он еще и большой любитель готовить на углях.

— Ваша правда. Нравится мне с живым огнем возиться. А примус я не люблю. — Адвокат наполнил бокалы. — И запах не тот, и размаха нет. Другое дело — древесные угли... Вот купим дачи в Ялте, и приезжайте к нам. Я вас такими шашлыками попотчую, что вы отродясь не пробовали!

— За приглашение спасибо. Но вот если бы книжка о Чехове вышла приличным тиражом, тогда бы, весьма возможно, я бы и сам присмотрел себе хатенку на побережье.

— Дай-то бог, — задумчиво произнес Ардашев и уставился в скатерть. Помолчав с полминуты, он едва слышно проронил: — И все-таки, Николай Петрович, никудышные мы с вами сыщики — искали-искали чертеж Левицкого, а в картине, что висела в его комнате, не догадались посмотреть. А я все понять не могу, отчего это гложет меня странное чувство, будто что-то в том рисунке не так, не на своем месте. Уж больно густо цифры нагромождены там друг на друга...

Доктор недоуменно наморщил лоб и вполголоса вымолвил:

— Вы хотите сказать, что рисунок художника и есть чертеж автомата перекося?

— Не совсем. Прежде полковник наложил на чертеж кальку и сделал копию. Затем вставил ее в картину. Будучи прозрачной, она превосходно совместилась с работой того самого молодого художника. Сам же подлинник Левицкий должен был передать на следующий день Распутину. Но, предчувствуя недоброе, он его куда-то спрятал.

— Ну хорошо. Допустим, это так. И где же он теперь?

— Два варианта: либо его забрал убийца, либо он до сих пор где-то лежит.

— Но позвольте, а не проще ли было забраться в номер во время отсутствия постояльца? Тогда и убивать никого не нужно было, — не унимался Нижегородцев.

— Вы совершенно правы. Я уверен, что именно так и случилось. Преступник проникал к нему дважды. Помните, по словам управляющего Лаптева, полковник жаловался, что кто-то копался в его вещах? И слежку за собой он чувствовал, а иначе не стал бы оставлять зажженным свет и выходить через кухню. Так произошло и в тот вечер. Вор прокрался в комнату и принялся очередной раз искать чертежи, и вот тут неожиданно появился Левицкий. Будучи застигнутым врасплох, злоумышленник уже не мог скрыться — офицер, вероятно, узнал его и мог сдать властям. Завязалась схватка, но она была скоротечной. Злодей оказался проворней. Но вот незадача — отыскать то, ради чего он все это затеял, ему опять не удалось. И это неудивительно. Согласитесь, мы с вами тоже раньше до этого не додумались.

— Вот не встретил бы я вас сегодня и не услышал бы такой занятный сюжетец. Прямо бери и пиши роман, — изрек Сорокопьятов и полез за блокнотом.

— Вы правы, Ярополк Святославович, интрига присутствует, да вот одно плохо — трупов много.

Нижегородцев задумался, поднял глаза и вдруг выпалил:

— Пойдите-пойдите, но тогда выходит, что убийца следил за полковником и знал, что тот ходил в фотоателье, так?

— Безусловно.

— Но почему же полковник сразу не забрал негативы?

Нижегородцев задумался, поднял глаза и вдруг выпалил:

— Пойдите-пойдите, но тогда выходит, что убийца следил за полковником и знал, что тот ходил в фотоателье, так?

— Безусловно.

— Но почему же полковник сразу не забрал негативы?

— Меня тоже это смутило. Сдается мне, что он, как говорится, не хотел складывать яйца в одну корзину. В случае пропажи оригиналов он бы велел Клязьмогорову напечатать столько фотографий, сколько нужно. Именно поэтому хранить пластины в пансионате было опрометчиво.

— Да, — закивал головой Нижегородцев. — Вы правы. Выходит, если допустить, что фотограф, не выдержав пыток, сознался, где находятся негативы, то у преступника в данный момент не хватает только самого важного чертежа — автомата перекося, так?

— Верно, — просиял Ардашев. — Но это только в том случае, если моя версия о вставленной в рисунок кальке верна. Но ведь и я могу ошибиться.

— Нет-нет, Клим Пантелеевич, так оно и есть, потому что человек обращает внимание на все, кроме того, что находится у него под носом. А покойный офицер, судя по всему, имел тонкий и расчетливый ум. Жаль бедолагу, — горестно вздохнул писатель.

Ардашев поднял бокал.

— Господа, у меня есть тост. Предлагаю выпить за Добро, которое воюет со Злом уже не одно тысячелетие, но так и не может его одолеть. Эта непримиримая борьба приносит человечеству множество страданий, но иного пути нет. Видимо, так будет продолжаться вечно. Я пришел к выводу, что рай на земле невозможен. Его не смогут построить ни марксисты, ни анархисты, ни кадеты, ни октябристы. И причина — в людях, потому что в одной и той же человеческой душе всегда присутствует и жадность, и доброта, и ненависть, и сострадание. Ничего не поделаешь — такими нас создал Бог. Государства, как и люди, тоже бывают плохими и хорошими. Они иногда ссорятся между собой, и тогда проливаются реки крови, а бывает, живут дружно, как хорошие соседи. Да что там государства! Давайте для начала заглянем в собственную душу и попробуем помочь Добру. Будьте здоровы, господа!

— Великолепно! — вымолвил Сорокопьятов.

— Ваше здоровье! — поддержал Нижегородцев.

Повернувшись к писателю, Клим Пантелеевич сказал:

— Попробуйте вот это, не пожалеете. Это сыр сулугуни, поджаренный на вертеле. Его обжаривают равномерно, пока со всех сторон не появится румяная корочка. На стол подается горячим. В таком виде он особенно вкусен.

— Удивительно! Необыкновенно! — восхитился литератор. — Вот бы к нам за стол сейчас Антона Павловича пригласить, представляете?

— Да, — задумался Ардашев. — Уж я бы с ним поговорил... Кстати, сегодня утром я читал его записки, дневники, воспоминания его друзей. И знаете, что меня больше всего поразило? Одно незамысловатое предложение. «Очень трудно описывать море, — сетовал он Бунину. — Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? «Море было большое». И только. По-моему, чудесно». Согласитесь, — улыбнулся адвокат, — вроде бы просто — всего три слова, а если вдуматься — точнее не скажешь. В этой фразе все — и плеск волн, и бескрайняя даль, и горизонт, и небо...

Послышался стук копыт. Клим Пантелеевич повернул голову — у тротуара остановились две коляски. Из одной выскочил человек в военной форме, из другой — городской. Быстрым шагом они направились к столикам. От внимания отдыхающих не ускользнул тот факт, что офицер расстегнул кобуру. То же самое проделал и полицейский.

— По-моему, это к нам, — испуганно пролепетал Сорокопатов.

В незваном госте Ардашев узнал капитана Мяличкина. Приблизившись, тот отрывисто приказал:

— Господин Нижегородцев, попрошу встать!

— А в чем, собственно, дело? — вытирая салфеткой рот, захлопал глазами доктор.

— Вы арестованы. — Капитан кивнул городовому, и тот проворно накинул на запястья доктора малые ручные цепочки.

— Позвольте! — воскликнул Ардашев. — Вы что, белены объелись? В чем вы его подозреваете?

— В умышленном смертоубийстве полковника Левицкого, мещан Клязьмогорова и Глаголева, а также в шпионстве в пользу Англии. А вас, господин присяжный поверенный, я тоже обязан допросить, но пока как свидетеля. Так что поедете со мной в полицейское управление. — Капитан скривил недовольную мину. — И как же это вы, Клим Пантелеевич, с вашим-то опытом не смогли распознать у себя под боком иностранного лазутчика, а? — Он протянул руку к трости. — А это холодное оружие я временно заберу себе. А то, не ровен час, вздумаете заступиться за приятеля и проткнете мне горло, как тому бедному Йорику.

— Хорошо, мы подчинимся. Только не забывайте, что за эту глупость вам непременно придется извиняться, — поднимаясь, произнес Ардашев.

Сорокопатова, казалось, разбил паралич. Он сидел не шевелясь и смотрел на происходящее широко открытыми глазами, а его рот от изумления стал круглым.

Взглянув на него, Мяличкин спросил:

— А вы, позвольте узнать, кто?

Литератор тотчас поднялся и вытянулся в струнку; пухлые щеки затряслись студнем, а руки стали теревить полу пиджака. Сглотнув слюну, он выдавил:

— Пишу-с... книги-с. Сорокопятав Ярополк Святославович. Прибыл из Костромы-с. Собираю сведения...

— Сведения? — насторожился офицер. — Какие?

— О писателе Чехове. А с этими господами я встретился случайно. Они сами пригласили. Да я их и не знаю вовсе...

— Вы свободны, — окидывая литератора презрительным взглядом, сухо изрек Мяличкин.

— Благодарю покорнейше, ваше высокоблагородие. — Не поднимая глаз, писатель засеменил прочь.

Присяжный поверенный усмехнулся, бросил на стол пятирублевую бумажку и вместе с остальными прошел к экипажу. Им в спину шушукались официанты, и укоризненными взглядами провожали отдыхающие. Доктор бледный, как холст, с каменным лицом и вытянутыми перед собой руками, неуклюже умащивался на заднем месте. Рядом с ним сел капитан. Адвокат и городской разместились в другом экипаже.

Кучер тронул лошадей, и фиакр покотился в сторону Пушкинского бульвара — к полицейскому управлению.

II

Когда Ардашев и Мяличкин подъехали к пансионату Илиади, то у самого порога они увидели «Руссо-Балт» ротмистра Берга. Приказав извозчику дожидаться, капитан тотчас же направился в здание, а Клим Пантелеевич, достав из кармана коробочку монпансье, на несколько секунд задержался у автомобиля. Вскоре и он вошел в уже знакомую комнату под номером 4.

Почти посередине лежал труп, а ротмистр с видом победителя покуривал папиросу. Полиции и следователя еще не было.

— Я же просил взять его живым, — недовольно пробурчал Мяличкин. — Как это случилось?

— Да я и не собирался в него стрелять, пока он на меня не набросился. — Берг указал на зажатое в ладони убитого длинное сапожное шило. — Промедли я хоть секунду, и — здравствуйте, небеса!

— Где чертеж?

— В том-то и дело, что его и в помине не было. Оказавшись в комнате, первым делом я осмотрел картину. Но ничего, кроме самого рисунка, там не обнаружил. Тогда я, как и было условлено, залез в шкаф. Ровно через полтора часа я услышал, что кто-то возится с замком. Потом дверь тихо отворилась, и через щелку я заметил, как сюда вошел этот турок. В нем я узнал глухонемого сапожника, который работал около гостиницы «Морская». Он подошел к картине и снял ее. И в этот момент предательски скрипнула дверь шкафа. Турок обернулся.

Мне ничего не оставалось, как наставить на него пистолет. Он сунул руку в карман и бросился на меня. Я нажал на спусковой крючок.

Присяжный поверенный многозначительно посмотрел на капитана, потом тяжело вздохнул и промолвил:

— Ну? Что я говорил, Константин Юрьевич? А вы не верили.

— Да, — с сожалением выдохнул Мяличкин и, повернувшись к Бергу, приказал: — Сдайте оружие. Вы арестованы.

— То есть как это? Что за бред вы несете! — вскричал офицер. Пятясь к двери, он неожиданно вытащил пистолет. — Не двигайтесь, а то постреляю, как куропаток.

— Не дурите, ротмистр. Вам все равно далеко не уйти, — холодно выговорил Ардашев, не отводя взгляда от парабеллума. — С минуты на минуту сюда придут полиция и следователь. Вас легко догонят.

— А это, господин адвокат, мы еще посмотрим. Для начала поднимите руки и подойдите к стене. И вы тоже, капитан. Ну!

Присяжный поверенный и Мяличкин молча повиновались. Ротмистр вытащил из чужой кобуры наган и заткнул себе за пояс. Обшарив карманы Ардашева, он выудил пустую коробку монпансье и швырнул ее в дальний угол комнаты, туда же полетела и трость.

— Счастливо оставаться!

Дверь захлопнулась. Дважды щелкнул замок. По коридору эхом раздались поспешные шаги.

Клим Пантелеевич подошел к окну и увидел, как «Руссо-Балт» ракетой вылетел со двора.

— Послушайте, капитан, я же просил вас быть осторожным, — поднимая трость, недовольно выговорил присяжный поверенный. — Не мне вам рассказывать, что разговор с Бергом вы должны были вести только через прицел револьвера.

— Но я не думал, что так получится...

— Помилуйте! А чего же, интересно, вы от него ожидали? Что он раскается? Падет ниц? Начнет просить вас о помиловании? Скажите спасибо, что на прощание он не прострелил вам обе ноги, как в свое время поступил со мной его покойный куратор.

— Я никак не мог поверить, что офицер русской армии может быть предателем, — виновато выговорил Мяличкин.

— Вы, я вижу, идеалист. С такими воззрениями в контрразведке работать нельзя. — Он усмехнулся. — На то и щука, чтобы карась не дремал.

Ардашев поднял стул, перевернул его спинкой вперед и несколько раз ударил в стекло. Посыпались осколки. Держась за спинку, он забрался на подоконник и аккуратно, не забыв прихватить трость, спрыгнул вниз. Его же примеру последовал и капитан.

Извозчик оторопело выпрямился на козлах, увидев, как двое недавних пассажиров — один статский, другой — военный, — разбив окно, идут к нему.

— Куда прикажете, ваше-скородие?

— Автомобиль видел? — спросил господин в шляпе и с тросточкой.

— Ага, — простодушно ответил мужик.

— Надо его догнать.

— Не-е... — возница почесал затылок и ослабился, — никак не можно. Лошадь бензинку ни в жисть не одолеет!

— Гони давай! — рявкнул офицер. — Быстро!

Окрика капитана было достаточно, чтобы пролетка сорвалась с места и будто на дерби понеслась по улице, оставляя позади себя клубы серой пыли. На Севастопольской встретила полицейская коляска. Мяличкин велел кучеру остановиться. Уже немолодой урядник подтвердил, что они видели «Руссо-Балт», который на всех парах гнал в сторону улицы Чайной. Без особых церемоний капитан приказал полицейским следовать за ними.

— Все ясно, он спешит в Севастополь, — заключил Ардашев и щелкнул крышкой Мозера. — Скоро мы его догоним.

— При всем уважении к вам, Клим Пантелеевич, в данном случае позволю не согласиться. Мы все больше от него отстаем.

— Вы ошибаетесь. — Он внимательно посмотрел на Мяличкина. — Я высыпал в бензобак «Руссо-Балта» всю коробку монпансье. Через несколько верст карамель растворится и забьет карбюратор.

— Простите, — вздохнул Мяличкин, — я снова вас недооценил.

— Ничего. Вы молодой, горячий. Мне не поверили. Не утерпели. Ринулись с ротмистром разбираться. Вот и результат — Берг сбежал вместе с вашим личным оружием. Жаль, что на этот раз я оставил свой браунинг дома. Теперь вот приходится сражаться подручными средствами: то тростью, то монпансье. Однако смотрите, начинается солнечное затмение.

— Да, действительно, будто сумерки опускаются.

Ардашев указал вперед:

— А вон и «Руссо-Балт»! Он его бросил.

— Но куда же делся ротмистр?

— Смотрите! Шар!

— Давай напрямки! — приказал кучеру адвокат.

— Щас!

Уже издали было заметно, как раскачивались гайдропы и колыхалась корзина. Вдруг раздался выстрел, и оттуда один за другим выпрыгнули два человека. Находясь под дулом пистолета, они выполняли чужие команды. Слышался чей-то истеричный крик. Наконец веревку, державшую воздушный шар, перерубили, и он стал медленно подниматься. Ротмистр — а в

корзине был, несомненно, он — принялся сбрасывать вниз мешки с песком. Один из них попал в полицейского, и бедняга потерял сознание. Клим Пантелеевич вытащил из его кобуры наган и открыл стрельбу. Мяличкин, выхватив у городского ветхозаветный «Смит энд Вессон», едва успевал взводить курок.

— Капитан, метьте в корзину! — прокричал адвокат.

Но и сверху раздались ответные выстрелы.

— В укрытие! — приказал Ардашев и сам спрятался за ствол дерева.

Шар поднимался все выше и выше, находясь уже вне досягаемости пистолетных зарядов. Юго-восточный ветер неумолимо тянул его в сторону моря. Не прошло и нескольких минут, как светлое удаляющееся пятно превратилось в еле различимую точку и скрылось за серыми зловещими облаками. На город опустилось затмение.

— Что ж, теперь неизвестно, куда его занесет, — опустив наган, проронил присяжный поверенный.

— Жаль, я бы с удовольствием всадил ему пулю в лоб, — с сожалением выговорил капитан.

— Кто знает, может, вы уже успели это сделать. Однако надобно скорее возвращаться в Ялту. Я представляю, как извелся в полицейском участке доктор.

— Кто знает, может, вы уже успели это сделать. Однако надобно скорее возвращаться в Ялту. Я представляю, как извелся в полицейском участке доктор.

Ардашев, Мяличкин и еле живой урядник забрались в экипаж. Извозчик смотрел на адвоката с еще большей почтительностью. За ними, на второй пролетке, ехали городской и два незадачливых аэронавта. Уставшие от недавней погони лошади теперь едва плелись.

— И все-таки, Клим Пантелеевич, как вы раскусили этого мерзавца? — чуть слышно спросил капитан.

— Основным ключом была, конечно, бомба. Та самая, которую он передал коридорному. После того как я собрал взрыватель, стало ясно, что и трубка, и пружина — автомобильные запчасти. Это потом подтвердили механики гаража. Во время той беседы господин ротмистр остался сидеть в машине. И это мне показалось подозрительным.

Следующим важным моментом являлся сам капсюль взрывного устройства, который я обнаружил на полу гостиницы. Он, как мне подтвердили в ювелирной мастерской, был из латуни и не имел примеси олова. А Берг носил с собой парабеллум, который заряжается патронами с латунными капсюлями Боксера. В отечественных же образцах оружия используется патрон Бердана. У него капсюль — своеобразная чашечка с лепешкой ударного состава, прикрытого тонким оловянным кружочком.

— Но, согласитесь, этого недостаточно для того, чтобы уличить его в изготовлении бомбы.

— Вы правы. Вот поэтому я и попросил полицейского фотографа сделать несколько снимков людей, находящихся на месте происшествия в художественном салоне. Механики, как вы помните, упоминали человека с окладистой купеческой бородой. Мне пришлось подрисовать ее всем, чьи фотографии мне передали.

— Вероятно, там был и я?

Ардашев кивнул.

— В этом деле исключений быть не может. Сегодня утром автомобильные мастера узнали Берга. Его также опознал и чудом выживший коридорный. Но и это не является стопроцентной уликой...

— ...и потому вы заранее вытащили из картины кальку с чертежом автомата перекося, вставили туда совсем другой чертеж, а затем попросили меня приказать ротмистру устроить в комнате засаду. И он, для того чтобы завладеть «копией», убил глухонемого сапожника — подручного немецкого резидента, чем выдал себя с потрохами. Верно? — закончил начатую адвокатом фразу капитан.

Клим Пантелеевич развел руками и, улыбнувшись, сказал:

— Почти. За тем исключением, что турок не был глухонемым, а резидент, скорее всего, австро-венгерский. Но давайте не будем забегать вперед. Надобно для начала его арестовать. — Он вновь щелкнул крышкой Мозера. — Успеть бы...

30

Провал

I

О том, что случился провал, Людвиг фон Бокль понял еще сегодня утром, когда заметил за собой хвост. Сначала почувствовал, а потом и увидел. Помог старый трюк — зеркальце, вставленное в крышку брегета.

А ближе к вечеру, когда Гекхан не оставил на углу каменного забора условленный знак — черту мелом в два вершка — стало ясно: самые худшие предположения оправдались.

Он выглянул в окно — солнечное затмение закончилось; на тротуаре у скобяной лавки дежурил шпик. Филеры обложили дом, точно гончие лисью нору. Но ведь не бывает безвыходных ситуаций. Из самого трудного положения всегда можно найти выход. Другое дело — какова будет цена? От улик он уже избавился: негативы с чертежами полковника Левицкого давно покоились в надежном месте, блокнот для шифрования успел превратиться в бумажную пыль; пистолет, правда без обоймы, «утонул» в сливном бачке коридорного ватерклозета, а обойма, с которой тщательно удалены возможные отпечатки пальцев, лежала под подоконником у третьего окна с улицы. Так что в любой момент он мог воспользоваться оружием. В случае его обнаружения была припасена отговорка — мало ли кто мог спрятать оружие? В России революционеров-террористов на каждом углу по сотне, да и в доходном доме подозрительных типов хватает. Ищите, разбирайтесь... А я-то тут при чем?

Теперь надлежало тщательно продумать предстоящую беседу с судебным следователем. Много, естественно, зависело от того, удалось ли русским взять живым Али. Если он мертв, то тогда, как говорится, все концы в воду. Они не смогут доказать ни его причастность к устранению Левицкого, ни к двойному смертоубийству в художественном салоне. Можно будет все свалить на мертвого турка. «А если им все-таки удалось схватить его? И он начал давать

показания? — задался вопросом резидент. — Хотя это маловероятно. Али ненавидит гяуров и помогает нам не столько ради денег, сколько из-за своих убеждений. Он свято верит, что совсем скоро все Черноморское побережье вновь перейдет к Османской империи. Так что он не скажет русским ни слова, а они — в отличие от англичан — разведчиков не пытаются. — Он усмехнулся. — И даже кичатся этим. Откровенно говоря, в данный момент это обстоятельство не может не радовать. Хотя пора подумать и о более приятных вещах. Например, о еде. Кто знает, когда мне вновь удастся вкусно поесть. В русских тюрьмах кормят отвратительно. И вообще, находясь на глазах у филеров, следует усыпить их бдительность. А потом — кто знает? — вдруг повезет и удастся ускользнуть... Хорошо бы! Во всяком случае, ни катер, ни пароход мне не подойдут. Об иностранном корабле и думать нечего. Россия — страна казенная. Каждого выезжающего сто раз наизнанку вывернут, прежде чем за границу выпустят. Железнодорожные вокзалы в Севастополе и Симферополе наверняка будут под неусыпным надзором жандармерии. Можно попробовать добраться до Симферополя на пролетке, а там снять комнату и залечь на дно. Недели через две, когда все утрясется, на рыбацкой шхуне дойти до Новороссийска. А оттуда на поезде, третьим классом, с пересадками, до Петербурга».

Он накинул пиджак, подошел к зеркалу и поправил галстук. «Удивительное дело! Я настолько спокоен, что у меня даже руки не дрожат. Это, верно, оттого, что я давно к этому дню готовился. А какой разведчик не думает о провале? Мне и так слишком долго везло. К тому же удача — дама капризная. Она не любит продолжительных романов. Ей каждый раз новых кавалеров подавай. Вертихвостка бесстыжая! Не могла полюбезничать со мной еще пару деньков и подарить последний чертеж... Ну, да ладно — будет судьбу корить. Пора».

Фон Бокль снова посмотрел в окно и с удовлетворением отметил, что стало темнеть. Он взял трость, отворил дверь и, пройдя по коридору, вышел на улицу.

Холодная пелена сумерек медленно опускалась на город, накрывая дома, деревья и людей темно-лиловой вуалью.

Извозчик, казалось, давно его ожидал.

Извозчик, казалось, давно его ожидал.

— Куда прикажете?

Он посмотрел на него и, усмехнувшись, ответил:

— В городской сад.

Возница, дождавшись, когда пассажир усядется, тронул лошадей. От его внимания не ускользнул тот факт, что кучер обменялся взглядами с филером, стоящим на другой стороне улицы.

«Тем лучше, — рассудил он, — значит, будем играть в открытую».

Городской сад Ялты протянулся от Виноградной улицы на севере до набережной на юге. С запада он ограничивался Екатерининской улицей, а с востока — Черноморским переулком. И потому дорога от доходного дома заняла всего пять минут. Отпустив фиакр, резидент зашагал напрямик к ресторану, откуда доносилась музыка духового оркестра.

II

— Рад, бесконечно рад, прошу за стол, господа, присаживайтесь. Я вижу, Клим Пантелеевич, что все недоразумения, возникшие еще сегодня утром у вас и Николая Петровича, благополучно разрешились. Вот и славно, вот и хорошо. А вас, господин... а-а... капитан, как величать?

— Константин Юрьевич, — сквозь зубы процедил Мяличкин.

— Разрешите напомнить, меня зовут Ярополком Святославовичем. Я только что собирался поужинать, но, признаться, нахожусь в некотором затруднении — в меню сплошь и рядом названия кавказской кухни. А я в них не силен и потому, пользуясь присутствием Клина Пантелеевича, предоставлю ему право выбора. Позвольте на этот раз я угощу вас.

— Хорошо, — пожал плечами Ардашев и взял меню. — Давайте закажем несколько больших порций разных блюд, и каждый отведаст всего понемногу. Не возражаете?

Сорокопьятов, Нижегородцев и Мяличкин согласно кивнули. Рядом вырос официант.

— Чего изволите?

— Почки на вертеле под гранатовым соусом, язык на углях и шашлык из сушеной баранины, а также балкарский сыр, лаваш, зелень, соус нуры-цахтон, маринованный терен и пару бутылочек Мукузани. — Присяжный поверенный окинул взглядом присутствующих, как бы советуясь с ними. — Мне думается, что это вино особенно подойдет. Оно довольно долго выдерживается в дубовых бочках, благодаря чему приобретает мягкий привкус дуба и ягод. А учитывая заказанные мною блюда, оно придаст мясу новые, несколько неожиданные оттенки. Опять же и терен будет очень к месту. Вы не возражаете, господа?

— Поддерживаем, Клим Пантелеевич, всей душой, — ответил за всех литератор.

— Больше ничего-с? — осведомился лакей.

— Пожалуй. Но скажи мне, любезный, на углях какого дерева вы готовите?

— Третьего дня целый воз дубовых дров завезли.

— Будем считать, что успокоил, — улыбнулся Ардашев. — Только смотрите, почки не пережарьте, а то знаю я вас!

— Не извольте беспокоиться.

Лакей удалился.

— Позвольте полюбопытствовать, Клим Пантелеевич, а не все ли равно, на каких древесных углях жарить мясо? — поинтересовался писатель.

— Что вы, Ярополк Святославович, это очень важно! Допустим, ольха — она хороша для семги, индейки и курицы; вишня — для баранины, утки, гуся, перепела и фазана; яблоня — для курицы, свинины, говядины, дичи; клен — для курицы и всех видов мяса, включая свинину; только виноградная лоза и дуб подходят практически для всего. Не забывайте, что при горении выделяются древесные смолы, и они не всегда гармонируют с теми или иными продуктами. Однако и тут есть свои секреты. Допустим, мне очень нравится привкус черной смородины. Согласитесь, найти необходимое количество сухих веток для жарки очень трудно. Но я придумал выход — с помощью ниток я обвязываю уже нанизанные кусочки мяса листьями

этого кустарника. Они, конечно, сгорают, но успевают передать мясу свой неповторимый аромат.

— ХитроМГ, ничего не скажешь, — согласился сочинитель и невольно поднял глаза на Мяличкина, который все время сверлил литератора суровым взглядом.

В этот момент с подносами подоспели два официанта, и свободного пространства на столе не осталось.

— Да, — задумчиво проронил доктор, — как говаривали в старину, нажористо.

— Желаю вкусно откусать. Приятного аппетита-с... — разлив вино, прислужник поклонился и удалился.

— Предлагаю тост, господа, — капитан поднял бокал. — За скорое разоблачение вражеского лазутчика!

Нижегородцев натянул на лицо вымученную улыбку. Присяжный поверенный остался непроницаем.

— Так поддадим негоднику, что мало не покажется! — весело пробалагурил Сорокопатов. Сделав пару глотков, он добавил: — А прошлый раз, как я понимаю, вы, господин капитан, ошиблись, назвав доктора английским шпионом, верно?

— Я сделал это намеренно, чтобы затем разоблачить вас как немецкого агента.

— Меня? — писатель округлил от удивления глаза.

— Именно.

— Надо же! А я-то здесь при чем? — Он повернулся к Ардашеву. — Клим Пантелеевич, ну хоть вы объясните господину капитану, что он заблуждается.

— Не забывайте о еде, господа, — накладывая жаренные почки, порекомендовал адвокат. — Действительно, господин капитан не прав, и я уже один раз об этом ему говорил: никакой вы не немецкий агент...

— Вот-вот, послушайте умного человека! — закивал Сорокопатов и погрозил капитану пальцем.

— Вы — австро-венгерский резидент, ну, я подозреваю, где-то в чине полковника.

— Послушайте, вы меня разыгрываете?

— Вовсе нет! — сурово выговорил Нижегородцев. — Вы подлый и бессовестный человек! Воспользовавшись моей доверчивостью, вы узнали у меня все обстоятельства расследования убийства полковника Левицкого!

— Ну уж нет! С меня хватит! — литератор выдернул из воротника салфетку и, покраснев, попытался встать, но рука Мяличкина резко опустилась ему на плечо.

— Без фокусов! А то пристрелю, — негромко выговорил офицер.

— Вы кушайте, Ярополк Святославович, — примирительно посоветовал Ардашев. — Как знать, быть может, это ваш последний ужин на воле. Двадцать лет каторги вы вряд ли перенесете. —

Он указал на соус. — Почки лучше с цахтоном. Изумительно, не правда ли? И вино не забываете.

— Какой цинизм! — покачал головой литературный критик. — И этими людьми я совсем недавно восхищался? Господи, — он поднял к небу глаза, — прости меня за то, что я так наивен, простодушен и доверчив!

— Вы меня умиляете, Сорокопятов, — отрезая ножом кусочек мяса, усмехнулся Клим Пантелеевич. — Если бы я лично знал господина Станиславского, то непременно порекомендовал бы ему принять вас в труппу. У вас отличная мимика, быстрое перевоплощение — словом, артист. Да и самообладание — не грех поучиться. Только вы сильно переоценили свои возможности и в результате угодили в простецкую ловушку. Это как в шахматах, знаете, когда на четвертом ходу опытный игрок получает мат слоном и ферзем. Он так и называется — детский. Так и вы. Проглотили заброшенную мною наживку — поверили разыгранной перед вами сцене ареста доктора. — Он досадливо поморщился. — Вы не находите, господа, что язык явно не досолен? А почему? Потому что хотели быстрее выполнить заказ. А ведь надо было во время жарки смазывать его водным раствором соли. Был бы совсем иной вкус. Но куда там! Поспешили. Вот и вы, Сорокопятов, поторопились сообщить вашему помощнику, что чертеж аппарата перекоса геликоптера спрятан в картине. А в разведке главное оглядеться, все взвесить и только потом принимать решение. И еще: ваш так называемый глухонемой, который так мастерски владеет сапожным шилом, уже дает показания судебному следователю. Так что вполне возможно, что и двадцатью годами нерчинской каторги вы не обойдетесь. Шпионство, организация преступлений, равно и участие в них, а речь идет о трех смертоубийствах, тянет на пеньковую веревку с осиновой перекладиной.

— Да, Клим Пантелеевич, недооценил я вас, — тряхнул головой писатель и налил вина. — Вы — мастер уголовного рассказа.

— Благодарю покорнейше, — парировал Ардашев. — К сожалению, о вас я этого сказать не могу — в вашей легенде полно неувязок. Как, например, называлась та самая кисловодская гостиница, в которой вы поселились вместе с Чеховым в 1896 году?

— «Гранд-отель». Однако я могу и ошибиться. Прошло столько времени!

— В том-то и дело, что вы обязательно ошибетесь, потому что никогда вы с Чеховым знакомы не были. А в «Гранд-отеле» мы отдыхали с доктором в прошлом году. Эта гостиница начала строиться только в 1903 году. И лишь в июне 1905-го она стала казенной, то есть ее передали Управлению вод, а по предложению министра Ермолова она получила сие громкое название — «Гранд-отель». На самом деле Чехов, как следует из его записных книжек, приехал в Кисловодск 24 августа 1896 года и остановился в гостинице наследников Зипалова, расположенной как раз напротив галереи «Нарзан».

— Очень даже может быть, — согласился писатель. — Я бы даже сказал, что именно так и есть. Да, я вспомнил. Точно. Мы жили с ним в гостинице Зипалова. Я это подтверждаю.

— И опять вы лжете! Дело в том, что уже в то время Антон Павлович был популярен, и хозяин гостиницы в память о его пребывании распорядился сохранить книгу постояльцев. Как следует из телеграммы, которая на днях получена из Кисловодска, господин Сорокопятов Ярополк Святославович, учитель гимназии из Костромы, в данной гостинице никогда не останавливался. — Адвокат, точно факир, вынул распечатанный конверт и положил на стол. — Извольте убедиться, милейший. — Литератор молчал. — Но и это далеко не все, — продолжил

Ардашев, — бесследно пропавший два с лишним года тому назад учитель костромской гимназии очень любил фотографироваться. А в фотографических салонах, как вам хорошо известно, хранят негативы. По моей просьбе местная полиция попросила своих коллег из Костромы проверить, не осталось ли где-либо негативов с его фотографией. И представьте себе — нам повезло. — Присяжный поверенный вновь выудил три разных снимка и бросил на стол. — Полюбуйтесь. Это и есть настоящий Ярополк Святославович Сорокопятов. Кроме страсти фотографирования была у него и еще одна чисто русская пагубная привычка — любил выпить. Где и как вам удалось раздобыть его документы и какое отношение вы имеете к исчезновению этого господина, вы расскажете судебному следователю, герр оберст... как вас там?..

— Людвиг фон Бокль, — устало выговорил он. — Господа, вы правы — я являюсь полковником Австро-Венгерского генерального штаба. И прошу обходиться со мной так, как подобает вести себя с офицером моего звания.

— На этот счет можете не беспокоиться, — заверил Мяличкин.

Полковник внимательно посмотрел на Ардашева и спросил:

— Скажите, Клим Пантелеевич, неужели ошибка с «Гранд-отелем» позволила вам заподозрить во мне австрийского агента?

— Не только. Кроме нее вы допустили еще несколько непростительных оплошностей. Первая произошла в позапрошлую субботу — двадцать четвертого марта. Помните? Вы возвращались от башмачника и под мышкой держали газетный сверток, из которого случайно вывалилась туфля?

— И?..

— Эта коричневая пара была на два размера больше тех, в которых вы были обуты. Следовательно, подумал я, вы несли их для отвода глаз. И, вероятно, вам дал их обувщик. Позже, осматривая место совершения двойного смертоубийства, я обнаружил на правой лакированной туфле замученного фотографа небольшой — примерно с дюйм длиной — кусок сапожной дратвы. Никакого отношения к его собственной обуви она иметь не могла, так как была другого цвета. Да и туфли его были совсем новые. Выходит, этот вощенный кусок суровой нитки кто-то занес. И скорее всего, сапожник.

О том, что он не глухонемой, я понял в минувшую пятницу, когда мы с доктором пришли в его мастерскую. Стоило мне завести разговор о чертежах, стук молотка прекращался. Едва я замолкал — он слышался вновь. Желая окончательно в этом убедиться, я намеренно предложил доктору встретиться в полдень следующего дня у Дерекойского моста, якобы с тем, чтобы обсудить, где же находится недостающий чертеж Левицкого. Так называемый глухонемой башмачник добросовестно передал вам суть разговора. И, не успели мы сесть за стол, как перед нами появились вы. Вот тут-то все окончательно и стало на свои места. Я понял, что турок, убивший шилом полковника, — ваш пособник... Ну и еще одна мелочь. В прошлое воскресенье я встретил вас вместе с Николаем Петровичем в фойе гостиницы, где вы пили чай. Вы еще рассказывали забавную историю, услышанную от Синани, про одного рассерженного отца семейства из Одессы, написавшего Чехову письмо по поводу его целомудренной дочери. Помните? — Сорокопятов неуверенно кивнул. — Так вот, я обратил внимание, что, откушав достаточно чаю, вы, желая показать, что больше пить не хотите, оставили в стакане чайную ложку. Русский лакей, не знакомый с малоизвестной тонкостью австрийского этикета, остановился в растерянности с чайной парой в руках. Вы же, когда он

спросил у вас, надо ли вам еще, смотрели на него как на болвана. Но тут же опомнились, поблагодарили и отказались.

— И все-таки я настаиваю на том, что ни к одному из перечисленных вами смертоубийств я никакого отношения не имею. Действительно, сапожник оказывал мне мелкие услуги — информировал о разговорах, которые вели его клиенты, и только. Он, как я понимаю, являлся турецким агентом. Все убийства, о которых здесь было сказано, совершены им в интересах Османской империи, — тоном судебного защитника провещал фон Бокль. — А в рассуждении ваших предположений относительно пропажи некоего Сорокопятова, то я об этом ничего не знаю, поскольку этот «вид» я купил на нижегородской ярмарке у одного забулдыги.

— А вот это вы уже расскажете следователю, — прервал молчание Мяличкин. — Но только не местному, а столичному. На этом, я думаю, ужин закончен. Вас, господин фон Бокль, я попрошу встать.

— Позвольте расплатиться.

И в ту же секунду вместо портмоне в руке Сорокопятова сверкнуло длинное лезвие, устремившееся к горлу Мяличкина. Ардашев тотчас же откинулся назад и под столом нанес сокрушительный удар правой подошвой ноги по голени лжеписателя. Нападавший качнулся и рухнул на спину, успев, однако, задеть кончиком ножа лоб капитана. Послышался испуганный женский крик. Подняться фон Бокль не успел — адвокат оказался проворнее. Перехватив трость за конец, точно клюшку для гольфа, он нанес костяной ручкой хлесткий удар по голове австрийца. И тот потерял сознание.

— А вот это вы уже расскажете следователю, — прервал молчание Мяличкин. — Но только не местному, а столичному. На этом, я думаю, ужин закончен. Вас, господин фон Бокль, я попрошу встать.

— Позвольте расплатиться.

И в ту же секунду вместо портмоне в руке Сорокопятова сверкнуло длинное лезвие, устремившееся к горлу Мяличкина. Ардашев тотчас же откинулся назад и под столом нанес сокрушительный удар правой подошвой ноги по голени лжеписателя. Нападавший качнулся и рухнул на спину, успев, однако, задеть кончиком ножа лоб капитана. Послышался испуганный женский крик. Подняться фон Бокль не успел — адвокат оказался проворнее. Перехватив трость за конец, точно клюшку для гольфа, он нанес костяной ручкой хлесткий удар по голове австрийца. И тот потерял сознание.

Вскоре появились дежурившие неподалеку филеры. Несмотря на то что кровь заливала Мяличкину лицо, он лично набросил на кисти рук лазутчика малые ручные цепочки.

— Возьмите, капитан, — Ардашев протянул белоснежный платок.

— Благодарю вас.

— А за стол, господа, я расплачусь, — пробормотал Нижегородцев. — Должна же быть от меня хоть какая-то польза.

— Вы, доктор, себя недооцениваете, — улыбнулся присяжный поверенный. — Если бы не ваши доверительные отношения с этим субъектом, мне бы вряд ли удалось обвести его вокруг пальца.

— То есть вы хотите сказать, что намеренно потчевали меня информацией именно для того, чтобы она дошла до Сорокопятава?

— В разведке, дорогой Николай Петрович, это называется «использовать объект втемную». Простите, но это нужно было для дела. К тому же вы и сами были излишне разговорчивы. Впрочем, давайте об этом забудем. Лучше посмотрите, каков у нас улов, а? Целый австрийский полковник! Он, кажется, начинает проявлять признаки жизни.

Фон Бокль между тем открыл глаза. Придерживая у лба мокрый от крови платок, Мяличкин помог ему встать.

— Позвольте, я осмотрю вашу рану? — предложил Нижегородцев. Он отнял ото лба платок. — У вас глубокий порез. Останется шрам.

— Константин Юрьевич, передайте шпиона полиции. Вам надобно срочно наложить повязку.

— Нет уж, Клим Пантелеевич, пока я лично не захлопну его клетку, я не успокоюсь.

— Да, — усмехнулся присяжный поверенный, — узнаю себя в молодости.

В нарушение всех правил полицейская коляска подъехала к центральной площадке городского сада. Мяличкин сел рядом с австрийцем. Филер, выполнявший роль извозчика, тронул экипаж. Конские копыта мерно застучали по каменным плитам аллеи.

Проводив взглядом удаляющийся фиакр, Ардашев повернулся к Нижегородцеву и сказал:

— А знаете, доктор, мне совсем расхотелось покупать здесь дачу.

— Но почему? Летом, когда откроется купальный сезон, здесь будет замечательно.

— Не сомневаюсь. Но находясь здесь, мы будем обречены на бесконечные воспоминания о жестоких убийствах. И, как бы там ни было, одно из них — дело моих рук.

— Но вы же защищались...

— Это так, но на душе все равно тоскливо. Старею, наверное.

— А что мы скажем нашим женам? Мы пробыли здесь две недели, и все впустую?

— Послушайте, Николай Петрович, вы целый год усердно трудились. И неужели вы не можете себе позволить шестнадцать дней отдыха? Вы вполне заслуженно любовались красотой окрестных гор, наблюдали живописные восходы и закаты; слушали пение птиц и наслаждались ароматом южных цветущих деревьев. Разве это плохо?

— А еще меня арестовали на глазах всей ялтинской публики и будто беглого каторжника доставили в участок. А потом бросили в каком-то сыром клоповнике, в то время как сами умчались, так ничего и не объяснив. Если бы вы знали, Клим Пантелеевич, чего я там только не передумал и какой страшной участи для себя не нафантазировал, глядя на толстые решетки камеры!

— К сожалению, мой друг, мы не могли поступить иначе. А если бы среди полицейских был сообщник Сорокопятава? Вы думаете, он бы послал турка в пансион?

— Пожалуй, вы правы, — в сердцах махнул рукой врач, — не надо нам никаких дач в Крыму.

Поедемте сегодня в Севастополь. А оттуда — домой.

— А я предлагаю морем. В десять утра отходит пароход. С корабельной палубы открываются неповторимые красоты. Я видел их, когда провожал... — Не докончив фразы, адвокат заметно погрузился, и это не укрылось от внимания Нижегородца.

— Вы часто о ней вспоминаете? — чуть слышно спросил он.

— Иногда.

Некоторое время они шли молча. Вскоре показалась сверкающая огнями набережная.

— Послушайте, Николай Петрович, — вдруг встрепенулся Ардашев. — А мы так и не посетили дачу Чехова. Хотелось хоть несколько минут постоять в его кабинете, посмотреть, какой вид открывается из окна... А давайте прямо сейчас туда отправимся, а?

— Уже поздно. Неудобно людей беспокоить.

— Вы правы. Но ведь посмотреть на дом хотя бы со стороны мы можем?

— Думаю, да.

Адвокат махнул проезжающему извозчику, и тот остановился.

— В Аутку, к чеховской даче.

— Домчу, ваше благородие, не сомневайтесь! Только темень там непроглядная.

— Ничего, — Клим Пантелеевич кивнул на притороченную к облучку «летучую мышь», — мы твоим фонарем посветим.

— Дык это завсегда пожалуйста!

Фиакр развернулся, и старая рыжая лошадка потрусила в гору. В богатых каменных домах сиял электрический свет, а в белых окраинных мазанках мерцали керосинки. Хозяева на ночь затворяли ставни. Курортная Ялта, как уставшая за день хозяйка, неспешно готовилась ко сну.

31

На пристани

Утреннее солнце, словно развеселая шансонетка, искрилось, сверкало, играло лучами и смеялось, разбрасывая по воде блики и лучи. У мола толпился народ. Последние пассажиры поднимались по сходням небольшого пароходика. Нижегородцев на палубе расплачивался с носильщиком.

Мяличкин в форме, но с перебинтованной головой благодарно тряс руку Ардашеву.

— Спасибо за помощь, Клим Пантелеевич. Несколько дней совместной работы с вами дорогого стоят.

— Удачи вам, капитан. И будьте осторожнее. А не то пропорол бы вам австрияк горло. Кстати,

когда вы отбываете?

— Завтра утром на военном катере прибудет жандармский конвой из Севастополя. Вот я с ними и отправлюсь. А там поездом до Петербурга.

— А как поживает наш святой старец? Жив ли?

— Он в столице. Снова чудит: рестораны, дамы, скандалы...

— Да, — вздохнул присяжный поверенный. — Позорит Гришка Государя, позорит... Ну, пора.

— Позвольте еще минуту, Клим Пантелеевич?

— Да, я вас слушаю.

— А как поживает наш святой старец? Жив ли?

— Он в столице. Снова чудит: рестораны, дамы, скандалы...

— Да, — вздохнул присяжный поверенный. — Позорит Гришка Государя, позорит... Ну, пора.

— Позвольте еще минуту, Клим Пантелеевич?

— Да, я вас слушаю.

— Вчера у меня состоялся телефонный разговор с моим начальником — полковником Ладыженским. Он просил передать вам следующее: в ближайшие месяцы при военных округах будут сформированы разведочные отделы. Им предстоит не только собирать сведения о вероятном противнике на приграничной территории, но и создавать агентурную сеть за рубежом. Некоторые ваши бывшие коллеги из Министерства иностранных дел уже изъявили согласие надеть погоны и перейти к нам на службу. Ваша кандидатура как нельзя лучше подходит для руководства ближневосточным направлением. Как вы смотрите на это предложение?

— Знаете, капитан, по крайней мере еще год Россия точно проживет в мире, а если повезет, то и два. Но если начнется кровавая мясорубка, то я незамедлительно, в тот же самый день, как только объявят царский манифест о войне, приму любые ваши предложения. И вот тогда, поверьте, мне будет совершенно неважно, на какой участок борьбы меня направят. А пока я еще не устал жуировать жизнью.

Раздался последний гудок. Ардашев обернулся. Нижегородцев, стоя у правого борта, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, всем видом показывая Климу Пантелеевичу, что пора подниматься.

— По-моему, мы с вами задерживаем отплытие... Да, а про воздушный шар ничего не слышно?

— Сегодня утром пришло сообщение из Одесского жандармского управления. Следственная комиссия засвидетельствовала, что он упал на линию электрических проводов. Ротмистр Берг сгорел. Труп опознан.

— Туда ему и дорога.

— И все-таки интересно: куда же полковник спрятал подлинник чертежа автомата перекоса?

- Боюсь, этого мы уже никогда не узнаем.
- Слава богу, мы отыскали копию... вернее, вы...
- Бросьте. А то совсем меня захвалите. Ну, прощайте, капитан.
- Честь имею, — козырнул офицер.

Адвокат поднялся на палубу и, подойдя к доктору, проронил:

- Ялта с моря еще прекраснее.
- Вы правы. Вроде бы еще вчера тянуло домой, а уплываем, и отчего-то тоскливо на душе становится.
- Так бывает всегда, когда расстаешься с красотой, — грустно заметил Ардашев и добавил: — Жаль, что мы так и не увидели, как цветет черная магнолия — самое загадочное дерево Крыма.

Эпилог

И снова о шпионстве

Газета «Новое время». № 79, от 2 апреля 1913 года

«Активность германских и австрийских агентов, достигшая за последний год немыслимых пределов, вызывает беспокойство всего российского общества. Бывший член Государственной Думы А. И. Гучков сообщил корреспонденту нашей газеты следующее: «На днях случилась таинственная история с крепостным жандармским офицером подполковником Ильяшевичем, который отвечал за охрану одного важного строящегося форта. Сей офицер бежал за границу, прихватив с собой солидную сумму казенных денег. Взял ли он с собою секретные документы и какое употребление из них сделал, мне неизвестно, но, вероятно, об этом знают в военном ведомстве. Один из начальников бежавшего подполковника в беседе, помещенной в «Вечернем времени», дал успокоительные объяснения, что бегство произошло якобы на амурной почве. Тогда приходится признать, что это первый случай романтического предательства жандармского подполковника. До сих пор такое случалось только с юными барышнями».

Редакция нашей газеты также выражает свое возмущение по поводу передачи австрийским властям арестованного шпиона — полковника Людвиг фон Бокля.

Из хорошо осведомленного источника нам стало известно, что, помещенный в Трубецкой бастион, он в течение всего года содержания под стражей не только получал книги, шахматы и настольные игры, но и питался исключительно из ресторана. В нарушение действующих циркуляров австриец находился в камере в собственном белье и платье. Комендант крепости допускал к заключенному частнопратикующего дантиста, который, как позже выяснилось, имел немецкое происхождение. Он же разрешил свидание фон Бокля с его женой и пастором.

Несмотря на чрезвычайно льготное содержание лазутчика, Министерство иностранных дел не только Австро-Венгрии, но и Германии оказывало всяческое давление на российскую сторону и требовало дальнейшего улучшения режима для своего подданного. Проявив малодушие, наше правительство позволило перевести арестанта из Трубецкого бастиона в Екатерининскую

куртину. Однако этого австрийцам показалось мало, и месяц назад в Кенигсберге немецкими властями под надуманным предлогом был арестован бывший российский консул — действительный статский советник Полятковский.

В результате всех перипетий, с «благословения» Российского императорского двора, на границе с Финляндией был произведен обмен, и австрийский полковник, виновный в тройном убийстве, вернулся домой.

Между тем в адрес правительства неоднократно поступали телеграммы от генерал-квартирмейстера Генерального штаба о недопустимости депортации фон Бокля. Но к его мнению так и не прислушались.

Что поделаешь, видимо, и дальше иностранные шпионы будут оставаться в России безнаказанными».

Примечания

1

Оберст — воинское звание в Австро-Венгрии и Германии; соответствует полковнику русской армии. (Прим. авт.)

2

Клапштос — отрывистый короткий удар, в результате которого биток, ударившись в прицельный шар, остается на месте соприкосновения. (Прим. авт.)

3

Киксовать — сделать промах (кикс), т. е. ударить по битку вскользь, так что последний едва сдвинется с места либо покатится в нежелательном направлении. (Прим. авт.)

4

Шикари — потомственный индийский охотник. (Прим. авт.)

5

Радужная (жарг.) — сторублевая купюра. (Прим. авт.)

6

Every bullet has its billet (англ.) — чему быть, того не миновать. (Прим. авт.)

7

Серенькие (жарг.) — купюры достоинством в 200 рублей. (Прим. авт.)

8

Nachrichten-Bureau (нем.) — разведывательное (разведочное) бюро. (Прим. авт.)

9

Nothing venture, nothing have (англ.) — Риск — благородное дело. (Прим. авт.)

9

Nothing venture, nothing have (англ.) — Риск — благородное дело. (Прим. авт.)

10

Take council of your pillow (англ.) — Утро вечера мудренее (дословно: «посоветуйся со своей подушкой»).

11

Or: Tomorrow will be another day (англ.) — Или: утро вечера мудренее (дословно: завтра придет новый день; сравните: «будет день — будет пища»).

12

Хамалы (тюрк.) — агентские носильщики, чаще всего татары.

13

Страны Антанты (фр. Entente cordinale), дословный перевод — «сердечное согласие».

14

See you soon (англ.) — До скорой встречи.